

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2009

Содержание

1. ПАМЯТИ ЛЕШЕКА КОЛАКОВСКОГО
2. ПОЛНАЯ И КРАТКАЯ МЕТАФИЗИКА. ИНОЙ НЕ БУДЕТ. ИНОЙ НЕ БУДЕТ.
3. ОДИННАДЦАТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНТА
4. ЛЕШЕКУ КОЛАКОВСКОМУ...
5. РЕДАКТОР ДОЛЖЕН БЫТЬ ДИКТАТОРОМ.
6. ЕЖИ ГЕДРОЙЦ НЕ ОСТАВИЛ ЗАВЕЩАНИЯ, НО ОСТАВИЛ НАСЛЕДИЕ
7. СРЕДСТВО НАЛАЖИВАНИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА
8. АФИНЫ В ВАРШАВЕ
9. СТРОИМ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БЕЗ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ
10. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
11. НЕОТВРАТИМОСТЬ
12. МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
13. ПИСАТЕЛЬ, ВЕРНЫЙ ТРАДИЦИЯМ
14. «...НО ЕСТЬ ОЧЕВИДЦЫ»
15. В ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ ВИТКАЦИЯ
16. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
17. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ПАМЯТИ ЛЕШЕКА КОЛАКОВСКОГО

Кончина профессора Лешека Колаковского — огромная потеря не только для поляков (он родился в Радоме в 1927 г.) или англичан (он умер в Оксфорде, где несколько десятков лет преподавал в All Souls College). И не только для любителей философии. Мы лишились одного из тех настоящих, то есть никем не назначенных авторитетов, к которым может обратиться каждый. Мы потеряли мыслителя, который ставил перед собой незаурядные, нематериальные, и в то же время важные для любого мыслящего человека проблемы: вопросы о смысле жизни, о значении таких понятий, как «добро» и «зло», «бесконечность», «закон». А также о необходимости придерживаться принципов лояльности и терпимости в отношениях с другими... Колаковский старался дать этим проблемам ясное выражение. Его необычайная эрудиция давала ему то, что среди других философов очень редко: простоту без простоватости и остроумие без недооценки важности затрагиваемой проблемы.

Он всегда хотел быть активным членом общества. И вовсе не стремление сделать карьеру или принуждение привели его сразу после войны в коммунистическую партию. Мы познакомились как молодые участники движения — объединенные иллюзией, что даже в условиях, навязанных нашей стране в Ялте, можно будет оказывать такое воздействие на судьбы Польши, чтобы наша жизнь не приобрела тех форм, которые познали люди в СССР под железной дланью Сталина. Немудрено, что Колаковский быстро стал первым из так называемых ревизионистов. Мы с ним считали, что удастся отремонтировать машину социализма, уже лишенную двигателя, зато оснащенную мощными тормозами, руль которой находился в Москве. Колаковский был первым, кто показал безнадежность этой затеи в десятилетие после быстро свернутой оттепели 1956 года.

Он уже тогда был автором таких замечательных работ, как «Религиозное сознание и Церковь» или «Разговоры с дьяволом». Но главные его труды были созданы в эмиграции: «Существование мифа», «Ужас метафизики», а также трехтомные «Главные течения марксизма» — революционное

исследование, которое, с одной стороны, привело к упразднению положений важнейшей политической гипотезы нашего времени, а с другой — вызвало бешеный протест левацких некрофагов марксизма на Западе. Колаковский пренебрегал как похвалами, так и нападка — и обустроился в Оксфорде. Там проявились его пытливость и трудолюбие, которые сделали его мыслителем, достойным славы гения. Несмотря на мучивший его с детства костный туберкулез, он неустанно работал: преподавал, писал, а то, что им сказано и написано, удивляет живостью и глубиной, которые сделали его, пожалуй, крупнейшим из современных философов. Когда он приезжал в Польшу, большой зал Ягеллонского университета не мог вместить всех желавших его услышать. Кстати, то же самое происходило и в американских университетах.

Ежи Маркушевский, некогда блистательный режиссер Студенческого театра сатириков (название которого не отражает всей его серьезности), снял цикл фильмов-монологов Колаковского, ставший единственным в своем роде, поразительным по форме и содержанию очерком истории философской мысли. Необычайные по своей краткости книжечки Колаковского о вопросах, которые ставили нам великие философы, в Польше многие собирают как сокровища. Понимание необходимости разрешить загадку бытия как насущную человеческую потребность подсказало ему (когда-то знаменосцу атеизма) признать роль и значение религии, хотя сам он ни к какой церкви или конфессии примыкать не хотел. Знаменитый католический «Тыгодник повсехный» посвятил ему целый номер (26 июля 2009).

Среди немногих вещей, которыми автор этих строк смеет гордиться, — многолетняя дружба с Лешеком Колаковским и публичная его защита в 1966 г., когда Колаковского изгнали из партии и вынудили эмигрировать.

Редакция «Новой Польши» гордится тем, что Колаковский у нас печатался и давал интервью. Мы рекомендуем читателю обратиться к обширной литературе о Колаковском и русским переводам его трудов, а в этом номере публикуем лишь последние его произведения: две философские миниатюры, исполненные, как всегда, мудрости и остроумия. Этот краткий катехизис интеллигента стоит запомнить. Колаковский не был типичным польским интеллигентом, ибо воплощал в себе только достоинства интеллигенции, без ее пресловутых пороков. Но он был для каждого интеллигента примером того, каким тот может стать.

ПОЛНАЯ И КРАТКАЯ МЕТАФИЗИКА. ИНОЙ НЕ БУДЕТ. ИНОЙ НЕ БУДЕТ.

Четыре краеугольных камня дома, в котором, выражаясь патетически, обитает человеческий дух. Вот они:

Разум

Бог

Любовь

Смерть.

Своды дома — это Время, самая повсеместная и самая загадочная действительность в мире. С рождения время кажется нам самой обычной и привычной реальностью. (Что-то было — и прошло. Было одним — стало другим. Что-то случилось вчера или только что — и уже никогда, никогда не вернется.) Поэтому время — реальность самая обычная, но и самая ужасающая. Четыре вышеназванных действительности — вот средства преодоления нами этого ужаса.

Разум служит, чтобы открывать вечные истины, неподвластные времени. Бог, или абсолют — это та сущность, для которой нет ни прошлого, ни будущего, которая всё заключает в своем «вечном теперь». Любовь, в ее горячем переживании, тоже избавляется от прошлого и будущего, она — концентрированное, исключительное настоящее. Смерть же — конец той темпоральности, в которую мы были погружены в течение нашей жизни, и, возможно, как мы догадываемся, выход в другую темпоральность, о которой мы ничего не знаем (почти ничего). Все эти основы нашего мышления суть инструменты, с помощью которых мы спасаемся от ужасающей действительности времени и с помощью которых мы можем временем воистину овладеть.

ОДИННАДЦАТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНТА

Это значит, что существует класс образованных людей, которые заняты не только своими профессиональными заботами, но и, кроме того, активно интересуются общими делами, делами своей страны, а также Европы и мира.

Конечно, они не обязаны быть политически активными, устно или письменно выносить свое суждение о мире на общий суд, деятельно участвовать в жизни каких-либо партий или политических организаций.

Но они стремятся каким-то образом быть причастными к созиданию общего блага и хотят, чтобы их профессиональные способности были не только свидетельством мастерства, но и вкладом в это общее дело.

Настоящий интеллигент хочет быть участником общей жизни своего народа и человечества и подтверждать это участие тем, что он знает и умеет.

Я не знаю, сколь многочисленна в Польше популяция, отвечающая этим критериям, но она существует и осознаёт свою самость. Если бы у нас среди образованных людей были только те, кто благодаря своему образованию добывает себе средства для сносной жизни и больше ни о чем не печется, то в Польше не было бы интеллигенции, а политическая ангажированность образованных людей стала бы одним из многочисленных умений, которыми можно всюду воспользоваться, не думая ни о чем, кроме собственных жизненных благ и карьеры. Политическими партиями часто руководят интеллигенты, но есть и партии, которые интеллигенцию ненавидят, и во главе таких партий интеллигенты не стоят.

I

Вот первая из одиннадцати заповедей интеллигента: не уставай думать о делах общей жизни и рассматривай свою профессиональную деятельность как сопричастность к этой жизни, в соответствии с твоими соображениями, как исправить или улучшить этот мир.

II

Вторая заповедь: если считаешь себя левым или правым, сумей, когда тебя спросят, четко объяснить, что это значит.

III

Третья заповедь: если считаешь, что деление на левых и правых в наше время утратило смысл, тоже будь готов разъяснить свое суждение.

IV

Четвертая заповедь: если уж приходится публично лгать, всегда помни, чт? из твоей лжи легче всего разоблачить.

V

Пятая заповедь: не компрометируй себя, приписывая другим какое-либо суждение, если не можешь привести цитату из их высказываний.

VI

Шестая заповедь: если считаешь, что все, кроме тебя, подлецы и негодяи, то все же не заявляй этого публично, ибо на пользу это тебе не пойдет.

VII

Седьмая заповедь: читай как можно больше книг своим маленьким детям.

VIII

Восьмая заповедь: возлюби различные мысли, которые ты узнал от писателей или философов.

IX

Девятая заповедь: читай поэтов, слушай классическую музыку.

X

Десятая заповедь: всегда помни, в чем ты можешь оказаться смешон.

XI

Одиннадцатая заповедь: ты можешь быть католиком, или буддистом, или принадлежать еще к какому-то

вероисповеданию, можешь быть, что называется, неверующим — и не утратить в связи с этим своей принадлежности к миру интеллигенции. Однако ты не должен утверждать, что твоя вера или неверие столь же прочно обоснованы, как знания, например из химии или геологии.

* * *

Ты должен придерживаться всех этих заповедей, если хочешь относиться к интеллигенции. Но, разумеется, ты вовсе не обязан стремиться быть интеллигентом.

ЛЕШЕКУ КОЛАКОВСКОМУ...

Проф. Януш Кучинский, запись в книге соболезнований,

по «Газете выборчей», 29 июля:

Лешеку Колаковскому — мэтру, который наделил философию силой и надеждой.

Мацей Войтышко, режиссер,

«Жечпосполита онлайн», 17 июля:

Помню, как все мы на философском факультете любили его лекции, он был потрясающим преподавателем. Мы пожирали, впитывали его тексты, знали их и подряд, и вразбивку. [На одной из последних его встреч перед отъездом за границу] народ толпился, висел чуть ли не на стенах. Профессор говорил о том, как, даже питая благие намерения, можно тяжело согрешить. Но ведь мы все знали, что его лекция носит политический характер, что говорил он о тоталитарных системах, о коммунизме.

Ян Литинский, политик, в прошлом активист оппозиции в ПНР,

«Дзенник онлайн»:

Лешек Колаковский — самый важный автор в моей жизни. По его книгам и текстам, написанным в 50 е годы, мое поколение в 60 х училось такому стилю мышления, который отвергает всякие догмы и показывает, что каждая идея, не поддающаяся проверке, приводит к абсурду. Колаковский провел также углубленную критику своей собственной позиции и ее перемен. На его пути, начинавшемся с увлечения коммунизмом и марксизмом, характерного, впрочем, для многих тогдашних интеллигентов, мы на каждом шагу получаем тексты, обосновывающие очередные этапы его жизни. Он никогда не пытался скрывать свое отравление сталинизмом. И то, каким образом он документально запечатлел свою перемену, завораживает.

Александр Смоляр, президент Фонда им. Стефана Батория,

«Дзенник», 18–19 июля:

Пожалуй, важнее всего для развития современной общественной сцены в Польше были опубликованные Колаковским в начале 70-х «Тезисы о надежде и безнадежности», в которых он окончательно и бесповоротно порывал с теорией детерминизма.

Там ясно и отчетливо писалось, что все мы способны влиять на дальнейшие судьбы своей страны, на ее счастье и свободу, и только от нас, а не от какой-то высшей силы зависит, что с нею произойдет. Безусловно, это способствовало формированию идей рождавшейся именно тогда демократической оппозиции.

Ганс Лемберг, известный немецкий историк,

«Жечпосполита онлайн», 17 июля:

Лешек Колаковский был едва ли не самым подлинным, самым услышанным и оцененным в Германии критиком марксизма. На его текстах воспитались поколения немецких философов, историков и политологов. Мы ценили его анализ, потому что он выходил из-под пера мыслителя, превосходно знающего реалии марксистской системы.

Славой Жижек, словенский философ,

«Газета wyborcza», 29 июля:

Колаковский — это первый и до сих пор самый лучший критик изолгавшихся западных левых. Поражение западных левых заключалось в том, что они не сумели найти общего языка с восточноевропейскими диссидентами.

Проф. Гезине Шван, философ, политик Социал-демократической партии Германии, уполномоченная правительства ФРГ по вопросам польско-немецких отношений,

«Газета wyborcza», 18–19 июля:

Европе он оставил свое сведение счетов с марксизмом, а также свои размышления о религии. Он был поборником терпимости и борьбы с абсолютизмом в каком угодно его виде. И писал, что люди должны быть непоследовательными, потому что это по-человечески. Вместе с тем он предостерегал, что тотальная последовательность ведет к преступлению. Такой урок он извлек из истории Европы в XX веке, и такой урок Европа должна запомнить.

Тадеуш Мазовецкий, первый премьер-министр некоммунистического правительства,

«Газета выборча», 21 июля:

Для широкой общественности Лешек Колаковский — это в первую очередь тот мыслитель, который, порвав с марксизмом, произвел его сокрушительный интеллектуальный разбор и демонтаж в своем монументальном, эрудированном труде «Главные течения марксизма». Полагаю, однако, что чем дальше, тем большее значение в его интеллектуальном наследии будут приобретать другие сферы его интересов, в том числе как раз христианство, для которого он стал в нынешние времена интеллектуальным партнером, имеющим незаменимое значение. В том числе и партнером критическим.

Его лапидарная формулировка о том, что Церковь должна понимать, что коммунистическая система плоха не потому, что она атеистическая, а потому, что она тоталитарная, — поставила демократическую оппозицию и Церковь на одну и ту же почву в нашей борьбе за свободу. Колаковский был прежде всего антитоталитарным мыслителем. Вместе с тем он отвергал замену одной утопии другой, какой бы окраски она ни была. Знаменательна и характерна здесь его формулировка, говорящая о саморазрушительных свойствах, которыми обладают также и свобода, и демократия.

Ян Турнау, журналист,

«Газета выборча», 30 июля:

Чтобы убедиться в существовании Бога, мне хватит слов Колаковского, что неверующего не убедят никакие аргументы, но без принятия этой гипотезы рухнет всё: нравственность, человеческое достоинство, даже всякая возможность познания. Для меня это больше, чем целые библиотеки апологетов, чем армии проповедников, чем гордая уверенность моей Церкви. Для миллионов он сверг марксизм, для меня — укрепил католицизм.

Фернандо Саватер, испанский философ,

«Газета выборча», 18-19 июля:

Колаковский не только настойчиво внушает свои мысли — он заставляет людей думать.

Свящ. Адам Бонецкий,

«Тыгодник повшехный», 26 июля:

Думаю, что для многих людей моего поколения он был спутником в важнейшем странствовании их жизни — странствовании по путям веры. (...) И хотя мне известны католические философы, которые никогда не приняли мыслей Колаковского, но я знаю также, что есть много верующих, для которых, как и для меня, он был мастером критического мышления об этих вопросах.

Збигнев Менцель, прозаик и публицист,

«Газета wyborcza», 18-19 июля:

Он был из рода Сократа, который повторял: я знаю, что ничего не знаю.

Проф. Барбара Скарга, философ,

«Газета wyborcza», 29 июля

Всё, что он писал, — будь то сказка для детей, эпиграмма или трактат — насыщено светом, который делает целиком понятным весь текст. Писал ли Колаковский об истории, о политике, об обществе, о религии или о культуре — потому что он все-таки неизменно писал прежде всего о культуре, — насмехался ли, шутил или был серьезен, свои мысли он всегда формулировал так, что читатель постоянно наталкивался на фразы, которые удивляли меткостью, ибо затрагивали саму суть дела, придавали ей смысл. (...)

Путь, по которому шел Лешек, — это по существу путь выступления на стороне ценностей, на стороне того, что наносить обиды — это самое страшное, что этого ни в коем случае нельзя допустить, что всё остальное не имеет такого уж огромного значения.

Проф. Зигмунт Бауман, социолог,

«Газета wyborcza», 29 июля:

В каждом очередном произведении Колаковского был слышен треск очередного раздираемого занавеса, заслоняющего зрение (используя иносказательное выражение Кундеры), или звук очередного лопнувшего корсета, душащего мысль (пользуясь метафорой Хабермаса). После Колаковского мир и как предмет созерцания, и как объект действия выглядит для нас иначе, чем тот мир, который застал Лешек. И немало из того, что изменилось в нашем взгляде на мир и на себя, без Лешека не изменилось бы.

Лешек Колаковский прошел через мир, оставляя в нем следы несдираемые и нестираемые. Ценности, которые он создал или же извлек из мрака забвения либо небрежения, отряхнул от пыли и очистил от налета старины, сегодня составляют часть нашей жизни — часть неотъемлемую, без которой ни описать, ни даже представить себе эту жизнь невозможно.

Бронислав Бачко, Кишиштоф Помян, философы,

«Газета wyborcza», 20 июля:

Поставить в центр внимания принципиальный для самого существования философии, а вместе с нею этики и культуры, вопрос о ее автономии перед лицом коллективных верований и науки и объединить его с вопросом о границах свободы и разума — вот чем определяется исключительное место Лешека Колаковского в общественной мысли XX столетия. Это и принесло ему международную известность. И этим же прочно определяется его место в истории философии.

**Мария Змарз-Кочанович, автор документального фильма
«Профессор. О Лешеке Колаковском»,**

«Жечпосполита онлайн», 17 июля:

Мы вместе совершили необычайное путешествие. Побывали в местах, которые он помнил с детства, с ранней молодости, со времен войны. Лешек Колаковский с теплым чувством возвращался к былым, даже очень трудным годам.

О прошлом он рассказывал блистательно и с юмором. У него была исключительная способность к контактам с людьми. Независимо от того, кем они были — его близкими друзьями или же прохожими, встреченными на улицах его родного Радома. Он был открыт миру, чрезвычайно интересовался им.

Тимоти Гартон Эш, профессор европеистики Оксфордского университета,

«Газета wyborcza», 29 июля:

Не каждый крупный мыслитель бывает вдобавок милым и добрым человеком. Но таким — и даже больше того — был Лешек Колаковский. Он был гением дружбы. Он был полон тепла и чудесного, безбрежного чувства юмора, мягкой иронии, сочетавшейся с литературно-философским воображением большого писателя, полной интеллектуально-нравственной честностью и немалым аппетитом к жизни.

Адам Михник, главный редактор,

«Газета wyborcza», 18-19 июля:

Он был человеком ренессансного размаха и большой христианской скромности. Он учил жить с достоинством, жить без ненависти; учил терпимости и мужеству; учил смирению перед ценностями и несмирению с гнетом; гнушался ложью и подлостью, но умел прощать.

Яцек Бохенский, писатель,

«Газета wyborcza», 30 июля:

А ведь он не был никаким формальным авторитетом — лидером, законодателем, иерархом какого бы то ни было обряда, сановником, — он был только философом, писателем, гражданином. Я бы сказал, что он сконцентрировал в себе опыт и понимание дьявольского характера эпохи, не оставляя сомнения в том, что дьявольщина — это дьявольщина, но и обращая внимание на другой, более глубокий вопрос: а может ли дьявол быть спасен.

РЕДАКТОР ДОЛЖЕН БЫТЬ ДИКТАТОРОМ.

— С вами обычно беседуют о политике, а я хотел бы поговорить о литературе — и в вашей жизни, и на страницах «Культуры». Что, впрочем, наверное часто было одним и тем же. Меня соблазняет мысль начать с самого начала. Какие книги вы читали в детстве и юности?

— Весьма нетипичные для моего возраста. Годы моего детства выпали на нелегкий военный период. Я жил тогда между Минском и Москвой, в связи с чем воспитательный контроль над моей особой был сравнительно слабый. Поэтому и мое чтение не особо контролировалось. Довольно часто я болел и тогда лежал в комнате, где стояли книжные шкафы. Я вытаскивал из них что под руку попадет. Некоторые книги, например Тетмайер или всякие рассказы эротического характера, вовсе не обязательно предназначались читателю моего возраста. Помню, когда я вздумал на прогулке блеснуть перед родителями своей эрудицией и начал рассказывать о прочитанном, это вызвало легкий ужас всех, кто меня слышал.

— А к какой книге вы были бы готовы вернуться и сегодня?

— Может, это прозвучит забавно: «В пустыне и пуще» Сенкевича. Первый раз я читал ее в Москве по-польски, и книга произвела на меня довольно сильное впечатление — это тем существенней, что подавляющее большинство книг я читал по-русски. Может быть, именно поэтому она мне так запомнилась.

— В юности вы уже читали на нескольких языках? В вашей среде детей довольно рано обучали языкам, например французскому...

— Нет, к сожалению нет. У меня вообще нет дара к языкам, поэтому практически я владею только русским, да и то, несмотря на постоянное чтение, говорить мне довольно трудно.

— А как выглядел круг вашего чтения при повзрослении, в момент, когда происходит эстетический выбор? Обычно все проходили через увлечение «Скамандром» ^[1]. Вы же, насколько я знаю, не особенно хорошо относились к писателям этого круга?

— Да, это правда. Может быть, за исключением стихов Лехоня. Но среди прочитанного, из того, что я с тех времен особенно запомнил, выделяются прежде всего книги Берента^[2], поклонником которого я был, и Кадена-Бандровского^[3]. Очень большое влияние оказал на меня также немецкий, точнее австрийский, философ Кайзерлинг^[4]. Потом я переживал период, так сказать, эзотерический, поэтому долгое время моим любимым писателем был Мицинский^[5] с такими книгами, как «Нетота» и «Ксендз Фауст». Этот период тянулся довольно долго, а заболевание было глубоким. У меня, кстати, до сих пор осталась склонность к такого типа чтению. Уже во Франции я очень много читал Абеллио^[6], который более или менее в том же силе.

— Все обычно воображают, что Ежи Гедройц читает главным образом политическую литературу...

— Ну нет, с таким мнением я совершенно не согласен. Политическая литература действительно занимает очень много места в моем расписании, но чистой литературы я читаю очень много — как по-русски, так и по-французски.

— Вернемся еще к межвоенному периоду. Я заметил, что вы весьма различно оцениваете поэтов из круга «Скамандра». Одних терпите, других — нет. Например, вы критически относитесь к Ивашкевичу и Слонимскому, зато снисходительно — к Вежинскому.

— Пожалуй, это не так. Я действительно был почитателем Лехоня, Виттлина, Вежинского, а Ивашкевич в межвоенный период мало меня интересовал. Начал я им заниматься уже после войны, главным образом, кстати, по политическим причинам. И очень критически оценивал эту его деятельность, что не мешало мне считать его выдающимся писателем.

— А не выглядело ли это так, что вы лучше относились к тем из скамандритов, кто после войны остались в эмиграции? Это легко заметить: вы признаёте Лехоня, Вежинского и Виттлина, а Ивашкевича и Слонимского не любите.

— Нет, это случайное совпадение. Если говорить, к примеру, о Лехоне, то я считаю делом совершенно скандальным публикацию его дневника. Ему это нанесло огромный ущерб. Он жил в эмиграции совершенно опустошенный, поддаваясь разнообразным, неслыханно реакционным политическим маниям, и эту болезнь не следовало вытаскивать на дневной свет.

— Меня поражает это мнение: в конце концов именно вы поддерживали жанр записок, публикуя на страницах «Культуры» дневник за дневником.

— Важно — какой! Я вынужден сказать вам, что именно «Дневник», а не что иное представляет Лехоня в самом худшем свете.

— Вы считаете, что писатель не должен до такой степени обнажать свои чувства и больную психику?

— Нет, почему бы и нет? Иногда это может быть крайне любопытно. Критикуя Лехоня, я имею в виду главным образом его взгляды и поведение политического толка. Он стоял на позициях, говоря в кавычках, «борьбы за независимость» и считал таких людей, как Чапский и я, «лакеями коммунизма». К сожалению, он не знал в этом никакой меры.

Что же касается жанра записок, то в целом я их очень ценю. Хотя бы, например, воспоминания Славоя-Складковского^[7]. Они интересны с исторической точки зрения, а вдобавок написаны прекрасным польским языком.

— Два самых выдающихся дневника, изданных «Культурой», принадлежат Витольду Гомбровичу и Густаву Герлингу-Грудзинскому. Хотелось бы знать, какой из них вы цените выше. Оказали ли они какое-то влияние на линию журнала?

— Ценю и тот, и другой. «Дневник» Гомбровича я считаю самым выдающимся его произведением, но нельзя сказать, что он как-то повлиял на линию журнала. Зато такое влияние несомненно оказал «Трансатлантик», а также целый ряд очерков и высказываний, объединявшихся замыслом освобождения из пут польского духа.

— Когда я впервые читал №5 «Культуры» за 1951 год, где были одновременно напечатаны первый отрывок из «Трансатлантика» и знаменитая статья Милоша «Нет», он произвел на меня огромное впечатление. Решиться выпустить в свет такой номер — доказательство либо огромной отваги, либо... неосторожности. В конце концов, отклики эмиграции должны были оказаться безумно резкими!

— Несомненно. Но это не была неосторожность! Это совершенно логично вытекало из программной линии «Культуры». Кроме того примите, пожалуйста, во внимание, что польский эмигрантский читатель не только нелегкий, но и

очень удивительный. С одной стороны, «Трансатлантик» или статья Милоша вызвали страшную бурю в лондонских кругах, главным образом связанных с «Вядомостями», а с другой — целый ряд наших шагов, казалось бы, куда более жутких с точки зрения рядового поляка, нередко принимались совершенно спокойно.

— Что вы имеет в виду?

— Хотя бы Вильно и Львов! Мы считали, что для нормализации польско-литовских и польско-украинских отношений надо отказаться от прав на эти города, а между тем, учтите, эмиграция состояла главным образом из жителей северных и южных кресов [восточных окраин Польши], так что когда мы в первый раз затронули эту тему, мои друзья были в ужасе. Помню, как Зигмунт Заремба^[8] приехал в [Мезон-]Лаффит и сказал: «Пан Ежи, что вы делаете? Вас же сметут с поверхности земли!» Но ничего такого не произошло. Самое большее — потерял полтора десятка подписчиков. Это был очень важный перелом, если говорить о взглядах значительной части эмиграции, которая это одобрила.

— Таких рискованных решений в истории журнала было немало. Одним из них было ваше решение настроить профиль «Культуры» на читателя в Польше. Мне кажется, что это был первый шаг на пути отделения от эмиграции, особенно лондонской. Как я догадываюсь, должны были наступить резкие столкновения между «Культурой» и «Вядомостями».

— Такие столкновения появились с самого начала, а возникла они, потому что эмиграция стала государством в государстве, государством в изгнании. В Лондоне, например, масса людей вообще не говорила по-английски и не нуждалась в этом, главным образом потому что жила в польской среде и служила в польских учреждениях. У них были свои театры, места встреч, офисы. Они попросту не «выходили» из польского духа. Классическая ситуация гетто. Вдобавок нетерпимо относились к выходу других за пределы этого гетто! А мы с самого начала были настроены прежде всего на читателя в Польше. Конечно, и читатель-эмигрант был для нас очень важен, хотя бы по финансовым причинам, так как подписка была основой функционирования журнала, а высылать экземпляры «Культуры» в Польшу обходилось нам дорого и было сложно, однако мы сочли, что основа — контакт с родиной.

Мы вообще очень оберегали свою независимость. Вначале мы снимали в Мезон-Лаффите полуразрушенный дом, из которого нас потом выставили. Владелец не переставал подымать плату

за дом и непременно хотел от нас избавиться. Мы проиграли дело в суде и искали какого-то нового помещения. Нашли один дом, но покупка его превосходила наши возможности. Тогда мы организовали сбор на покупку этого дома, который был приобретен главным образом на средства читателей. Нам пришлось взять займы свыше 7 млн. старых франков у друзей, располагавших средствами. Это был 1954 год. Одновременно мы напечатали призыв. И дело пошло так удачно, что в течение года мы расплатились со всеми долгами! Взносы в фонд «Культуры» продолжают до сих пор. Они идут главным образом на помощь писателям. Эти деньги тратятся не на редакционные цели, а — скажем патетически — на гуманистические.

— Как я знаю из ваших воспоминаний и воспоминаний Зофьи Герц, часть этих денег вы получили от каких-то экзотических промышленников — аргентинцев или бразильцев... Откуда у них такой альтруизм для польской редакции?

— Инициатором сбора средств был Эдвард Беренбаум, промышленник из Бельска, польский еврей, которому во время войны удалось эмигрировать в Уругвай, где он основал цветущее текстильное производство большого размаха. Обладая некоторым культурным снобизмом, он брал к себе на работу польских писателей, например Страшевича^[9], который жил в очень тяжелых условиях. Коротко говоря, он дал Чеславу фиктивную должность, которая позволила ему существовать. С этой точки зрения вас наверное меньше удивляет, что Беренбаум выразил готовность одолжить нам миллион франков и предложил организовать сбор средств. Затем нам одолжил миллион франков маркиз Жиль де Буажелен, женатый на [Иоланте] Ванькович, большой друг Юзя Чапского. Был еще господин Лопес, бразильский миллиардер: он снимал Отель Ламбер^[10] и дружил со Стефаном Замойским^[11], который как уполномоченный семьи Чарторыйских управлял этим особняком. Благодаря поручительству Замойского он дал нам беспроцентный кредит.

— Я хотел бы вернуться к 1947 году и начальному периоду «Культуры». Меня интересуют переломные моменты в истории редакции. Одним из них была публикация текста Александра Янты «Возвращаюсь из Польши». Догадываюсь, что это было необдуманное решение, раз вы не стали публиковать продолжение. Позволяет ли это считать, что вы не предвидели, насколько резкой будет реакция польских эмигрантских кругов?

— Да. Это был наш первый конфликт с общественным мнением, но должен сказать, что это была реакция не эмиграции, а ее вождей, прежде всего генерала Андерса, который приказал конфисковать «Культуру» в лондонских польских книжных магазинах. Но примите, пожалуйста, во внимание, что «Институт лите́рацкий» возник при помощи и благодаря терпимости генерала Андерса. Поэтому мы были вынуждены пойти на компромисс — перестали печатать очерки Янты. Зато мы их издали книгой. С того момента начались наши недоразумения с генералом Андерсом и начало отхода от лондонской эмиграции.

— Вы с самого начала знали, что эмиграция будет долгой, в то время как почти вся эмигрантская интеллигенция считала, что это дело временное. Интересно, откуда у вас была такая уверенность?

— Это было совершенно ясно. Достаточно было посмотреть на улицу. Если вы видите на улицах Рима и Мюнхена толпы американских солдат, требующих возвращения домой; если вы видите демонстрации американских женщин, требующих возвращения своих сыновей, — ясно, что их не мобилизовать ни на какую деятельность, ни на какие действия. Кроме того я принимал во внимание царившие на Западе филосоветские настроения. Все считали, что война выиграна благодаря Сталину и Советскому Союзу. Для меня было совершенно ясно, что Запад исключает какое бы то ни было вмешательство в дела Польши и всей Восточной Европы.

— А почему вам было ясно, а например Грыдзевскому^[12] — нет? Почему это не было очевидно полякам на Западе?

— Потому что они очень хотели верить, что это только краткий переходный период. Так что, как видите, у меня не было никакого ясновидения — только хладнокровный анализ положения.

— Сегодня очевидный, но тогда — уникальный! Встречались ли вам в других кругах, например лондонских, люди, мыслившие подобно вам?

— Да, такие люди были, хотя бы профессор Сукенницкий^[13]. Может быть, потому что он, с одной стороны, знал восток Европы, прежде всего Россию, а с другой — имел возможность наблюдать поведение и взгляды жителей Западной Европы. Таких людей, к сожалению, было не особенно много.

— Другим переломным моментом было появление в Мезон-Лаффите Чеслава Милоша. Вам было ясно, что его следует принять, большинству польской эмиграции — наоборот. Почему?

— Я считал Милоша прежде всего большим поэтом. До войны одно или два его стихотворения я напечатал в «Бунте молодых», хотя лично его не знал. Зато я внимательно следил за его [послевоенной дипломатической] деятельностью в США и оценивал ее весьма положительно. Я имею в виду поддержку основания кафедры польской литературы в Колумбийском университете и политическую сдержанность. Когда Чапский впервые поехал в Америку собирать деньги на «Культуру», я попросил его встретиться с Милошем и передать, что мы сознаём, каково положение в коммунистических странах, так что, если он когда-нибудь окажется в трудном положении, будем готовы ему помочь. И действительно, когда он появился в Париже, кстати, неслыханно потрясенный, и явился к нам, мы его приняли.

— Все мемуарные источники свидетельствуют, что жизнь с ним под одной крышей не была легкой. Вы в «Автобиографии в четыре руки» вспоминаете о многочисленных ссорах, о скандалах пишет и пани Зофья. Когда я беседовал с Милошем, он откровенно сказал, что вел себя дурно, обзывал вас всех фашистами, провоцировал разрывы, хлопал дверьми. Одновременно он объявил, что вся вина на его стороне и что, по его мнению, ваши резкие мнения о нем — результат тех ссор. Как вы вспоминаете эти обстоятельства и чем себе объясняете причины такого поведения Милоша?

— Несчастливым состоянием его психики в тот период. Надо не забывать, что для него разрыв с Польшей был безмерно тяжелым. Вдобавок он не считал себя эмигрантом и не хотел им становиться. Как если бы еще и этого было мало, у него были серьезные личные неприятности: его жена Янка осталась в Америке, где у нее прошли очень тяжелые роды, а он не мог туда поехать, потому что в результате доносов разных польских эмигрантов американцам долгое время не мог получить визу. Всё это он сильно переживал.

Кроме того его готовность перечить была формой провокации. Он нам, например, толковал: «Откуда вы знаете, что в России есть концлагеря?» Некоторых из нас, особенно Зигмунта^[14] это доводило до ярости. Но я должен прибавить, что это были весьма дружеские ссоры. Помню, однажды, после невероятного скандала с хлопаньем дверьми, где-то среди ночи Чеслав очень

робко постучал к Зигмунту и Зосе и сказал: «Написал стишок. Хотел бы вам прочитать». Это было одно из самых прекрасных его стихотворений. Так что, знаете ли, я не принимал этого слишком всерьез. Не могу сказать, что у меня на него осталась какая-то обида.

— Признаюсь, на меня сильное впечатление произвели сведения о том, что, приняв в Мезон-Лаффите Милоша и став на его сторону, вы были вынуждены порвать дружбу с Рышардом Врагой^[15], который считал Милоша коммунистическим агентом и высказывал это публично. Как я догадываюсь, это решение было для вас нелегким. Откуда вы черпали свою твердую веру в «невинность» Милоша?

— Простите, не надо быть ворожеей, чтобы сообразить, что Милоша в чем угодно можно обвинять, только не в том, что он заслан коммунистами.

— Но многие в эмиграции в этом были глубоко уверены. Врага — наверняка.

— Это травматическая реакция. Незбжицкий, или Врага, действительно мой очень близкий друг, которого я считал лучшим знатоком советских проблем, страдал профессиональным заболеванием — шпиономанией. Между тем тут шла речь об обычной порядочности. Когда я разговаривал с Врагой в последний раз, то спросил: «У тебя есть какие-то доказательства?» Он ответил: «Нет, но я чую». Я возразил: «Но это не аргумент». Потому что это действительно не аргумент!

— И эта дружба была порвана раз и навсегда?

— Да. Расхождение было слишком очевидным. Но, знаете ли, в некоторых вещах надо быть бескомпромиссным. Если начнешь поддаваться слабости, то впадаешь в типичные эмигрантские болезни и обвиняешь всех вокруг, а потом начинается заколдованный круг.

— Меня всегда удивляло: Милош бежит из коммунистического рая, просит за границей политического убежища — вся эмиграция вроде бы должна его обласкать и радоваться, что один из выдающихся польских писателей вышел из шеренги. Между тем эмигрантская среда, вместо того чтобы его принять, толпой кинулась загрызать его. Как вы это тогда себе объясняли?

— Допускаю, что действительной причиной этой агрессии было отношение лондонской эмиграции к тогдашней Польше и смысл статьи Милоша «Нет», которая и мне, кстати, не нравилась. Однако я считал, что мой долг — дать ему возможность изложить свои соображения. К сожалению, то, что Милош отмежевывался от эмиграции, и крайне резко, многих, должно быть, ранило.

— Меня это тоже удивляло, в частности в социотехническом отношении. Если человек решается на эмиграцию, то скорее не должен обрушивать на нее громы и молнии. Как вы объясняете себе эту странную стратегию Милоша?

— На мой взгляд, Милош выбрал эмиграцию не по политическим, а по чисто личным причинам. Он попросту оказался в ловушке. Когда он поехал в Польшу, у него уже было назначение на пост культурного атташе в Париже, а Путрамент [коммунистический писатель, тогда посол в Париже] заверял Милоша, что он тут же вернется. Но на месте у него отобрали паспорт и заявили, что никуда он не поедет. Поскольку состояние здоровья его жены было действительно опасным, а он был от нее отрезан, он делал всё возможное, чтобы как-то вырваться из Польши. Это удалось ему благодаря министру [иностраннных дел] Модзелевскому, а точнее жене министра, которая с Милошем дружила. Но он действительно считал, что эмиграция для писателя, особенно для поэта, — это гибель.

Быть может, он не слишком задумывался. Выбрал свободу по семейным причинам. Кроме того он считал, что в эмиграции писатель действительно лишается читателей. Как он мне когда-то написал, это всё равно что складывать рукописи в дупло.

— Может быть, теперь поговорим о Густаве Герлинге-Грудзинском, который сотрудничал с «Культурой» с самого начала, еще в Риме. Затем он перестал для вас писать, что приходится на годы его пребывания в Великобритании, а потом в Германии. Затем, много лет спустя, он возвращается на страницы «Культуры», чтобы недавно, после сорока лет сотрудничества, снова с вами шумно расстаться. Можете ли вы мне объяснить эти зигзаги сотрудничества?

— Я познакомился Густавом в армии, и он очень меня заинтересовал. Я тогда руководил армейскими изданиями и старался привлечь его в «Ожел бялый» («Белый орел») на пост редактор литературного отдела. Когда я в Риме учреждал «Институт литерацкий», он принимал в этом очень активное участие, подготовил несколько книг, написал вступительную

статью к «Книгам пилигримства» [Адама Мицкевича], был соавтором первого номера «Культуры», но потом произошла эвакуация [польской армии] в Англию. Мы с Зосей и Зигмунтом решили не ехать в Англию, потому что это слишком оторвало бы нас от Европы и польских дел. Выезд во Францию, который мы планировали, несомненно был прыжком в темноту. Но мы пошли на этот риск. А Герлинг, только что женившийся, боялся такого решения. Он предпочел вернуться в Англию, остаться в резервном корпусе и найти в Лондоне работу. Это привело к очень большому перерыву в нашем сотрудничестве и к отсутствию контактов.

— Мерошевский тоже жил в Лондоне, но это не помешало ему быть *porte-parole* [здесь: глашатаем идей] «Культуры». Чем это мешало Герлингу?

— Тут решающими были материальные соображения.

— Трудно не спросить о самом горестном: почему произошел разрыв с Густавом Герлингом-Грудзинским?

— Это неизбежно должно было произойти, так как между нами очерчивалось всё большее политическое расхождение в оценках положения в Польше. Он подходил к ним с позиций моралиста, стоящего на страже идеи полной независимости, а мое отношение — более прагматическое. Конфликт произошел между нами на фоне отношения к Квасневскому, так как я считал его кандидатуру в президенты — так же, как и Валенсы, — вредной. Поэтому в ходе предвыборной кампании я предлагал демонстративно вычеркивать оба имени. Но, когда Квасневский был выбран на пост главы государства, я счел его демократически избранным президентом, с которым я могу не соглашаться, но вынужден его признавать. Кроме того я не вижу причин не поддерживать с ним отношений, когда благодаря этому можно многого достичь. Поэтому, когда Квасневский был в Париже и хотел со мной встретиться, я не отказался. Мы провели несколько бесед, и должен признаться, что я был ими доволен. Особенно по восточным вопросам — украинским и литовским. Считаю, что он прекрасно понимает, что я хочу выразить в политической деятельности.

— Меня всё-таки удивляет этот разрыв, потому что вы очень часто публиковали материалы, с которыми не были согласны. Так было, например, с «Нет» Милоша, так было с «Клубом Третьего Места» Ваньковича. Почему так не случилось с текстом Герлинга-Грудзинского.

— Это верно, но конфликт с Грудзинским не был минутным вопросом — он продолжался уже долго. Я считал, что вести полемику со своим сотрудником на страницах моего журнала не имеет ни малейшего смысла. И предложил ему печатать тексты, которые мне не подходят, где-нибудь еще. Раз мы в политических вопросах не соглашаемся, я предложил исключить их из его дневника и публиковать у кого-нибудь другого. Объективность моего мнения доказана тем, что тот отрывок, который я отказался печатать, отверг и «Тыгодник повсехный». Напечатал его тогда «Плюс Минус». Продолжать эти расхождения не имело смысла.

— Вернемся, пожалуй, в 50-е годы. Рассматривали ли вы Грыдзевского и его «Вядомости» как противника? Каково было ваше личное к нему отношение? Я спрашиваю об этом, потому что вы очень критически высказывались о его издании, но после его смерти, когда «Вядомости» распались, вы написали о нем очень теплый текст.

— Мы несомненно относились к «Вядомостям» очень критически, считая, что они живут прошлым. Из крайне либерального, каким были [Вядомости литерацке] до войны, издание вдруг стало почти эндецким [национал-демократическим, т.е. националистическим], что нам страшно не нравилось. Но его издательские заслуги или, говоря шире, в области культуры огромны, и этого нельзя недооценивать.

— Как в таком случае вы относились к публикациям своих сотрудников, например Герлинга-Грудзинского, у Грыдзевского? Как к предательству?

— Нет. Целый ряд моих сотрудников, например очень близкий мне Ежи Стемповский или братья Мацкевичи, весьма часто печатались в «Вядомостях», что мне совершенно не мешало. Другое дело, что тексты, которые они предназначали для нас, наверняка были весьма неудобны для «Вядомостей» и не могли бы там появиться. Но то, что кто-то печатается в другом издании, не может быть дисквалификацией.

— Но в период, когда [в ПНР] существовали независимые издания, вы старались соблюдать такой принцип, что если кто-то пишет в «Культуру», то скорее не пишет для кого-то другого и уж заведомо не отдает того же самого текста подпольной редакции. Как я понимаю, вы предпочитали иметь своих авторов.

— Ну, простите, мне бы и хотелось, но тут мы говорим о постоянных сотрудниках.

— Вы с самого начала весьма заботились о подборе сотрудников, особенно тех, кого Меровский назвал «невидимой редакцией». Как же вы могли выпустить из рук такую жемчужину, как [Владислав] Броневский? Почему вы не попытались удержать его? Быть может, он тогда не растратил бы себя как поэт?

— Это было, к сожалению, невозможно. Я очень ценил и любил Броневского, поддерживал с ним очень живой контакт, но удержать его было совершенно невозможно, просто потому, что он прямо болезненно переживал отрыв от родины. Тут был также вопрос о дочери, да и вообще о Польше как таковой... Возвращение было для него необходимостью. Но позже, скажу я вам, Броневский очень часто приезжал в Париж, и мы всегда встречались крайне сердечно.

— Меня поражает, что многим писателям вы никогда не простили их деятельность на ниве коммунизма, зато Броневскому, автору «Слова о Сталине», — простили. Потому ли, что он был таким хорошим поэтом, или потому, что это была армейская дружба.

— Несомненно по личным причинам. Еще во время войны, в палестинский период, когда я заведовал печатью 2 го корпуса, нас подвергали неслыханной английской цензуре, которая конфисковала все статьи, которые могли иметь антисоветское звучание. Тогда мы вместо передовых печатали стихи Броневского. Такого не забыть. А кроме того это был несчастный человек! Я имею в виду прежде всего алкоголизм.

Традицией было, что, приезжая в Париж, он звонил мне и спрашивал: «Пан Ежи, вы мне руку подадите?» Я его заверял, что подам, после чего мы встречались, и кончалось тем, что мы шли куда-нибудь вместе выпить.

— А есть среди видных польских писателей, такой, кому вы не подали бы руки? Например Путраменту?

— Не имел бы ничего против того, чтобы подать ему руку, но не видел бы и причин отпускать ему грехи или устанавливать с ним сотрудничество.

— А пришлось ли вам встретиться с ним после войны? Он ведь долго сидел в Париже.

— С Путраментом? Нет! Не было случая. Люди, занимавшие официальные посты, страшно нас избегали. Отважных можно было посчитать на пальцах одной руки. Ну, хотя бы

Жулавский^[16]... Он был культурным советником в Париже, но не опасался приезжать к нам и разговаривать.

— Или Адам Шафф, который тоже занимал высокие посты, а всё-таки приезжал к вам...

— Да, но это была довольно исключительная фигура. Знаете, у меня не было никаких возражений против таких контактов. К сожалению, режим не особо искал случая. Хотя?.. Однажды была такая попытка. Сигнал я получил от Грудзинского. Собеседником должен был быть кто-то высокопоставленный в партии, то есть скорее член политбюро, нежели какой-то гэбэшник чиновник. Я ответил: «Разговаривать я всегда готов — только зависит, с кем». После этого вступительного контакта продолжения не последовало.

В свое время я получил также вопрос от Болеслава Пясецкого, к которому, кстати, относился более чем критически за его деятельность в «Паксе»: «Не хотите ли вы со мной встретиться?». Я ответил: «Охотно». Но этого так никогда и не произошло. Почему ж не поговорить?

— Среди писателей, с самого начала сотрудничавших с «Культурой», очевидной звездой был Анджей Бобковский. Его внезапный отъезд в Гватемалу, должно быть, поразил вас. Пытались ли вы его удержать, объяснить, что он что-то себе внушил? Что это было — панический страх перед коммунизмом или наступившее отвращение к Франции? Помню его характерно заявление, что он уезжает, чтобы вытошнить из себя Европу...

— Европа несомненно стала ему отвратительна, а кроме того он был убежден, что она резко советизируется. Должен признаться, что меня это решение действительно поразило. Позже я много раз уговаривал его вернуться, представлял целый ряд конкретных предложений, которые могли бы его заинтересовать, например работа корреспондентом в Берлине или преподавателем в Страсбургском университете. При здравом разуме такие должности должны бы были его заинтересовать, но он всегда крайне категорически отказывался. Это был вопрос прямо болезненного чувства независимости, потребности быть всем обязанным исключительно своим собственным усилиям.

— Да только выехал он в страну, которая тогда не особо подходила для беглеца от коммунизма. Он бежал от советизирующегося континента, чтобы попасть на

коммунистическое восстание. И это чуть не кончилось для него роковым образом...

— Но это продолжалось очень недолго. Потом положение изменилось настолько, что он даже дружил с тогдашним президентом Гватемалы. Мы, кстати, сразу начали этого президента уговаривать предпринять разные шаги в польских делах — не скрою, с успехом. Следы этой акции можно найти в нашей переписке.

— Рассматривали ли вы его отъезд как потерю близкого сотрудника?

— Конечно. Попросту я его очень ценил. Это был замечательный человек и замечательно писал. Кстати, наше сотрудничество несмотря на все трудности и расстояния продолжалось.

— Самые видные сотрудники «Культуры» всегда жили вдали от Мезон-Лаффита: Герлинг-Грудзинский — в Италии, Гомбрович — в Аргентине, Милош — в Америке, Меровский — в Лондоне. Между тем литературная или политическая среда должна быть на месте. А у вас были рассеянные по всему свету послы...

— Это чистое дело случая. Так сложилось, что во Франции было очень немного интересных людей. Практически Чапский и Еленский. Намеренно не упоминаю Винценца, так как он жил главным образом в Швейцарии.

— Посмотрев на вклад в польскую литературу тех писателей, которых Мария Данилевич-Зелинская называет «великими смотрителями маяка», можно прийти к выводу, что одиночество для них благотворно.

— Только не знаю, легко ли все переносят эту роль.

— Но посмотрите: большие скопления поляков, например в Лондоне, не породили слишком много литературных талантов. Это же, пожалуй, симптоматично?

— Ну а посмотрите хотя бы на США: Лехонь, Вежинский и Виттлин. В Лондоне люди собирались вокруг «Вedomостей», в Америке и Мюнхене — вокруг «Свободной Европы», потому что находили там поддержку, а главное, возможность работы и заработка.

— Среди писателей, которые печатались в «Культуре», мы находим Юзефа и Станислава Мацкевичей. К сожалению, они

на многие годы исчезали с ее страниц, а потом опять возвращались. Что это означает? Как вы к ним относились? Оба были красочными и спорными фигурами, так что наверное были какие-то ссоры...

— Я очень ценил Юзефа Мацкевича, особенно как писателя, достигавшего отличных результатов в малых формах. Его короткие рассказы, такие как хотя бы «Рулевой», — настоящие литературные жемчужины. К сожалению, он предпочитал писать романы, куда вкладывал слишком много публицистического материала, портившего гармонию текста. Зато его антисоветская одержимость доходила до границ невменяемости. Он утверждал, например, что Ватикан — в советских руках, и т.п. Моментами вел себя совершенно несерьезно, что губило его великолепный талант.

— Почему же он так редко появлялся на страницах «Культуры»? Я нашел всего несколько его текстов, в том числе один, где он жалуется, что редакция его цензурировала...

— Эта жалоба ничем не была оправдана! У нас с ним был только один конфликт, когда мы присудили ему премию «Культуры» и в обосновании, которое подготовил Густав Грудзинский, появилось несколько неуклюжее осуждение его публицистики [премия была присуждена за художественную прозу]. Мацкевич страшно обиделся, и у нас были с ним огромные трудности: он отказался принять премию и т.п.

Зато наши отношения со Станиславом Мацкевичем всегда были дружеские. Не слишком тесные, потому что мы всё-таки не во всём соглашались, а кроме того он был так поглощен своей политической деятельностью, что у него не очень-то было время сотрудничать с нами. Вдобавок у него был свой журнал «Львов и Вильно» и множество других занятий. Я его очень ценил! Что самое интересное, особенно хорошо мы сотрудничали после его возвращения в Польшу.

— Но ведь в то время «Культура» опубликовала заявление о том, что те, кто возвращается в Польшу, не должны печататься одновременно в отечественных и эмигрантских изданиях. Это несомненно прямо относится к Цату-Мацкевичу, между тем по прошествии короткого времени его тексты снова появляются на страницах «Культуры», правда, под псевдонимом. Вы внезапно переменили точку зрения или это было единственное исключение, сделанное для Цата-Мацкевича?

— Да, это было исключение, сделанное для него. Почему? Во-первых, потому что, будучи в Польше, он уже не занимался политическими делами; во-вторых, он проявил огромную отвагу, практически став нашим корреспондентом в Польше. Мало того, что он присылал свои статьи под псевдонимом, — он еще и звонил мне. Первый отчет, как раз телефонный, о познанских событиях [1956] мы получили именно от него. Он вел себя в Польше вправду отважно!

— Зато совершенно иначе обстояли дела после возвращения в Польшу Мельхиора Ваньковича, который тоже был не трус, но сотрудничество прервалось на многие годы...

— Трудно сказать, что мы «прервали» сотрудничество, но действительно наши отношения охладели. Ванькович при всём своем таланте был слишком алчным человеком, ему очень важны были деньги и успех. Поэтому он шел на компромиссы, не слишком, по-моему, приличные, такие, например, как переиздание в Польше «Монте-Кассино», когда из книги убрали фотографию Андерса. Я счел это большой непорядочностью, потому что Ванькович многим был обязан Андерсу, когда в эмиграции его травил лобби, собравшееся вокруг Сикорского. Прежде чем в Палестине появился 2 й корпус, а я занял должность начальника армейского издательства и предложил Андерсу взять Ваньковича военным корреспондентом, он материально бедствовал. Генерал с моим предложением согласился, дав тем самым Ваньковичу не только возможность писать, но и материальное обеспечение. Только благодаря этому он и смог написать книгу о Монте-Кассино.

— Мы еще не говорили о Гомбровиче — еще одном из видных авторов «Культуры». Большинство тех, кто с ним общался, жаловались на его несносный характер и манию величия. Вы общались с ним главным образом по переписке, но было и несколько встреч. Как выглядела конфронтация Гомбровича-писателя с живым Гомбровичем?

— Довольно забавно. Во время встречи с нами он сказал, что у него такое впечатление, будто он внезапно вырос до ранга второго Мицкевича. Я тут же ответил, что совсем не люблю Мицкевича. Но наш контакт был действительно мимолетным, так как Гомбрович уже был довольно тяжело болен. Правда, он хотел поселиться у нас, в Мезон-Лаффите, но это было совершенно невозможно из-за его астмы. Он мог жить только в домах без лестниц, а у нас, как видите, внизу только рабочие кабинеты, а комнаты для гостей и наши собственные —

наверху и к ним ведет довольно крутая лестница. Поэтому нельзя было рассчитывать поселить у нас Гомбровича.

— Вы в контактах с людьми придаете большое значение их политическим взглядам. Так как же вы говорили с Гомбровичем? Принимали ли вы его политические убеждения так же, как литературные взгляды?

— В целом да, только он всё время оборонялся: говорил, что политикой не занимается, потому что его интересует исключительно его собственное творчество. И на все мои старания заставить его высказаться по существенным вопросам, такому, например, как состояние культуры в Польше, он категорически отказывался говорить. Признаюсь, что такой подход меня страшно раздражал, но я признавал его.

— А как вы оцениваете позицию Гомбровича в 1939 году? Очень многие поляки относились к этому очень плохо. В конце концов, он выражал свое пораженчество с редкой у нас бесцеремонностью: «От катаклизма гениям смываться пристало. Чего зеваешь, бери чемоданы за уши (...) и ходу, потихохоньку, топ-топ». Можно сказать, что он избавился от обязанностей поляка, патриота. Между тем вы, как и вся редакция «Культуры», стояли на позициях полной самоотдачи делам Польши.

— Вы должны учесть, что, во-первых, Гомбрович к отважным не принадлежал, а во-вторых, был негоден к военной службе, у него была категория «Д». В армию его и так не взяли бы. Это тоже серьезное оправдание.

— Согласен, в армии он служить не мог, но не был обязан так отмежевываться от польского духа. Не раздражало ли вас как редактора, живо интересующегося делами в Польше, это желание оторваться от родины?

— Мне как раз эта его черта страшно нравилась. Его предложение воспринимать польский дух в общеевропейской или общемировой плоскости было в высшей степени дальнозорким.

— Гомбрович был космополитом. Он хорошо чувствовал себя в любом политическом, географическом и национальном пространстве. Между тем вы, оценивая своих сотрудников, обычно подвергали сомнению космополитизм — например, у Кота Еленского. Выходит, к Гомбровичу вы применяли льготный тариф?

— Несомненно. Кроме того польский дух Кота Еленского был довольно слабым. Практически, если бы не «Культура», что он и сам подтверждал, он мог бы вообще перестать писать по-польски. Благодаря нам, прежде всего под влиянием Юзя Чапского, он сильнее связался с Польшей и сделал для страны действительно очень много. Но это был странный человек! С одной стороны, его служба в армии была прекрасна, полна отваги, а с другой, однако, он временами заходил слишком далеко. В случае кого-нибудь другого можно было бы прямо сказать, что это комедиантство.

— Что вы имеете в виду? В чем он заходил слишком далеко? В отваге? Я не понял...

— Однажды, например, еще во время войны он стоял в каком-то лагере с генералом Мачеком. За чаем вблизи заминированной площадки, огороженной колючей проволокой, Мачек, глядя туда, сказал: «Какая там красивая земляника». Кот тут же, не задумываясь, перемахнул колючую проволоку и начал собирать землянику. У кого-нибудь другого это было бы комедиантство, у него это был совершенно естественный рефлекс.

— Среди ваших небанальных сотрудников появляется Стефан Киселевский. Из «Автобиографии в четыре руки» видно, что в принципе вы непрерывно ссорились из-за взглядов. А теперь, прочитав его посмертно опубликованные дневники, да и вообще с перспективы времени — хотели бы вы с ним по-прежнему спорить или переменили точку зрения?

— Нет, не переменил. Не говоря обо всех его язвительных высказываниях, к которым я уже привык, меня поражает его крайняя провинциальность. Например, оценивая положение во Франции, он выражает мнение, что самое большое несчастье для Европы — де Голль. Вдобавок некритический подход к США! Или взгляд на Советский Союз как на врага, с которым бороться невозможно! И еще довольно наивные экономические взгляды. В этом контексте смешно его неустанное предупреждение, что он должен писать осторожно, потому что неизвестно, в чьи руки попадет им написанное. Это тем смешней, что его дневники хранились у меня. После его смерти я их передал сыну — Ежику Киселевскому. Это опасение перед тем, что дневники просмотрят третьи лица, было решительно преувеличенным.

— Я слышал, что вы переписывались с Киселевским под женским псевдонимом, используя имя Зофьи Герц. Это чтобы сбить с толку гэбэшников?

— Да. Наши контакты всё время были очень оживленными, так как послевоенная судьба Киселя меня очень интересовала и мы старались ему помочь, когда он жил в тяжелых материальных условиях. Мы изо всех сил старались так или иначе ему помогать.

— Вы порвали контакты со многими писателями и политиками из-за слишком большого расхождения во взглядах. Как же так получилось, что с Киселем вы неустанно ссорились, а несмотря на это — постоянно сотрудничали?

— Потому что ссоры с ним носили человеческий характер, не касались его статей. Я печатал его фельетоны на той же основе, что и «Тыгодник повсехный». У Киселевского была трибуна, за которую он нес ответственность, но он не оказывал никакого влияния на линию журнала.

— Публикация «Дневника» озадачила людей из круга «Тыгодника повсехного». Они утверждают, что увидели новое, неизвестное лицо Киселя. А вы — тоже?

— Нет. Я только считаю, что Киселевский преувеличил в критике «Тыгодника», что, кстати, вытекало из его неприязни к реформам II Ватиканского собора и модернизации Церкви, до чего, по его мнению, Польша еще не доросла. Непорядочность я вижу только в том, что «Тыгодник повсехный» содержал его, когда на него был наложен запрет печататься, а он отплатил вот так. Пожалуй, не добром за добро. Кстати, о Туровиче, которого Кисель постоянно мешает с грязью, время от времени он пишет весьма положительно, прямо с признательностью. Это тоже надо принять во внимание.

— «Тыгодник повсехный» счел Киселя двуличным. Считаете ли вы, что его коллеги, сотрудничая с ним столько лет, не знали его? Он же всегда любил перечить. Откуда ж такое недоумение?

— Не забудьте, что до запрета печататься он не был редактором в «Тыгоднике повсехном» — был только гостем. У него была своя рубрика, где он делал что хотел, регулировала его только цензура. Своих оценок, своей критики он никогда не скрывал, так что обвинение в двуличии надо отвергнуть.

— Вернемся к вашему журналу. Кто решал, какие будут помещены литературные материалы? В какой степени это были ваши решения, а в какой — других лиц?

— Долгое время влияние на литературную сторону «Культуры» оказывал Герлинг-Грудзинский. Но не меньшее влияние имели Стемповский и Данилевич-Зелинская. В последнее время в вопросах поэзии — это не самая сильная моя сторона — я весьма полагаюсь на мнения Лешека Шаруги.

— Перед тем как с вами встретиться, я просмотрел все номера «Культуры» — с самого начала и до конца — и пришел к выводу, что самым солидным рецензентом в журнале была Данилевич-Зелинская. Она жила недалеко, в Лондоне. Почему вы так поздно пригласили ее сотрудничать?

— Трудно сказать... Может, потому что она была очень занята и регулярно писала в «Вядомости» и для «Свободной Европы»? У меня с ней были очень оживленные контакты, но они касались общих вопросов, таких как Польская библиотека и т.п. Тесное сотрудничество мы установили только тогда, когда возникла концепция ее «Очерков эмигрантской литературы».

— Долгое время важную роль в рецензировании и в обзорах дел в Польше играл [Мариан] Панковский^[17]. В какой-то момент сотрудничество ослабло, вы даже публично заявили, что Панковский вас подвел. Что такого случилось?

— Знаете, я не пуританин, но страшно не люблю преувеличений. Его неприличия выходили за границы хорошего вкуса. Это не отвечало ни мне лично, ни как редактору журнала. Он искал популярности а ля краковский «Брульон» («Черновик»), а мне это глубоко чуждо. С этой точки зрения я консервативен.

— Журнал с самого начала назывался «Культура». Поэтому главным должны были быть литература, театр, музыка, другие области искусства. Однако в «Культуре» абсолютно преобладала политика. Я проверил!

— К сожалению, вы правы. Это произошло потому, видимо, что политические дела меня волнуют больше всего. Что не значит, будто другими я пренебрегаю, но некоторые отделы были в «Культуре» менее динамичными, так как меньше меня интересовали. Но еще и потому, что не было подходящих сотрудников. Попросту не было людей, разбиравшихся в музыке или кино.

— Просматривая журнал за 40 е — первую половину 50 х, я заметил, что «Культура», которая с первого номера декларировала острую заинтересованность жизнью в Польше, не осуществляет своих обещаний, рецензирует главным

образом французские, английские и американские книги, не обращая внимания на литературу, издаваемую на родине. Никто не отметил выхода «Пепла и алмаза», не замечено было течение интеллигентских расчетов с собой, не писали о книгах Дыгата, Киселевского, Брандыса. Хуже того, «Культура» не откликнулась на появление соцреализма. Почему? Из-за отсутствия доступа к источникам? Или по сознательному выбору?

— Нет, в большой степени из-за отсутствия тесного контакта. Книги добирались до нас с большим трудом.

— Но зато уже в 1951 г. вышел специальный номер с отличной статьей Ясенчика, обзоревавшего соцреализм. Это был материал, написанный очень верно, для историка литературы исключительно полезный. Как произошло, что в 1951 г. «Культура» сумела дать компетентный обзор, а раньше не могла?

— Это был специальный труд в нескольких томах, который должен был стать пособием по польским делам. Мы вложили в его подготовку очень много труда. К сожалению, мы не смогли его продолжить, и не только из-за финансовых трудностей, но и потому, что умер главный вдохновитель — Грызевич^[18]. Попросту не было кому этим заниматься. Вы должны не забывать, что достоинство и в то же время большой минус «Культуры» — минимальная редакция.

— Но вы же всегда справлялись, подбирая себе сотрудников извне, не входивших в редакцию...

— Да, но нужна еще редакционная обработка здесь, на месте. Я в одиночку с трудом с этим справляюсь. Пока был Еленский или Чапский, у меня был некоторый тыл. Сейчас у меня нет никого.

— Меня всегда восхищал образ жизни вашей редакции: на грани монастыря и писательской коммуны. Несколько действительно выдающихся, замечательных людей согласились подчинить всю свою жизнь и творчество одной цели — «Культуре». Эти люди, кроме редакционных задач, взяли на себя и административно-организационные обязанности! Как вы их заставили? Это же значило пожертвовать жизнью!

— Ну, это слегка преувеличено. Чапский не занимался только этими делами: в нем постоянно боролись таланты живописца и писателя. Он мечтал заниматься только живописью, потому что писательство его так выбивало из колеи, что, закончив

статью или исследование, он в каком-то смысле заново учился писать картины. «Пилил», как он это называл, натуралистические натюрморты, постепенно входя в художнический транс. В последние годы он уже был исключительно поглощен живописью. Мы поддерживали личные, дружеские, но не редакционные контакты. Зато он был незаменим в общих вопросах благодаря своим контактам во Франции, а его участие в редакции «Культуры» оказывало огромное влияние на атмосферу, царившую в Мезон-Лаффите.

— Но были Зофья и Зигмунт Герц. Они полностью отдали себя «Культуре».

— Думаю, это вопрос страсти, которую они со мной разделяли, особенно Зося, моя правая рука. Зигмунт тоже посвятил себя «Культуре», но что тут говорить — из-за Зоси. Со временем это его втянуло. Он невероятно успешно занимался людьми, создавая в Мезон-Лаффите место встреч и дружб.

— В одном из номеров «Культуры» я нашел просьбу читателя — думаю, апокриф — перечислить состав редакции. Ответ был такой: редакция «Культуры» — это редактор — Ежи Гедройц, редактор — Ежи Гедройц, редактор — Ежи Гедройц и остальная часть редакции «Культуры». Что значит этот ответ?

— Это была шутка. В каждом журнале, как я считаю, редактор — в каком-то смысле диктатор. Я не верю в периодические издания, редактируемые коллективно. Я очень открыт к любым обсуждениям и предложениям, весьма часто им подчиняюсь, но решения принимаю самостоятельно.

— Вы очень редко печатались под своим именем. Я не видел, пожалуй, ни одного материала, подписанного «Ежи Гедройц». Зато часто появляются материалы за подписью «Редактор» или «Редакция». Когда вы высказываетесь от своего имени, а когда — от имени всей редакции?

— Я начал писать «Заметки редактора» несколько лет назад, считая, что это форма представления своих позиций. За подписью «Редактор» я выступаю по принципиальным, особенно важным вопросам.

— Глубокая травма польской литературы — сталинские годы и соцреализм. Часть писателей и литературных критиков утверждает, что следует рассчитаться за этот период, другие резко протестуют. Как вы к этому относитесь?

— Мне кажется, в счет должна идти только хорошая книга. О Жукровском, например, я не лучшего мнения, но он написал несколько важных произведений. То же самое и Ивашкевич — он был отличным писателем, отличным поэтом. Вот что считается!

— Так что же, по вашему мнению, надо заниматься литературой этого периода или забыть о ней?

— Делать из этой литературы сенсацию, по-моему, совершенно не нужно. Историки литературы должны заняться творчеством тех лет, но устраивать вокруг этого шумиху непорядочно. Меня никогда не интересовало, был Бжозовский агентом охраны или нет. Я воспитывался на его творчестве, и это для меня самое главное. Остальное совершенно несущественно. Считаются книги.

— Когда Вислава Шимборская получила Нобелевскую премию, «Культура» приняла это довольно холодно, совершенно иначе, нежели после того, как ее получил Милош. Адам Чернявский в тексте, информирующем о премии, написал, что самый выдающийся польский поэт — Тадеуш Ружевич. Отражает ли его мнение отношение редакции и ваше к Шимборской?

— Я согласен с Чернявским. По моему мнению, Ружевич больше заслуживал Нобеля, чем Шимборская, но я не хотел бы, по крайней мере, ее недооценивать.

— А как вы лично относитесь к поэзии Шимборской?

— Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Некоторые ее стихи мне очень нравятся, но о поэзии я высказываюсь осторожно. Я слишком мало в этом разбираюсь. Может быть, я слишком консервативен, а может, реагирую слишком эмоционально, поэтому предпочитаю, чтобы об этом говорил кто-нибудь другой. Например Шаруга.

— На страницах «Культуры» Милош появляется очень часто, что меня ничуть не удивляет. Зато меня удивляет, что Ружевич, Шимборская и Херберт почти совсем не появляются. Как вы относитесь к этим поэтам?

— Я их всех признаю, но с Шимборской у меня никогда не было контактов. С Хербертом же мне было очень тяжело сотрудничать по причине его исключительно трудного характера. Из-за его пьяных скандалов мы тут переживали

истинно крестные муки. Но это не мешало мне ценить его, печатать и издавать его книги.

— А каковы ваши предпочтения в прозе — говоря о выдающихся прозаиках?

— Очень ценю Лема. Творчество Мариана Брандыса интересует меня не столько с литературной, сколько с исторической точки зрения. Очень интересен [Войцех] Мысливский. [Тадеуш] Конвицкий, на мой взгляд, очень неровен. Рышарда Капустинского я очень ценю как репортера, однако у меня есть возражения против его «Империи». Эта большая книга о России поверхностна. Очень интересный, хотя тоже неровный писатель — [Казимеж] Орлось.

— А кого из молодых писателей вы читаете с удовольствием? Мануэлу Гретковскую, Анджея Стасюка, Изабелу Филипяк, Ольгу Токарчук?

— Трудно сказать: слишком мало читаю. Мой объем восприятия, к сожалению, невелик. Я читаю массу русской и французской литературы, а еще должен просмотреть эти горы газет, которые приходят. Не хватает времени, хотя я и страдаю бессонницей, что удлиняет время на чтение, но всё равно этого слишком мало.

— В поздние 70 е годы и во время военного положения на страницах «Культуры» печаталось много стихов. С сегодняшней точки зрения — не самых лучших. Когда вы их печатали, понесло ли вас волной патриотического подъема и политического положения в Польше, или вам тогда казалось, что это действительно хорошая поэзия?

— Скорее первое. Политический момент несомненно сыграл тут очень большую роль.

— А кто сейчас занимается литературным отделом и решает, что пойдет в печать?

— К сожалению, мне самому приходится этим заниматься. Нет никого, кто мог бы мне помогать. Есть люди, с которыми я советуюсь, но нет кого-то, кто вел бы этот отдел — так, как долгое время это делал Герлинг-Грудзинский. Данилевич, мнение которой я высоко ценю, в очень плохом состоянии здоровья. Она сохраняет совершенно поразительную свежесть ума, но так тяжело болеет, что у меня не хватает храбрости слишком много от нее требовать. Ценную помощь оказывает Лешек Шаруга.

— Я хотел бы спросить: как вы оцениваете нынешнее положение «Культуры»? Когда-то на ваш журнал смотрели, как на Священное Писание, и читали его от доски до доски. Теперь тяжело распродать тираж. Как вы видите будущее «Культуры»?

— К сожалению, мы не в состоянии выдержать огромную конкуренцию с массой периодики в Польше — это первое. Второе: у нас очень плохо с распространением. Польский тираж «Культуры» держится, собственно, на подписчиках, продажа совершенно провалена. В связи с этим мы не выходим за пределы полутора тысяч экземпляров. То же и в эмиграции: старшее поколение уходит, а молодежь уже не читает по-польски или обращается к тому, что выходит в Польше.

— Как вы реагируете на такую сильную ассимиляцию поляков за границей? По моему впечатлению, вы с пониманием относитесь к тому, что наши соотечественники вливаются во французскую, английскую, американскую, немецкую среду. Вы не переменили свою позицию?

— Нет, продолжаю считать так же. Эмиграция, как мне кажется, обречена терять прежнюю национальность. Эти процессы неизбежны. Лучший пример — дети, которых воспитывает школа и улица. Дети Милоша, в особенности Тонио: неслыханно интересная фигура, интеллектуально развитый, с широким кругом интересов, дома говорил по-польски совершенно правильно, только словарь у него довольно ограниченный, поэтому чтение книг у него связано с тем, что надо взять в руки словарь. Например, слово «стреха» ему совершенно непонятно. Он прочитал массу книг, да только не по-польски. И с этим ничего не поделать.

Люди, вливающиеся в западные общества, могли бы сыграть для Польши очень большую роль, но мы неспособны их использовать. Посмотрите хотя бы на Германию, где живет огромное количество поляков, около полутора миллионов. Если бы их организовать, они могли бы стать связными между Германией и Польшей. Но на пути стоят организационная бездарность и отсутствие инициативы. Это могла бы сделать Церковь: в Германии 56 польских приходов и около тысячи польских священников в немецких приходах. Казалось бы, принимая во внимание доброжелательность немецкой церковной иерархии, можно это использовать. Но ни польская Церковь, ни польские власти не умеют это организовать. То же самое и во Франции, где польская подпочва очень велика. Я с большим сочувствием наблюдаю за деятельностью посла

Стефана Меллера, который пытается организовать французов, так или иначе связанных с Польшей.

— Какие задачи вы ставите себе и редакции в этих трудных для «Культуры» обстоятельствах?

— Мне уже осталось очень немного времени. Нынешнюю роль «Культуры» я понимаю как выдвижение разнообразных предложений, критику, добрые советы, которых люди не очень-то хотят слушать. Обладая довольно большим жизненным опытом, я хотел бы какие-то вещи передать, подкинуть их как материал для размышления. Главным образом в вопросе восточной политики, которой в Польше совершенно пренебрегают.

— А не случается ли вам с горечью думать, что журнал, который просуществовал полвека, спланивал эмиграцию, питал интеллектуально, нравственно и духовно, сегодня, во времена независимости, предан забвению?

— Нет. Мне кажется, что «Культура» свое задание выполнила. А всё должно же иметь свой конец. «Культура» перестанет существовать с моей смертью. Сейчас же самое важное для меня — передать максимум своего опыта в как можно более сжатой форме. Это всё, что я могу сделать. А вопрос подведения итогов сделанному «Культурой» оставим будущему. Сейчас меня засыпают всякими похвалами, весьма неловкими, смущающими, а иногда просто смешными. Оставим это испытанию временем и увидим, что будут говорить о «Культуре» и обо мне с дистанции — лет через десять-двадцать.

Беседу вел Станислав Бересь

при сотрудничестве Михала Респонда

Перевела Наталья Горбаневская

-
1. О поэтах «Скамандра» неоднократно говорилось (и переводы их стихов печатались) на страницах «Новой Польши». Поэтому дальнейшие их упоминания мы примечаниями не снабжаем. — Здесь и далее (а также в квадратных скобках в тексте) прим. пер.
 2. Вацлав Берент (1873–1940), польский прозаик, представитель литературы «Молодой Польши»; автор трехтомного историко-биографического цикла романов: «Течение»

(1934), «Диоген в кунтуше» (1937), «Сумерки вождей» (1939); на русский язык переведен ранний роман «Гниль» (под заглавием «Гниение. Современная повесть»).

3. Юлиуш Каден-Бандровский (1885-1944), польский прозаик; на русский язык переведены роман «Генерал Барч» (1923, рус. пер. 1926) и цикл романов «Чёрные крылья» (1925-1926, рус. пер. 1931).
4. Герман Кайзерлинг (1880-1946) — немецко-австрийский философ: «Основные мотивы иррационалистической философии К. близки кругу идей философии жизни: представление о философии как «мудрости», интуитивном постижении мира, аналогичном художественному творчеству; противопоставление интеллекта и души; идеал «нового синтеза духа и души», возвращения к целостности бытия, утраченной «европейским человеком» вследствие одностороннего преобладания рассудка, — через обращение к древней философии и в особенности к восточной (древнеиндийской и китайской) мудрости» (Википедия).
5. Тадеуш Мицинский (1873-1918) — польский поэт, прозаик, переводчик, входил в группу «Молодая Польша»; во время I Мировой войны бывал в Москве и Петербурге, участвовал в заседаниях Московского религиозно-философского общества.
6. Раймон Абеллио (наст. имя Жорж Сулес, 1907-1986) — французский писатель и философ-гностик.
7. Фелициан Славой-Складковский (наст. фамилия Славой, 1885-1962) — врач, легионер, участник польско-советской войны, с 1924 бригадный генерал, после майского переворота Пилсудского занимал посты в правительствах, последний премьер-министр межвоенной Польши (с 1936), умер в Лондоне.
8. Зигмунт Заремба (1895-1967) — деятель Польской социалистической партии (ППС), в том числе в подполье времен немецкой оккупации, публицист, в 1946 под угрозой ареста бежал во Францию, где создал издательство и журнал.
9. Зигмунт Чеслав Страшевич (1904-1963) — польский прозаик и радиожурналист, во время войны в польских вооруженных силах на Западе, с 1945 в Уругвае, в 1950 е сотрудник радио «Свободная Европа».
10. Зигмунт Отель Ламбер — парижский особняк князей Чарторыйских, центр деятельности «великой эмиграции» (после восстания 1830).
11. Зигмунт Стефан Адам Замойский (1904-1976) — польский магнат, помещик, за участие во II Мировой войне

награжден высшим польским военным орденом «Virtuti militari».

12. Мечислав Грыдзевский (наст. фамилия Грыцендлер, 1894–1970) — журналист, редактор журнала «Скамандр» и еженедельника «Вядомости литерацке», затем возобновленного в Лондоне под меняющимися названиями, из которых последним и самым долгим было «Вядомости».
13. Виктор Сукенницкий (1901–1983) — юрист-международник, учился (с перерывом на участие в польско-советской войне), а затем преподавал в Виленском университете им. Стефана Батория, был научным сотрудником виленского НИИ Восточной Европы; до войны успел издать один том (из планировавшихся трех) труда «Эволюция советского строя»; арестован после советской аннексии Литвы, из лагеря освобожден по «амнистии» после советско-польского договора августа 1941 (т.н. пакта Сикорского — Майского); вышел из СССР с армией Андерса, после войны остался в эмиграции, возглавлял польский юридический факультет Оксфордского университета, с 1959 в США, работал в Гуверовском институте при Стэнфордском университете. Печатался в «Культуре», выпускал книги в ее издательстве.
14. Зигмунт Герц (1908–1979) — экономист, офицер, участник сентябрьской кампании 1939; в 1940 арестован вместе с женой во Львове и выслан в Марийскую АССР, где они больше года работали на лесоповале; освобожден по амнистии после польско-советского договора августа 1941, вышел из СССР с армией Андерса и со 2 м корпусом прошел весь боевой путь до Италии. Вместе с женой был первым (и остался до смерти) соратником Ежи Гедройца.
15. Рышард Врага (наст. имя Ежи Антоний Незбжицкий, 1902–1968) — офицер польской военной разведки, начальник отдела «Восток» 2 го (разведка и контрразведка) управления Главного штаба польской армии; печатался в довоенных изданиях Ежи Гедройца «Политика» и «Бунт молодых»; после 17 сентября 1939 перешел границу в Румынию, через Францию добрался в Великобританию, где преподавал в польском высшем разведывательном училище; после войны преподавал в польских высших учебных заведениях в Лондоне, с 1949 в Париже, где был консультантом французского МИДа, с 1958 в США, где работал в библиотеке Конгресса, а затем в Гуверовском институте.
16. По-видимому, Юлиуш Жулавский (1910–1999) — поэт,

прозаик, переводчик англо-американской поэзии.

17. Мариан Панковский (1919 г.р.) — польский поэт, прозаик, критик, переводчик; участник подполья во время оккупации, узник немецких концлагерей; после войны — в эмиграции; сам он объясняет разрыв «Культуры» отношений с ним своей поездкой в Польшу (1958) и восторженными отзывами о широком доступе к культуре в ПНР.
18. Станислав Грызевич — экономист, довоенный знакомый Гедройца; в книжной серии «Культуры» вышла его книга «Средства экономической политики»; инициатор «отечественных выпусков» и автор материалов в них на экономические темы.

ЕЖИ ГЕДРОЙЦ НЕ ОСТАВИЛ ЗАВЕЩАНИЯ, НО ОСТАВИЛ НАСЛЕДИЕ

Это наследие огромно: 637 номеров «Культуры», ежемесячного журнала, который за 50 лет, вплоть до двойной, наступившей в 2000 г. кончины самого редактора и журнала, сыграл существенную роль в зарождении польской демократии и продолжает оставаться сокровищницей польской культуры и истории, без которой обойтись невозможно; «Зешиты хисторичне» («Исторические тетради», они и сейчас выходят), «Институт литерацкый» («Литературный институт») в Мезон-Лаффите под Парижем с его громадным архивом, возглавляемый ныне Генриком Гедройцем (братом Ежи).

Наследие, повторяю, огромное, только наследников было и остается мало. Но среди них — Ежи Помяновский, блистательный стилист и эрудит, знаток не только России, но и русских, писатель и публицист, превосходный переводчик русских шедевров, от рассказов Бабеля до «Архипелага» Солженицына, один из немногих еще действующих людей «Культуры». Когда Ежи Гедройц подсказал ему мысль предпринять попытку серьезного, зрелого диалога поляков с русскими, Ежи Помяновский решил принять такой вызов. И уже десять лет он доказывает, что этот диалог возможен. «Новая Польша» — его детище, плод его решимости и упорства, его веры в справедливость дела, которому он служит. Сотрудники не без причины называют его «Броненосцем». Я же называю его «ясновидцем» — но не таким, что занимается предсказанием будущего, это легче всего, а тем, кто разгадывает действительность.

Дух витает над «Новой Польшей». Дух Ежи Гедройца. Редактор «Культуры» никогда, до самой смерти (2000), не забывал о замысле «Новой Польши». Начиная со смены первого варианта ее названия (планировалась «Культура Польши») и замечаний о бюджете журнала (слишком мал!) вплоть до вмешательства на высоких правительственных уровнях, не говоря уже о бесчисленных советах, о предложениях «весьма полезных» встреч Помяновского с десятками важных людей, от Солженицына до Папы.

А всё потому, что Гедройц, мы это прекрасно помним, упрямо верил, что «слово по-прежнему обладает магической силой». «Новая Польша», единственный журнал, выпускаемый в Польше по-русски и для русских, уже десять лет проторяет пути не чем-нибудь, а словом.

Гедройц верил во вдохновляющую роль интеллигенции в гражданском обществе, учил, что в России поддержку надо искать не где попало, а как раз в этом слое общества. Собирая самых лучших польских и русских авторов, попадая прежде всего в публичные и университетские библиотеки, нацеленная на русскую интеллигенцию, «Новая Польша» со своим небольшим коллективом старается по мере своих возможностей этим путем до интеллигенции доходить.

Гедройц и его «Культура» дали демократической Польше основы восточной политики, понимаемой как соглашение — а может, когда-нибудь и нечто большее — между свободными, суверенными, дружественными и лояльными партнерами. Он видел роль Польши как центра, вдохновляющего демократические и экономические преобразования в регионе. «Новая Польша» не уговаривает, не поучает — она хочет предоставить в распоряжение русской интеллигенции польский опыт и знания о процессе демократической трансформации вообще, а особенно в культуре, хочет предложить России то, что Гедройц называл «паспортом на Запад».

«Новая Польша» — независимое издание, без табу и цензуры, но не нейтральное. Зримое в печатном виде от Смоленска до Камчатки, оно остается на службе демократии, борется против упрямых стереотипов, наносящих столько вреда по обе стороны границы, провозглашает кредо «Культуры»: враг Польши — не Россия, а империя, не русский человек, а советский. Короче говоря, «Новая Польша» — превосходный инструмент того, что составляет или должно составлять «soft power» польской дипломатии, что должно наделять Польшу способностью приобретать союзников и обретать влияние прежде всего благодаря привлекательности своей культуры.

Не все довольны. Есть, разумеется, как всегда и везде, вечно брюзжащие ворчуны; есть скептики, для которых «Новая Польша» — некупаемое капиталовложение; есть такие, кто не разделяет ее ведущего тезиса о роли и месте культуры во внешней политике; есть, наконец, и слепо озлобленные, те, кому не по нутру ее главная задача: работа не только над взаимопониманием политиков, но и в первую очередь — такова ее специфика и специальность — над диалогом

свободных представителей свободного гражданского общества в обеих странах. Диалогом тех, кто понимает, что программа «Культуры» и зародившаяся из ее духа основная идея «Новой Польши» отвечает интересам и Польши, и России, а также Украины и Литвы — всех вместе и каждой по отдельности. Диалогом с теми, кто уже влияет или будет влиять на мышление своих соотечественников о мире.

«Новая Польша», измеряемая торгашеским арифмометром, — это труд напрасный и ошибочный, а в первую очередь глупый. «Торгаши» не понимают или не хотят понять, что невозможно и не следует оценивать в краткосрочной перспективе такой труд, шансы бутылки, брошенной в море, но в конце концов достигающей другого берега и откупориваемой там. Рентабельность «вмешательства» журнала в дела на Востоке не просчитать никакой сантиметровой, аптекарской меркой. И даже если вопрос о полной актуальности модели польской восточной политики, предложенной Гедройцем, остается предметом споров — а известно, что это так и есть, — то не предмет споров тот факт, что с капитала, накопленного путем «вмешательства» Гедройца с его «Культурой» в восточные дела и в какой-то степени умножаемого «Новой Польшей», мы еще долго сможем — если сами того захотим — стричь купоны.

«Новая Польша» стала одним из последних начинаний Гедройца, во всяком случае — самым последним, свидетелем осуществления которого он еще был. Причем свидетелем удовлетворенным. К выходу первого номера журнала Гедройц писал Помяновскому:

«Выход в свет Вашего журнала я считаю событием, которое трудно переоценить, ибо от нормализации польско-русских отношений зависит не только будущее наших стран, но и будущее формирующейся объединенной Европы. Наша история — это кровотокающий регистр несправедливости и несведенных счетов. Эти антагонизмы углублены взаимным незнанием. Как среди поляков, так и среди русских бытуют деформированные представления друг о друге. Высокой целью Вашего журнала будет привлечение людей доброй воли с обеих сторон для того, чтобы изменить такое положение вещей. Ближе узнать друг друга и вместе искать пути не только нормализации, но и сотрудничества. Такие попытки уже предпринимались в прошлом, как, например, деятельность Герцена, Александра Ледницкого или в настоящее время моей „Культуры“, так чтобы поляки и русские могли смотреть друг на друга без предубеждений, то есть без стереотипов».

Этому стоит помочь.

СРЕДСТВО НАЛАЖИВАНИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА

Есть такие культурные и литературные явления, которым можно дать краткую характеристику — как в названии; однако их нельзя описать одной фразой, так как они сверкают множеством красок, всячески привлекая наше внимание, доставляя нам множество самых ярких впечатлений. Именно таким явлением, глядя с московской перспективы, представляется нам «Новая Польша». Ограничимся лишь несколькими отдельными аспектами, ее характеризующими.

Этот журнал в России уникален, у него нет аналогов, он сознательно обращён именно к интеллектуальной элите (равенство заканчивается правом отдавать равный голос, для достижения всего остального следует поработать самому).

Это своего рода жест в сторону России, продиктованный глубокой уверенностью, что в отношениях между соседями необходимы особо точные инструменты взаимного понимания. В поиске того, что объединяет, он не льстит собеседнику, стараясь не касаться разногласий — отсюда, например, не только тема Катыни, но и развенчание мифа о якобы умышленных действиях польских властей, которые послужили увеличению числа жертв среди советских военнопленных в 1920 году.

Журнал пропагандирует солидарность с жертвами тоталитарной системы, механизмы которой просто необходимо изучить с тем, чтобы как можно резче их осудить. В судьбе личности, в силе ее стойкости на бесчеловечной земле всегда проявляет себя тот самый «алмаз под слоем пепла», который, вызывая восторг в душе, помогает ей еще раз нравственно определиться.

«Новая Польша» не забывает о той былой родине-матери Обоих Народов, сила притяжения которой была несравнимо больше, чем сила распада. Ее появление на арене истории, в союзе и разногласиях с другими геополитическими партнерами, являет нам яркий перечень собственных и чужих побед, ошибок, личных трагедий и общих судеб, достойных напоминания и сегодня по обе стороны границ. Границ, изменившихся с появлением факторов украинского,

белорусского и прибалтийского, то есть с появлением у Польши и России ближайшего соседства в Европе.

К живым символам необходимо добавить несколько различных характерных черт практического свойства, которые особенно заметны при наблюдении со стороны, то есть с российской перспективы.

Подведем итоги.

«Новая Польша» на протяжении десяти лет удерживается на плаву в волнах столь сложного издательского рынка (журналы легко создаются, однако ещё легче они прекращают своё существование и гораздо труднее выживают). Жизни журнала постоянно сопутствует забота о его распространении, о том, чтобы он попадал в важные институты и в те круги, которым он адресован и которые разбросаны по огромным просторам России. Всё это предопределяет меру успеха.

Редакция сумела сформировать коллектив выдающихся переводчиков, талант которых мы высоко ценим в наших странах. Забегая вперед — и желая журналу самой долгой жизни, — можно уже сегодня предположить, что когда-нибудь, при подведении итогов, это будет расцениваться как непреходящий вклад в общее дело развития польско-российских взаимоотношений. Тех взаимоотношений, которые в широком смысле слова как раз и основываются на взаимном переводе «друг друга».

Пропагандируя новые направления в литературе, редакция с большим пиететом относится и к незаслуженно забытым давним текстам, которые могут занять достойное место в сознании современников. Хорошим примером этому может служить «Трубач из Самарканда» Ксаверия Прушинского — словно новое, после долгого перерыва, прикосновение к среднеазиатской тематике, которая в качестве нового вызова возникает на карте политических пространств XXI века.

В самых лучших традициях парижской «Культуры» выдержаны хроники текущих событий Виктора Кулерского. Русский читатель благодаря этому может ощущать пульс жизни соседней страны. Эти изложенные телеграфным стилем сообщения о состоянии духа народа затем повторяются и обсуждаются в дружеских беседах в Москве, Петербурге и повсюду, куда добираются неутомимые сотрудники наших культурных центров.

Last but not least: изящное графическое оформление, достойное классики Даниэля Мроза с благородной зачарованностью модерном. Форма, столь далекая от тех, которыми с еженедельной регулярностью терзают наши чувства утомленные знаменитости...

Хотелось бы сказать: спасибо. За то, что мы здесь не одни.

Ежи Бар — посол Республики Польша в Москве.

АФИНЫ В ВАРШАВЕ

При чтении журнала «Новая Польша» у меня часто возникает ассоциация со сценой проповеди апостола Павла в афинском ареопаге. С психологической точки зрения можно было бы понять поведение апостола, если бы он выступил с проповедью на тему превосходства Иерусалима над Афинами и раскритиковал своих афинских слушателей за языческий стиль жизни и образ мыслей. Автор Деяний святых апостолов, впрочем, заметил, что апостол «возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деян 17:16). Но вместо того, чтобы подчеркивать разницу, Павел подчеркнул ту общность ценностей, которая необходима для диалога культур. Во имя ее он хвалил набожность жителей Афин, цитировал их поэтов, неспешно вел свои рассуждения к познанию «неведомого Бога», Которым «живем, движемся и существуем». Его стиль становится обязательным для всех, кто стремится выстраивать общность ценностей в разобщенном мире, терзаемом разделениями и конфликтами.

Я хотел бы выразить особую благодарность Ежи Помяновскому за его следование «афинскому» стилю в редактировании «Новой Польши»: в его методе улавливается эхо универсализма и мудрости, так отличавших выступление апостола Павла в ареопаге. Эта задача особенно важна в сфере поиска новых форм диалога с «русскими друзьями». Сколь важна эта форма духовной общности, с особенной силой ощущаешь в контактах с теми кругами российской интеллигенции, для которых польская культура ассоциируется с философской рефлексией о. Юзефа Тишнера, с поэзией Милоша и Херберта или с духовным посланием Иоанна Павла II. Несомненны заслуги пана Ежи и его сотрудников в области выстраивания этой общности, которая помогает освободиться от стереотипов и упрощенных схем мышления.

Выступая в сентябре 2008 г. на форуме Люблинского католического университета во время III Конгресса христианской культуры и описывая свою интеллектуальную одиссею, Ежи Помяновский много внимания уделил формированию таких интеллектуальных позиций, при которых нормальной ценой за поиски новых путей становится одиночество, к чему приводят храбрость и воображение. С перспективы прошедшего времени мы с некоторой

неловкостью вспоминаем те ситуации, когда делались попытки замещать отсутствие воображения стереотипами и лозунгами. В качестве примера подобной позиции пан Ежи в упомянутом уже выступлении в Люблине привел псевдопатриотические лозунги с транспарантов Национал-радикального лагеря (ОНР), культивировавшиеся в студенческой среде в мае 1938 года. Эти лозунги гласили: «Не отдадим Гданьск! Долой евреев! ОНР бдит!» На виражах истории, когда можно было предвидеть приближающуюся трагедию войны, некоторые круги, провозглашая свою заботу о патриотизме, не сумели освободиться от ненависти и партийных слоганов.

Ошибки того времени преподают урок истории, из которого следует, что патриотизм никогда нельзя объединять с национализмом. Освобождение от реликтов марксистской риторики, воспевающей классовую борьбу, должно происходить вместе с устранением всех следов предубеждений, агрессии или презрения, которые игнорируют проявления качественно новой ментальности во взаимных контактах России и Польши. Для этого необходима та же последовательность, которая привела к глубоким переменам в польско-немецких взаимоотношениях. В 1965 г., когда призыв к примирению в письме польских епископов к немецким натолкнулся на мощную критику не только из тех кругов, что находились под идеологическим влиянием ПОРП, такие перемены представлялись невозможными.

В вихре времени канула в прошлое критика; зато весьма ценной и долгосрочной оказалась смелая мысль о примирении, которое может объединить два близких народа. И вот на протяжении десяти лет мы ощущаем его значение так, словно звучит для нас новое послание апостола Павла с афинского ареопага. От всего сердца желаю вам, чтобы миссия, выполняемая «Новой Польшей», могла служить тем же ценностям, формируя дружественные узы и взаимную открытость поляков и русских. Афины остаются для нас символом ценностей, которые вдохновили развитие европейской культуры. Пусть афинский стиль процветает в культурном диалоге между Варшавой и Москвой благодаря интеллектуальному вдохновению, идущему со страниц «Новой Польши».

СТРОИМ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БЕЗ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

Если бы «Новой Польши» не было, такой журнал следовало бы придумать как можно скорее. К счастью, это уже сделали Ежи Гедройц и Ежи Помяновский. Благодаря этому «Новая Польша» продолжает линию парижской «Культуры», которая в эмиграции поддерживала демократическую Россию и по примеру которой Владимир Максимов издавал свой «Континент».

Сегодня «Новая Польша» отмечает свой первый юбилей: журнал вышел на рынок прессы 10 лет назад. Это прекрасный возраст. Необычайная ценность этого издания состоит в том, что оно дает возможность русским и полякам познакомиться друг с другом вне идеологических и политических размежеваний. Этот журнал не имеет ничего общего с изданиями времен Народной Польши, в которых правда тонула в море пропаганды и пустословия. Рождению «Новой Польши» способствовала потребность приблизить НОВУЮ ПОЛЬШУ русскому читателю. И этой задаче журнал прекрасно служит.

Насколько же нынешняя Польша отличается от Польши, существовавшей между 1945 и 1989 годом! У каждого народа в его истории есть даты, имеющие значение символа. Для нас такой датой стало 4 июня 1989 года. В этот день поляки с помощью избирательного бюллетеня, имевшего революционное значение, без кровопролития отвергли чуждую им коммунистическую систему, а другим народам Центральной и Восточной Европы указали путь к свободе. Борьбу за свободу мы выиграли благодаря мечтам и стремлениям миллионов поляков. Благодаря победе «Солидарности» Польша превратилась в суверенную и демократическую страну. На протяжении вот уже 20 лет сам народ принимает самые важные для своего будущего решения. В условиях свободных и демократических выборов мы сами выбираем органы местного самоуправления, депутатов Сейма и сенаторов, президента. Мы высказались за вступление в Евросоюз и НАТО.

Да, правы те русские, которые с некоторым сожалением говорят, что теперь Польша еще дальше от них, чем была в советские времена. Она так же далеко, как Франция, Италия, Англия или Америка. Ибо изменилась ситуация. Во времена СССР можно было гораздо больше узнать о том, что происходило на берегах Вислы. Среди русской интеллигенции были известны имена Марека Хласко, Казимежа Брандыса, Юзефа Хена. Сегодня, хотя цензуры и нет, в российских СМИ трудно найти информацию о Польше, о ее культурных достижениях и прогрессе в области цивилизации. Поэтому Польша как бы отделилась от русского интеллигента. Можно себе представить существование стены равнодушия к западному соседу. Такая стена, отгораживая друг от друга Польшу и Россию, способствует тому, что оживают предубеждения и стереотипы, которые, как когда-то выражались, «льют воду на мельницу» националистических организаций и усиливают фобии. Наша общая задача — разрушить стену, отделяющую Польшу от России, польскую творческую интеллигенцию от русского читателя и российского общественного мнения. Ибо против дремлющих в обществе фобий существует лишь одно средство: прямой разговор русских и поляков. Такую цель перед Ежи Помяновским, главным редактором «Новой Польши», поставил Ежи Гедройц, издатель парижской «Культуры». На протяжении десяти лет эта цель осуществляется последовательно и успешно.

У России и Польши за плечами более чем тысячелетняя история. На протяжении столетий оба государства, соседствуя между собой, имели разные национальные интересы. Поэтому конфликты были неизбежны, а общая история не была легкой для обоих народов. Особенно в новейшей истории есть темные страницы, которые надо прояснять. Каждый народ по-своему видит свое прошлое. Одни и те же события для русских могут быть важными, а для поляков — второстепенными. Какие-то другие события для поляков важны, а для русских значат меньше. Следует согласиться с такой картиной истории, но невозможно уйти от исторической истины. Для этого необходим диалог. Прекрасную площадку для дискуссии по самым трудным вопросам представляет собой журнал «Новая Польша».

В 1990 г. изменилась карта Европы. Нет больше ГДР — Германия объединилась. Нет и Чехословакии — появились Чехия и Словакия. Наши соседи — это Литва, Белоруссия, Украина и Россия. Но это новая Россия. Никто не предполагал, что на рубеже XXI века политическая карта Центральной и Восточной

Европы приобретет такой вид. Польша и Россия своего местоположения не изменят. Они должны строить будущее своих народов на принципах дружбы и уважения. Это дело рассчитано не на одно поколение, и было бы хорошо, если бы в этой столь необходимой работе никто не мешал польско-русскому коллективу, редактирующему «Новую Польшу».

Надо отдавать себе отчет в том, что миновали времена, когда русская интеллигенция знакомилась с мировой литературой, читая ее в польских переводах. Сегодня в России легко доступна сокровищница мировой культуры. Однако содержание «Новой Польши», ежемесячного общественно-политического и литературного журнала, поставляющего информацию «из первых рук», имеет неоценимое значение для русского читателя. Тем более что в российской прессе наблюдается совершенно явный дефицит такой информации.

Я хотел бы обратить внимание еще на один аспект чтения «Новой Польши» в России. Польский Сенат, который я имею честь возглавлять, опекает Полонию — поляков, живущих за пределами отечества. По решению польского парламента 2 мая объявлено Днем Полонии. В этот день поляки, рассеянные по всему миру, встречаются, чтобы не забывать о своих корнях. В 2009 г. этот праздник мы отмечали в Петербурге, куда приехали несколько сот представителей польских организаций со всей России и всего мира. Поляки в России — это потомки тех, кто населял эту огромную страну еще в царские времена. Тот факт, что мы решили отмечать праздник в России, имеет свое символическое значение. Люди с польским происхождением чувствуют себя здесь хорошо. Они могут свободно объединяться и заботиться о сохранении национальных традиций. Организации Полонии в России получают признание и поддержку со стороны властей. Мы это ценим. Для хорошо образованных представителей российской Полонии «Новая Польша» — это окно в Польшу, страну их предков.

Взаимопониманию прекрасно служат развивающиеся контакты между польским Сенатом и Советом Федерации РФ. В результате многочисленных моих встреч с председателем этой палаты российского парламента и визита Сергея Миронова в Польшу создан Форум регионов Польши и России, который пройдет под нашим общим покровительством в Москве в сентябре текущего года.

В связи с юбилеем я желаю всему редакторскому коллективу «Новой Польши» стойкости и удовлетворения от работы, которая прекрасно служит сближению народов Польши и России. Пусть «Новая Польша» и в дальнейшем остается самым

солидным источником информации о Польше. Пусть сбудется пожелание Ежи Гедройца, чтобы благодаря диалогу поляки и русские смогли относиться друг к другу без предубеждений.

Богдан Борусевич — с 1968 (когда был еще школьником) активный участник оппозиции, член Комитета защиты рабочих (КОР), один из организаторов забастовки на Гданьской судовой верфи в августе 1980, один из лидеров легальной, а затем подпольной «Солидарности»; ныне маршал Сената.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Впервые Европарламент возглавил представитель новой страны-члена ЕС. Ежи Бузек победил на вчерашних выборах в Страсбурге подавляющим большинством голосов: его поддержали 555 из 713 присутствовавших в зале евродепутатов (...) «Одним из моих приоритетов будет защита прав человека», — сказал новый председатель Европарламента (...) Председатель избирается на 2,5 года, т.е. на половину срока созыва Европейского парламента”. («Жечпосполита», 15 июля)

- Бывший министр иностранных дел Польши проф. Адам Даниэль Ротфельд вошел в группу 12 экспертов, которые будут разрабатывать новую стратегическую доктрину НАТО. Возглавила группу Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США. Группа создана по решению генерального секретаря НАТО Андерса Фогга Расмуссена. («Дзенник», «Жечпосполита», 4 авг.)

- “Завершающееся десятилетие изменило в Польше почти всё — от уровня жизни и распределения материальных благ до семейных взаимоотношений, идейных и политических позиций (...) Странное это было время. Мы уже вломились в НАТО, но до ЕС нужно было еще идти и идти. Позади было уже целое десятилетие свободы и развивающегося свободного рынка, но от всего этого было мало практической пользы (...) Благосостояние, важнейшее обещание рыночной экономики, было еще впереди. Реально мы зарабатывали тогда в среднем меньше двух третей того, что зарабатываем сегодня. В 2000 г. эта сумма составляла 655 злотых в месяц на члена семьи (в ценах 2005 г.), а в 2009 м — уже 1047 злотых (...) В 2000 г. расслоение общества было больше, чем в ПНР, но значительно меньше, чем сейчас. А настроения были несравненно хуже (...) В 2000 г. средний доход на человека в семье, принадлежавшей к самой богатой четверти общества, был в 3,5 раза больше, чем в семье из беднейшей четверти. Сегодня он больше уже почти в 4,5 раза. В абсолютных цифрах эта разница выросла с 978 до 1850 злотых. Сегодня — несмотря на значительный рост расслоения — людей, которые довольны своим положением, в два раза больше, чем в начале десятилетия (...) За 10 лет группа, утверждающая, что при новом строе живется легче, выросла почти в два раза (с 14,2 до 27,2%), а группа, считающая, что

лучше жилось при ПНР, уменьшилась на треть (с 61,3 до 41,1%). Улучшилась также общественная оценка реформ. На четверть снизилось число негативных оценок (с 48 до 35,7%), а число позитивных выросло почти в два раза (с 7,7 до 12,4%) (...) Мы прожили бурное, но счастливое десятилетие (...) Благодаря ему у нас есть теперь капитал, который может помочь нам пережить тяжелые времена (...) Польша всё еще формируется”. (Януш Чапинский, Яцек Жаковский, «Политика», 18 июля)

• “«Общественный диагноз» — это циклический опрос поляков. В марте и апреле анкетеры Главного статистического управления (ГСУ) опросили более 26 тыс. человек в 12 с лишним тысячах домашних хозяйств (...) 76% поляков считают себя счастливыми. В 1993 г. их доля составляла 58%. Доходы домашних хозяйств выросли с 2007 г. на 14,6%, а с 2000 го — на 40,1% (...) «У нас две Польши: одна — современная, молодая и хорошо образованная. И вторая — традиционная, слабо образованная и плохо приспособляющаяся к нынешней ситуации», — пишут авторы «Общественного диагноза» (...) Интернетом пользуются 87% поляков в возрасте от 16 до 24 лет и лишь 6% — старше 65 лет (...) За последние два года почти на 2% (до 30,8%) выросло число тех, кто ходит в церковь. Меньше — на 2,4% (до 43,7%) — стало тех, кто участвует в мессе не менее четырех раз в месяц (...) Доля поляков, которые считают, что вступление Польши в ЕС принесло им личную пользу, выросла с 36 до 63% (...) В 2000 г. курили 32% людей старше 16 лет. Сегодня — 28%. Доверие к другим людям выросло с 11,6% в 2007 г. до 13,4% сегодня”. («Газета выборча», 16 июля)

• “Я выключаю телевизор, не в силах дальше смотреть короткий репортаж из Яблонки, с животноводческой ярмарки — по слухам, нелегальной, но на которую местные власти уже очень давно закрывают глаза (...) Поражала жестокость — описываемая и показываемая. До войны я много раз видела, как зверски люди обходятся с животными, не только в деревне, где я проводила каникулы, но и в городе, где конных упряжек было значительно больше, чем автотранспорта (...) Репортаж из Яблонки, который я смотрела несколько дней назад, кричал о том, что несмотря на время и на лоск цивилизации тут ничего не изменилось. Но еще более ужасала всё та же, что и когда-то, атмосфера попустительства и равнодушия. И еще память, что никогда в жизни мне не приходилось слышать ни одной проповеди о грехе жестокости по отношению к животным”. (Юзефа Хеннель, «Тыгодник повшехный», 19 июля)

• Бронислав Коморовский, маршал Сейма: “Следует помнить, что 95% нашего общества — это выходцы из деревни. В Польше

горожане были в огромной мере немецкого и еврейского происхождения. Где бы ни жили наши предки — в избе или в усадьбе — всё равно все мы родом из деревни. Таковы традиции польской интеллигенции, таковы традиции большинства жителей крупных и малых городов”. («Газета wyborcza», 3 июня)

- Барбара Скарга на похоронах Лешека Колаковского (1927–2009): “Он учил, что самое страшное — это причинить кому-то зло. Что нельзя этого допустить, что всё остальное не так важно”. («Газета wyborcza», 29 июля)

- В годовщину Варшавского восстания: “Для меня 1 августа — дата особая, потому что события этого вечера, ночи и следующего утра в 1944 г. в Варшаве, а потом следующие дни, недели и месяцы, стали началом жизненного пути, который я сознательно выбрал (...) Несколько десятков последующих лет я старался в этот день побывать на Военном кладбище. Вот уже некоторое время я чувствую, что меня гонят оттуда торговцы памятью, которые (...) стали всё более бесстыдно демонстрировать свои политические интересы и ориентацию. Теперь я стараюсь в этот день даже из дому не выходить, чтобы не наткнуться на разные маскарады, ряженых и музыкальные праздники”. (Кшиштоф Сливинский, «Газета wyborcza», 5 авг.)

- Проф. Кристина Скаржинская: “Уверенность в том, что мы можем влиять на положение в стране, постоянно растет. В 1992 г. так считали лишь 7% поляков. В 1997 г. — уже 19%, в 2007 м — 24%, а в 2008 м — 30%”. («Ньюсуик-Польша», 26 июля)

- “Любители квадроциклов месяцами уничтожали живописные луга в окрестностях Вонвольницы, в Люблинском воеводстве. Поэтому крестьяне взяли дело в свои руки (...) На полях появились таблички с предупреждением о рассыпанных гвоздях и адресом ближайшей шиномонтажной мастерской (...) Квадроциклов поуменьшилось”. (Анна Сидор, «Польска», 30 июня)

- Из отчета Института общественных вопросов «Демократия в Польше. 2007–2009»: “Опросы ЦИОМа, проведенные в 2007 г. сразу после победы на выборах «Гражданской платформы» (ГП), показали, что впервые после 1989 г. граждан, удовлетворенных функционированием демократии в Польше, было больше, чем ее критиков. Рекордной (почти 75%) была и доля тех, кто утверждал, что «демократия лучше других форм правления». После [двух лет] власти «Права и справедливости» (ПиС) уменьшилось число респондентов, которые готовы смириться с недемократическим правительством. В 2005 г. это была почти

половина опрошенных, а в ноябре 2007 и в 2009 г. — уже лишь треть”. («Газета выборча», 26 июня)

- Рышард Калиш, депутат от Союза демократических левых сил (СДЛС): “В Польше существует десять служб, которые имеют право следить за гражданами. В 1991 г. их было четыре”.

(«Жечпосполита», 24 июня)

- “С сегодняшнего дня каждый, кто подаст заявление о выдаче паспорта, должен будет, наряду с другими документами, сдать отпечатки двух пальцев. Изображение отпечатков будет помещено во всех новых паспортах рядом с фотографией”.

(«Польска», 22 июня)

- “В варшавском Институте математических машин создан биометрический терминал, идентифицирующий человека по расположению вен ладони. С четырехлетнего возраста оно у каждого неповторимо. Терминал будет служить для контроля доступа и как система регистрации рабочего времени”.

(«Жечпосполита», 24 июня)

- Ян Кшиштоф Белецкий, в 80-е годы эксперт «Солидарности», в 1991 г. премьер-министр: “Польша — единственная трансформирующаяся страна, в которой не было ни одного коррумпированного премьера, хотя премьеров у нас было больше, чем игроков в футбольной команде. У нас нет ни одного премьера, который стал бы миллионером благодаря своему посту, и этим мы отличаемся от многих стран, где нет ни одного премьера, не ставшего миллионером (...) То, что в начале 90 х, по мнению иерархов польской Церкви, мое правительство было большей угрозой, чем президентство Александра Квасневского [выходца из коммунистической партии], было для меня самым шокирующим переживанием тех лет (...) Организованная операция по борьбе с нами [Либерально-демократическим конгрессом] на парламентских выборах, раздаваемые в церквях листовки (либералы — это угроза, это смерть) — с точки зрения сегодняшней политической этики всё это было бы недопустимо. Так я себя утешаю”. («Газета выборча», 11-12 июля)

- “Со вчерашнего дня в Берлине, возле Бундестага, стоит памятник «Солидарности» — фрагмент стены, перенесенный с Гданьской судоверфи. Его торжественно открыли маршал Сейма Бронислав Коморовский вместе с председателем Бундестага Норбертом Ламмертом”. («Дзенник», 18 июня)

- “Как показал опрос ЦИОМа, 52% поляков считают, что генерал Войцех Ярузельский хорошо служил Польше. 31%

придерживается противоположного мнения. В опросе напоминалось, что генерал был первым секретарем ЦК ПОРП, премьер-министром ПНР и министром национальной обороны. В июле 1989 г. [Национальным собранием, т.е. двумя палатами парламента — Сеймом и Сенатом] он был избран президентом”. («Газета wyborcza», 15 июля)

- “Согласно опросу ЦИОМа, почти половина поляков (49%) считает избрание генерала Войцеха Ярузельского президентом в 1989 г. решением не столько удовлетворительным, сколько соответствовавшим тогдашнему общественно-политическому положению. Почти каждый четвертый респондент (23%) утверждает, что это был правильный выбор, а каждый седьмой его критикует”. («Жечпосполита», 15 июля)

- “По данным опроса ЦИОМа, проведенного со 2 по 8 июля, поляки доверяют Ежи Бузеку и Леху Валенсе (по 58%), Радославу Сикорскому (55%), Дональду Туску (53%), Леху Качинскому (33%) и Ярославу Качинскому (24%)”. («Газета wyborcza», 14 июля)

- “Согласно опросу ЦИОМа, 35% поляков считают себя сторонниками Дональда Туска, 31% — его противниками. Это самые плохие показатели за всю историю работы правительства Туска. Поддержка премьера планомерно снижается вот уже два месяца. Еще в апреле его сторонниками считали себя 44% респондентов (...) Значительно хуже выглядит оценка работы правительства (...) 47% опрошенных считает ее плохой. Противоположного мнения придерживаются 39% (...) Удовлетворенность тем, что Дональд Туск занимает пост премьер-министра, выразили 44% опрошенных (снижение на 2% по сравнению с апрелем). 42% этим недовольны (рост на 4%). Ухудшившиеся оценки правительства, впрочем, не отражаются на степени поддержки ГП”. («Жечпосполита», 16 июля)

- Согласно опросу института «Homo homini» от 22 июля, ГП поддерживает 41% поляков, ПиС — 28,6%, СДЛС — 13,9%, Крестьянскую партия ПСЛ — 7%. («Дзенник», 24 июля)

- Вальдемар Кучинский, бывший министр правительства Тадеуша Мазовецкого, бывший советник премьер-министров Влодзимежа Цимошевича и Ежи Бузека: “С момента появления в Польше ПиС и завоевания им значительной поддержки избирателей, политическая сцена кардинально изменилась (...) Впервые за 20 лет в Польше появилась сильная, влиятельная партия, стремившаяся к устранению существующего строя и замене его (...) другим. Ее присутствие сильно меняет лицо

политического диалога. Вместо того чтобы оставаться обычным спором в рамках, принятых политическими силами, признающими конституционный порядок, он приобрел черты войны (...) Политическая система, в которой присутствуют две партии, имеет многочисленные преимущества (...) Но так бывает, когда обе партии признают основы государственного строя (...) Партия, годящаяся для такой двухпартийной системы, — это ГП, которая, хоть и не без критики, признаёт и уважает то, что сделано за 20 лет, не предлагая проектов, призванных изменить государственный строй (...) Пис в его нынешней форме (...) открыто изъявляет желание вступить на новый путь, заключающийся в создании иного политического порядка”. («Жечпосполита», 21 июля)

• Стефан Хвин, писатель, литературный критик, историк литературы, художник-график, профессор Гданьского университета: “Пис удовлетворило некий общественный спрос. То есть эта партия пришлась ко двору людям, которые нуждались в рациональном объяснении своих неудач, связанных с трансформацией государственного строя (...) Пис заявило, что причина — в посткоммунистическом сговоре... (...) Что бывшие коммуны прекрасно устроились, а мы, люди из маленьких городов и бывших госхозов, нищенствуем (...) Пис хорошо почувствовало общественную атмосферу (...) ГП время от времени позволяет себе идти на различные национально-католические уступки. И, в частности, благодаря этому удерживает высокие показатели рейтингов. Потому что полякам она кажется одновременно современной и «своей» (...) Левые, которые иногда совершенно забывают, что существуют и действуют в католическом обществе, ведут себя, как самоубийцы (...) «Платформа» гораздо прагматичнее. Вначале она строго придерживалась принципов либерализма, но со временем пришла к выводу, что нужны и какие-то элементы социального государства, и таким образом успешно вторглась на территорию левых (...) Она хорошо чувствует, что представляет собой польское общество, и не хочет его раздражать”. («Пшеглэнд», 26 июля)

• “Польша остается единственной страной ЕС, в которой наблюдается экономический рост”. («Тыгодник повсехный», 19 июля)

• “Экономика продолжает слабеть, но медленно (...) ГСУ сообщило, что в июне объем розничных продаж был на 2,2% выше, чем в мае, и на 0,9% выше, чем год назад”. («Дзенник», 24 июля)

- “Согласно исследованиям «IQS & Quant Group», 40% поляков, как и раньше, утверждают, что им хватает денег на все расходы. Более двух третей респондентов смотрят в будущее с оптимизмом. 37% уверены, что через пять лет материальное положение их домашних хозяйств улучшится (...) Лишь 33% опрошенных признались, что не строят планов на ближайшее будущее, считая его неопределенным. Примерно столько же руководствуются уверенностью, что их уровень жизни не изменится (...) Лишь 4% опрошенных считают, что их положение ухудшится”. («Жечпосполита», 1 июля)

- “ГСУ сообщило, что в мае средняя начисленная зарплата составила 3193,9 злотых — на 3,8% больше, чем год назад, но на 3,1% меньше, чем в апреле”. («Газета wyborcza», 19 июня)

- В 2008 г. среднемесячный доход в пересчете на одно домашнее хозяйство, а также доля этого дохода, потраченная на продукты и безалкогольные напитки, одежду и обувь, квартплату и электроэнергию, составили соответственно: у владельцев фирм — 4439 злотых, 20,3%, 6,9% и 16,5%; у крестьян — 3816 зл., 32,7%, 5,6% и 15,7%; у рабочих и служащих — 3527 зл., 24,4%, 6,1% и 17,6%; у пенсионеров — 2067 зл., 28,4%, 3,4% и 22,8%; у пенсионеров по инвалидности — 1545 зл., 31,4%, 3,4% и 24,1%. («Газета wyborcza», 15 июня)

- Согласно отчету «Евростата», “Польша — это страна, которая хуже всего в ЕС заботится о семье и детях, а также выделяет крайне мало средств на медицинское обслуживание своих граждан (...) Польша экономит на социальной помощи и семейных пособиях. На пособия идет лишь 0,8% нашего ВВП, т.е. примерно втрое меньше, чем в средней стране ЕС (...) На медицинское обслуживание и лечение мы тратим лишь 3,8% ВВП. Средний показатель по Европе вдвое выше (...) Вообще на социальную помощь в Польше предназначено 19,2% ВВП (...) Средний показатель по ЕС составляет 26,9%”. («Дзенник», 8 июля)

- “Всё больше поляков испытывает трудности с погашением кредитов. По подсчетам Бюро экономической информации, в конце июня их не выплатили в срок около 1,4 млн. человек, т.е. на 200 тысяч больше, чем год назад. Общая сумма не погашенных задолженностей лавинообразно растет — с 7 млрд. злотых в 2008 г. до 10 миллиардов в настоящий момент”. («Польша», 22 июля)

- “В 2008 г. ВВП на душу населения составлял в Польше 57% от среднего по ЕС. Годом раньше эта цифра составляла 55% (...) В крупнейших европейских странах — Франции, Германии,

Италии и Великобритании — ВВП на душу населения составляет от 107 до 116% средней по ЕС, т.е. около 26 тыс. евро, в то время как в Польше это около 12,6 тыс. евро”. («Дзенник», 26 июня)

- “Международный валютный фонд немного изменил прогнозы динамики ВВП Польши на текущий год — с 0,7 до 0,5%. «Польша справляется с кризисом лучше, чем другие страны, потому что к его началу ее экономика была более уравновешена», — отметил МВФ (...) «Мы ожидаем небольшой рецессии в этом году и медленного оживления в 2010 году», — сказал на конференции Александр Хофмайстер из МВФ. По его мнению, в этом году наша экономика сократится на 0,5%, чтобы в 2010 г. вырасти приблизительно на 1%”. («Газета wyborcza», 24 июня)

- “Со вчерашнего дня процентные ставки в Польше — самые низкие за всю историю. В среду Совет монетарной политики снизил их на 0,25%. Основная ставка составляет теперь 3,5%”. («Дзенник», 25 июня)

- “ГСУ сообщило, что в июне инфляция снизилась до 3,5% по сравнению с 3,6% в мае (...) Инфляция снижается вот уже второй месяц. По мнению экономистов, цены будут и дальше падать”. («Дзенник», 15 июля)

- “Польские производственные предприятия сопротивляются кризису — такие неожиданно оптимистические данные обнародовало вчера ГСУ (...) В мае с конвейеров сошло товаров на 5,2% меньше, чем год назад, в то время как ожидалось сокращение производства на 6–7%. Это вполне неплохой результат, особенно если вспомнить, что в апреле фабрики произвели на 12,4% меньше, чем за тот же период 2008 года”. («Польша», 20–21 июня)

- “Только в 2005–2008 гг. бесправные, затянутые действия государственных учреждений, прокуратур и судов, привели к закрытию (или поставили под угрозу закрытия) 251 польского предприятия (...) Уполномоченный по правам человека Януш Кохановский должен был ходатайствовать по 326 делам такого рода (лишь в 75 случаях жаловавшиеся ему предприниматели были неправы)”. («Жечпосполита», 13 июля)

- “По данным министерства экономики, кризис не вредит экспорту польских продуктов питания. За первые четыре месяца этого года Польша продала за границу продовольственных товаров на более чем 3,5 млн. евро, т.е. столько же, сколько и год назад. В то же время во всех

остальных отраслях отмечено падение экспорта (...) Общий объем польского экспорта в евро уменьшился за этот период на 22,7%”. («Дзенник», 6 июля)

- “САМ достигает трех метров в длину, у него стальная рама, пластиковый кузов, три колеса и лупоглазые фары (...) Он рассчитан на двух человек. За шесть секунд он разгоняется до 50 км/час. Максимальная скорость — 90 км/час. На одной подзарядке он может проехать 100 км. Автомобиль можно подключить к простой розетке, а заряжаясь, он потребляет столько же энергии, сколько фен для волос. В Прушкове идут последние приготовления к серийному производству САМов. Первые экземпляры сойдут с конвейера в августе (...) Цена — около 60 тыс. злотых”. («Ньюсуик-Польша», 26 июля)

- “Польская популяция морских свинок исчезает в катастрофическом темпе (...) За последние 10 лет она уменьшилась с 600 особей до менее ста. Морские свинки гибнут от рыбацких сетей, шума транспорта и водного туризма, от взрывов на морских полигонах. Поскольку они живут в замкнутых группах, не допускающих особей из других популяций, нет возможности воссоздания гибнущей группы. «Чтобы спасти этот вид, нужно работать прежде всего над человеком, а не над морскими свинками» — говорит доктор Кшиштоф Скура, директор морской станции в Хеле”. («Политика», 1 июля)

- “Кузнецы, гончары, кожевники, оружейники и литейщики из Малопольши могут рассчитывать на дополнительную помощь и средства на развитие своих предприятий (...) В категорию гибнущих профессий включены представители почти 50 специальностей, в т.ч. печники, штукатуры, витражисты, часовщики, гончары, художники по стеклу, оружейники, мельники, бочары, колесники, а также сапожники и плотовщики. Дотации будут выделяться на конкурсной основе. Подробная информация на сайте www.mcr.malopolska.pl». («Дзенник», 28 июня)

- “Несмотря на кризис, каждая вторая польская фирма испытывает трудности с набором кадров (...) Все еще не хватает квалифицированных работников физического труда, электриков, столяров, каменщиков, сантехников и сварщиков (...) Кроме того, часто требуются проектные менеджеры, т.е. специалисты, принимаемые на работу по контракту, для выполнения определенной задачи в определенные сроки (...) Ни в одной стране нет столь большого спроса на эти кадры”. («Польша», 26 июля)

- “По данным ГСУ, в июне на предприятиях работали 5,28 млн. человек. Это на 12,2 тыс. меньше, чем в мае. По сравнению с прошлым годом занятость на предприятиях упала на 103 тысячи, т.е. на 1,9% (...) Июнь был уже пятым подряд месяцем, ознаменовавшимся падением занятости”. («Дзенник», 17 июля)
- “По сведениям министерства труда и социальной политики, в июне уровень безработицы снизился в Польше до 10,7%. В мае безработица достигала 10,8%. В конце июня насчитывалось 1,6593 млн. зарегистрированных безработных — на 24,1 тыс. меньше, чем месяц назад, но на 20,4 тыс. больше, чем в июне 2008 года (...) По подсчетам экономистов «Инвестбанка», в конце года уровень безработицы может достичь 13,5%”. («Газета wyborча», 7 июля)
- “Всемирный банк выделил Польше 4,5 млрд. долларов (...) на финансирование здравоохранения, образования, социальных программ и улучшение условий для бизнеса (...) В Польше открытие фирмы всё еще занимает в среднем 31 день. В Грузии на это хватает трех дней, в Эстонии — семи, в Румынии — 10 ти, а в Новой Зеландии — одного дня. Разрешения на строительство в Польше нужно ждать в среднем 308 дней, в Эстонии — 118, в Болгарии — 139, а в Южной Корее — 34 дня”. («Жечпосполита», 2 июля)
- “Польша использовала более 100% структурных фондов на 2004–2006 гг. (...) Наша страна потратила 8,6 млрд. евро, т.е. 101,3% выделенной суммы, благодаря благоприятным колебаниям курса евро. Брюссель выплачивает нам деньги в евро, но договоры подписаны в злотых. После пересчета заключенных договоров на евро, оказалось, что мы потратили больше, чем нам первоначально дала Еврокомиссия. Польша входит в первую тройку государств ЕС, которые лучше всего использовали финансирование из предыдущего бюджета”. («Газета wyborча», 24 июля)
- “Еврокомиссия дала Польше срок до 2012 г. на уменьшение дефицита в секторе государственных финансов. Он должен сократиться до 3% ВВП в год начиная с 2010 года. Для этого Еврокомиссия рекомендует уменьшить социальные выплаты и ввести лимит на бюджетные расходы. Чиновники ЕС будут контролировать, выполняет ли Польша эти рекомендации”. («Дзенник», 8 июля)
- “Уменьшается внешний долг Польши. В конце первого квартала он составил 167,7 млрд. евро и был на 5,2 млрд. евро меньше, чем в декабре прошлого года (...) Эксперты не

сомневаются, что уменьшение внешнего долга повысит финансовую надежность Польши”. («Дзенник», 1 июля)

- “Белоруссия предлагает в кратчайшие сроки построить энергомо́ст в Польшу. По нему пошла бы электроэнергия с планируемых электростанций — атомной под Гродно, а также тепловой (...) Это главная тема двухдневного польско-белорусского экономического саммита в Варшаве. На него приехали, в частности, вице-премьер Андрей Коняков и министр энергетики Александр Озерец”. («Газета wyborcza», 25 июня)

- “Россия построит атомную электростанцию (...) недалеко от города и реки Неман, в ста километрах от границы с Польшей (...) Россия стремится поставить Европу в зависимость также от своей атомной энергии. Она будет дешевле, так как Россия не несет таких расходов, как лицензии на выброс промышленных газов (...) Проект бьет по зарождающейся энергетической солидарности стран ЕС. «У Польши и соседних стран есть повод для опасений, потому что российская ядерная промышленность — это череда несчастий и неудач: от катастрофы в Сосновом Бору в 1979 г. до Чернобыля в 1986 м», — предостерегает Поль Гобль, эксперт по России”. («Польска», 20 июля)

- “Группа «Лотос» и азербайджанская нефтяная компания SOCAR подписали в Баку в присутствии президентов двух стран декларацию, касающуюся совместных действий по добыче и переработке нефти. Азербайджан — это следующая после Казахстана надежда Леха Качинского (...) в борьбе за энергетическую безопасность”. («Пшеглэнд», 12 июля)

- “Польская нефтегазовая компания (ПНГК) и «Qatargas Operating Compaу» (...) заключили вчера долгосрочное соглашение о поставках в Польшу 1,5 млрд. кубометров газа, т.е. 1 млн. тонн сжиженного газа в год. Эти поставки покроют более 10% общего объема потребностей Польши. Всего Польша потребляет около 14 млрд. кубометров газа в год”. («Дзенник», 30 июля)

- “Усилия Европы по обретению независимости от поставок российского газа увенчались успехом. Вчера в Анкаре Турция и четыре страны ЕС подписали соглашение о строительстве газопровода «Набукко» (...) Подключиться к «Набукко» планирует также Польша. Из 31 млрд. кубометров в год, которые потекут в Европу, мы хотим получать 1 млрд. кубометров”. («Дзенник», 14 июля)

- “Польский нефтеперерабатывающий комбинат «Орлен» в безопасности (...) Отпала угроза враждебного поглощения предприятия (...) Акционеры согласились на ограничение права голоса. Пайщики, финансово связанные друг с другом, смогут иметь сообща не более 10% голосов. Это ограничение не будет касаться субъектов, подчиняющихся Польскому казначейству и «Польской нефти». Игорь Халупец, бывший председатель «Орлена», признался, что Россия заинтересована польскими концернами. Для нее представляют интерес перерабатывающие мощности наших нефтезаводов, сеть АЗС и выход на рынок”. («Дзенник», 16 июля)

- “Нефтяная компания «Петролинвест», принадлежащая группе Рышарда Краузе, решила продать свои активы в России». («Жечпосполита», 26–27 июня)

- “Польский МИД проинформировал, что Россия вернула четыре участка в Варшаве, занимаемые ею с 70-х годов (...) Возврат участков — переломный момент в тянущемся уже полтора десятка лет споре о недвижимости. Лишь в прошлом году польское правительство решилось на более решительный шаг и разорвало шесть договоров с Россией”. («Жечпосполита», 18–19 июля)

- “Россия разрешила плавать по своей части Вислинского залива кораблям под иностранными флагами, входящим в польские порты или выходящим из них. Польские суда ждут отдельного договора между Россией и Польшей”. («Жечпосполита», 23 июля)

- “Польское посольство выразило российскому МИДу протест в связи с демонстрацией по телеканалу «Вести» фильма «Пакт Молотова—Риббентропа: историческое расследование» (...) Автор фильма доказывает, что в развязывании II Мировой войны виновата Польша (...) Вместе с Германией и Японией она-де планировала в 30-е годы напасть на СССР (...) Наталья Нарочницкая (...) доказывала, что польские территории, которые в соответствии с тайным протоколом к пакту Молотова—Риббентропа СССР оккупировал после 17 сентября 1939 г., совсем не были польскими, так как за 20 лет до того они принадлежали Российской империи”. («Газета выбора», 27–28 июня)

- “Мнение, согласно которому «в развязывании Второй мировой войны виновата Польша (...) открыто или исподтишка иногда поддерживается в [российском] научном мире», — пишет в журнале «Огонёк» Владимир Сперанский, философ, профессор Академии народного хозяйства при правительстве

Российской Федерации. Сперанский критикует российских историков, фальсификаторов новейшей истории”. («Газета выборча», 9 авг.)

- Директор московского Центра стратегических исследований Андрей Пионтковский: “Поляки должны особо внимательно наблюдать за событиями в России (...) В российских СМИ идет пропагандистская компания против Грузии (...) Как раньше чеченец, так теперь грузин стал символом врага России (...) Россия добьется утраты суверенности Грузии. И установит полный контроль над месторождениями вокруг Каспийского моря (...) Немцы уже не верят в успех строительства газопровода по дну Балтики (...) Они с ужасом представляют себе войну в Грузии. Ведь они отдают себе отчет в том, что следующей в списке будет Украина, а потом прибалтийские страны. Тогда Польша останется единственным буфером НАТО”. («Польска», 26 июня)

- “Спустя год после войны в Южной Осетии посол Грузии в Польше Константин Кавтарадзе благодарил Леха Качинского за спасение Тбилиси от захвата Россией. И предостерег, что Москва может готовиться к повторению прошлогодней операции”. («Дзенник», 8–9 авг.)

- Проф. Ежи Помяновский: “В 1991 г. в Беловежской пуще, на встрече с участием президентов Ельцина, Кравчука и Шушкевича, было достигнуто соглашение не только о ликвидации СССР. Был принят также принцип нерушимости границ новых государств и их сохранения в том виде, в каком они проходили между республиками СССР. Таким образом, постсоветские государства избежали судьбы Югославии (...) Прошлогодняя кровавая операция в Грузии, равно как и нынешние угрозы ее повторения, — это политика проведения новых границ (...) На смену принципу необходимой терпимости и равноправия граждан придет идея моноэтнических и моноконфессиональных государственных образований, которая в конечном итоге ведет к гражданской войне. Поэтому я боюсь за Россию. Непохоже, чтобы Россия понимала, что ссылка на этнический критерий в федерации, состоящей из многонациональных государств, ведет за собой огромную опасность распада”. («Дзенник», 7 авг.)

- “Благодаря сведениям бывших заключенных, удалось установить место следственного изолятора НКВД в Люблине. Он находился в монастыре кармелитов. Кроме того оказалось, что в Белостоке советские спецслужбы использовали подвалы бывшего особняка семьи фабрикантов Цитронов. А в Кракове коммунисты заняли после войны застенки гестапо в IV форте

крепости Краков. Всё чаще мы открываем места казни и в маленьких городах, например, недавно — в Соколове-Подлясском (...) Историкам трудно сотрудничать с российской стороной, которая категорически отказывает в доступе к своим архивам”. (Александра Пинкас, Ярослав Строжик, «Жечпосполита», 6 июля)

- “Умер Василий Павлович Аксенов, один из крупнейших современных русских писателей (...) Когда-то он вспоминал, как ждал появления в московском киоске номера краковского журнала «Пшекруй» (...) В 1990 г. ему было возвращено гражданство, а также квартира в высотке сталинских времен. «Посмотри на стекло. Тут нацарапано гвоздем “это строили заключенные”, — показал он мне однажды. — Я, сын заключенных, живу в доме, построенном другими заключенными». В Польше переведена, в частности, его трилогия «Московская сага»”. (Анна Жебровская, «Газета wyborча», 7 июля)

- “В Сцентохловицах-Згоде (...) во время войны находился нацистский концлагерь Эйнтрахтхютте, филиал Аушвица, а потом в 1945 г. был создан коммунистический трудовой лагерь, филиал лагеря в Явожно (...) За два года нацисты убили тут 400 человек. Коммунистам хватило десяти месяцев, чтобы убить две тысячи (...) 17 июня 2009 г. прошло 15 лет со дня первой встречи бывших заключенных на месте лагеря (...) Они сами установили там мемориальную доску (...) В будущем году исполнится 65 лет со дня закрытия коммунистического лагеря”. («Польска», 3 июля)

- “Министр национальной обороны обратился к президенту с просьбой присвоить капитану Станиславу Соезинскому (псевдоним Варшиц), легендарному бойцу Армии Крайовой и командиру Конспиративной польской армии, звание бригадного генерала. Богуслав Якубовский, председатель общества «Ветераны левых» в Пётркове, бывший милиционер (...) направил министру Богдану Клиху резкий протест против этого (...) «Речь идет о крупнейшем бандите и преступнике, бесчинствовавшем после войны и убившем более 170 человек», — пишет он (...) Доктор Томаш Таборек из Института национальной памяти, автор книги о Варшице, обращает внимание на то, что (...) это были в основном сотрудники или осведомители госбезопасности”.

- ОБСЕ в специальной резолюции уравнила преступления нацизма и сталинизма. Авторы документа предложили объявить 23 августа Днем памяти жертв нацизма и сталинизма. В этот день в 1939 г. Молотов и Риббентроп

подписали пакт, разделивший Центральную Европу между Третьим Рейхом и СССР. Депутаты из Центральной и Восточной Европы должны быть удовлетворены. Декларация была принята подавляющим большинством голосов. Против была только Россия. («Газета выбора», 4-5 июля, «Польска», 6 июля)

- “Это первый заграничный визит Хорста Кёлера после его избрания на второй срок. Точно так же он сделал пять лет назад, когда его избрали на пост президента, — с первым визитом приехал в Польшу (...) «Мы вынуждены признать ответственность Германии за нацистские преступления; наша обязанность — приложить все усилия для объединения Европы», — сказал Кёлер”. («Газета выбора», 13 июля)

- “Власти Ясла хотят спилить и сжечь 67 летний дуб только потому, что он был посажен в честь Адольфа Гитлера во время II Мировой войны (...) «Может быть, мы устроим из него большой костер», — строит планы бургомистр Ясла Мария Куровская”. («Дзенник», 20-21 июня)

- “Памятник установлен в 1928 году. На нем написаны несколько десятков фамилий жителей немецкой тогда Лонки-Прудницкой, погибших на фронтах I Мировой войны. Есть дата — 1914 г. — и надпись по-немецки: «Нашим мужественным героям» (...) Куски разбитого после войны памятника нашла местная общественная деятельница Ирена Мадера (...) Городская управа Прудника, города, в чьем административном подчинении находится Лонка-Прудницкая, приняла решение восстановить памятник за свой счет. Это обошлось в 20 тыс. злотых (...) В мае в Лонку приехали гости из Германии, возложили к памятнику цветы и зажгли свечи (...) Полиция уже допросила бургомистра”. (Иоанна Пшон, «Газета выбора», 3 июля)

- “В Польше ежегодно эксгумируют от 5 до 6 тыс. немецких солдат (...) Останки обычно хоронят на немецких участках польских кладбищ”. («Жечпосполита», 22 июня)

- “11 июля 1943 г. в церквях и часовнях 167 населенных пунктов Волыни были уничтожены тысячи молящихся поляков. Вчера в Польше началось первое всепольское поминовение «кровавого воскресенья» (...) Выражение «волынская резня» означает операции украинских националистов (УПА и ОУН(б)), направленные против польского населения на Волыни. Жертвами преступлений были также, хоть и в меньшей степени, другие народности, населявшие Волынь: русские, евреи, армяне, чехи, а также сами украинцы из смешанных

семей (...) На Волыни было убито 60 тысяч поляков и несколько тысяч украинцев. В 1944 г. УПА перенесла свою деятельность на львовские земли и Подолье, которые были заселены поляками гуще, чем Волынь. Всего в ходе этнических чисток погибло около 150 тысяч поляков (...) Ростислав Крамар, украинист из Варшавского университета (...) считает, что нужно быть очень осторожными и не будить демонов прошлого (...) И добавляет, что достаточно присмотреться к геополитическому раскладу, чтобы понять, кому выгодно снова поссорить Польшу и Украину. Если бы это произошло, мы все бы проиграли". («Польска», 11-12 июля)

- “В Станиславе, который в 1962 г. был переименован в Ивано-Франковск, открыли изысканный ресторан «Старый Станислав» с огромной польской надписью «Stanisław zaprasza» [«Станислав приглашает»], с польским орлом у входа и гербом Потоцких, основателей города”. («Политика», 8 авг.)

- “Граждане Украины, проживающие не далее 30 км от границы, могут въезжать в Польшу без визы, на основании специальных разрешений. Поляки, как и другие граждане ЕС, могут ездить на Украину без виз”. («Жечпосполита», 23 июля)

- “1 июня в Воле-Угрусской, расположенной во Влодавском повете Люблинского воеводства, прошел симпозиум, посвященный введению в польских средних школах преподавания украинского языка как иностранного. Предлагается также преподавать в школах на Украине польский язык и создать специальный польско-украинский фонд для осуществления этих проектов”. («Пшеглэнд православный», июль)

- “МИД протестует против высказывания главы Службы безопасности Украины, который сравнил польскую довоенную полицию с НКВД и гестапо (...) 28 июня во Львове, на церемонии открытия музея тоталитаризма в здании, где когда-то располагалась сначала польская, а затем советская тюрьма, Валентин Наливайченко сказал: «На украинской земле власти сменялись одна за другой и имели общую цель: уничтожить всё украинское. Неважно, кто отправлял в тюрьму на улице Лонцкого — польская полиция, немецкое гестапо или советское НКВД» (...) «Поляки не должны обижаться. Делить оккупантов на лучших и худших невозможно, а довоенные львовские тюрьмы не были для украинцев курортом. Напомню, что поляки причинили украинцам много зла. Достаточно вспомнить хотя бы лагерь в Березе-Картузской», — говорит Степан Хмара, известный советский диссидент, родом из Львова”. («Жечпосполита», 4-5 июля)

• “В четверг утром умерла от рака украинка Светлана Яковлева. У ее постели дежурила польская супружеская пара, которая усыновит четверых ее детей (...) Светлана приехала из Сум в 1995 г., когда текстильная фабрика, на которой она работала, начала платить зарплату нитками (...) Заработала, уехала обратно. Так она возвращалась несколько раз. Два года назад срок действия ее паспорта истек, она исчезла из всех государственных баз данных как Польша, так и Украины. Четверым ее детям грозил украинский интернат (...) В мае президент Лех Качинский предоставил ей и ее детям польское гражданство (...) Пока Катажина и Петр Лоренц стали для детей приемными родителями (...) Процесс усыновления может продлиться еще несколько месяцев (...) Панихида (...) пройдет в православной часовне (...) Тело будет погребено в местности, откуда происходит семья Лоренцев. Такое решение принято ради детей”. («Газета wyborcza», 10 июля)

• “Белорусы, украинцы, русские, сербы и черногорцы, граждане Молдавии, Турции, Ирана и Вьетнама стали вчера поляками. Мазовецкий воевода вручил им свидетельства о предоставлении гражданства. Самому старшему из этих людей 68 лет, самому младшему — 4. Они уже много лет живут и работают в Польше. В этом году у нас 103 новых гражданина, в прошлом было 87. В 2007 г. было вручено 186 свидетельств о предоставлении гражданства”. («Жечпосполита», 24 июня)

• “За ближайшие 20 лет число поляков старше 60 лет вырастет на 70%. Это означает, что те, кто работает, должны будут содержать вдвое больше пенсионеров. Польскую пенсионную систему ждет крах. Выходом было бы поощрение молодых иммигрантов с Украины и из Белоруссии селиться на территории Польши (...) Но Польша не старается этого делать. Иммигранты предпочитают Чехию и даже Венгрию (...) Причина такой ситуации — отсутствие иммиграционной политики и предпочтение, отдаваемое сезонным иммигрантам (...) Ежегодно Польша выдает более 25 тыс. разрешений на работу, и именно столько иммигрантов пребывает у нас легально, но это количество составляет лишь 0,2% всего населения страны (...) В Чехии этот показатель достигает 5,5%, в Венгрии — 2%, а во Франции и Германии — до 10%. Положение не спасает даже то, что в Польше работает около 200 тыс. нелегальных иммигрантов». (Дорота Ковальская, Иоанна Цвек, «Польша», 23 июня)

• “В сельскую школу в Эмолинеке, в 40 км от Варшавы, помимо 97 польских детей, ходят 42 чеченца из лагеря беженцев в Смошеве (...) Чеченцы живут, как в гетто. Говорят только на

своим языке, не выполняют программы обучения, у них нет учебников. Но несмотря на это каждый из них перешел в следующий класс. «Это не образование, а фикция, — говорит одна учительница. — Как я могу учить ребенка, который меня не понимает и которого не понимаю я? Учить таких детей, не прошедших языковой подготовки, в обычных школах — это абсурд, за который платят налогоплательщики» (...) Во всей Польше в 70 школах учатся 800 детей из Чечни». («Польска», 24 июня)

- “Евгений Новожилов, российский журналист, писавший о нарушениях прав человека в Чечне, вот уже полтора года не может добиться получения статуса беженца (...) Тот, кто ожидает решения о предоставлении политического убежища, получает 750 злотых в месяц. «Этого едва хватает на то, чтобы снять комнату, на крайне скудное питание и самые необходимые гигиенические средства, — говорит Новожилов. — Спустя несколько месяцев у меня начались серьезные проблемы со здоровьем. За полгода в Польше я похудел на 9 кг. После российской психушки, где я пробыл 7,5 месяцев, я потерял 4 кг», — признаётся он (...) Польские власти не интересуют судьба политического беженца. «Боюсь, что в августе меня депортируют в Россию, где меня ждет многолетнее заключение», — подытоживает Новожилов”. (Бартломей Курась, «Газета wyborcza», 1 июля)

- “Варшавяне и столичные госучреждения пришли на помощь 47 китайцам, которые без воды, еды и денег сидят перед посольством КНР. Дипломаты отказываются помочь обманутым строительным рабочим, которым не на что вернуться домой (...) «Обычные люди дают китайцам сумки с продовольствием и водой», — рассказывает полицейский, который там дежурит. Полицейские машины привезли из ратуши подаренную чиновниками воду в бутылках. Городские власти поставили переносные туалеты. Китайцев никто не гонит от посольства, потому что власти пришли к выводу, что газон с палатками — это территория Варшавы, граничащая с территорией Китая”. («Газета wyborcza», 18-19 июля)

- “Протестующие удивлены доброжелательности, которую проявляют по отношению к ним жители Варшавы. «В Китае люди помогают своим близким, чужим — редко», — говорят они”. («Газета wyborcza», 25-26 июля)

- “За три дня варшавяне нарисовали огромное граффити — так они высказались в поддержку идеи назвать перекресток двух варшавских транспортных артерий площадью Свободного Тибета (...) Они нарисовали лицо Далай-ламы, большую

надпись «площадь Свободного Тибета», имитирующую табличку с названием улицы, мандалы, цветы лотоса и сотни надписей «Свободный Тибет». 29 июля Далай-лама получит почетное гражданство Варшавы». («Польша», 20 июля)

- “Далай-лама XIV стал почетным гражданином Варшавы (...) Варшава — второй после Вроцлава город, который присвоил Далай-ламе свое гражданство. На торжественном вручении присутствовали, в частности, Лех Валенса и Тадеуш Мазовецкий”. («Дзенник», 30 июля)

- “Районный суд в Эльблонге приговорил вчера болельщика варшавской «Легии» к шести месяцам лишения свободы за избиение чернокожего врача. Кроме того, 25 летний Мариуш С. из Варшавы должен заплатить жертве 15 тыс. злотых компенсации (...) Известный в Эльблонге врач был избит 30 апреля 2008 года”. («Газета wyborcza», 17 июня)

- “Ректоры 22 столичных вузов призывают принять меры по обеспечению безопасности чернокожих студентов (...) Впервые на эту проблему обратило внимание руководство Collegium Civitas. В этом вузе учатся около 80 граждан африканских государств. В марте один из них подвергся на улице жестокому нападению”. («Газета wyborcza», 2 июля)

- “По подсчетам фонда «Иная Африка», в Польше живет около 5 тыс. африканцев. Большинство (2–3 тысячи) — в Варшаве”. («Газета wyborcza», 2 июля)

- “В ходе своего визита в Варшаву министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд поблагодарил поляков за то, что во время Катастрофы они заботились о его матери (...) «Ее жизнь спасли те, кто рисковал своей жизнью, пряча ее от нацистов» (...) Милибэнд посетил семейный склеп на варшавском еврейском кладбище, в котором похоронены его предки”. («Жечпосполита», 25 июня)

- “68 лет назад евреи из Едвабне были убиты своими польскими соседями. Вчера у их памятника был прочитан кадиш — молитва за умерших. «Всё, что можно сделать, — это помнить и молиться», — сказал главный раввин Польши Михаэль Шудрих. На месте погрома совместно молились представители Общественно-культурного еврейского товарищества и Польского совета христиан и иудеев. Присутствовали также представители Института национальной памяти”. («Газета wyborcza», 11–12 июля)

- Михал Билевич, психолог, координатор Центра изучения предрассудков (Варшавский университет): “В начале 2009 г. ЦИОМ совместно с психологами и социологами Ягеллонского и Варшавского университетов провели всепольский опрос о предрассудках по отношению к этническим группам, проживающим в Польше (...) Более 65% поляков не проголосовали бы на выборах в Европарламент за прекрасного кандидата, если бы знали, что он еврейского происхождения. Более 70% не согласились бы вернуть евреям недвижимость, оставшуюся на территории Польши (...) 69% не разрешили бы евреям купить в Польше землю. Около половины поляков запретили бы евреям приобретать в Польше предприятия”. («Тыгодник повшехны», 26 июля)

- “В Торуню, под боком у о. Рыдзыка, открывается школа иврита. Библейский, раввинистический и современный иврит, а кроме того идиш и библейская археология — всему этому будет обучать основанная орденом францисканцев Высшая школа еврейской филологии (...) Она станет вторым (после Высшей школы общественной и медийной культуры о. Тадеуша Рыдзыка) вузом, основанным монахами. «Мы не ставили перед собой цель быть противовесом школе о. Рыдзыка (...), — говорит пресс-секретарь францисканцев о. Леонард Белецкий (...) — Знание иврита может очень пригодиться в карьере, не только в бизнесе, но и в области культуры», — убеждает он”. («Дзенник», 20 июля)

- “Польское общество «Never again» и немецкая организация «Opfer Perspektive» подготовили отчет «Мониторинг преступлений на почве ненависти, а также помощи их жертвам в Польше и Германии» (...) Авторы отчета укоряют, в частности, польские власти (в т.ч. полицию и государственные учреждения) в том, что они оставляют без внимания преступления на расовой почве. Правительство обвиняется в том, что не предоставляет постоянной финансовой помощи организациям, помогающим жертвам расовой ненависти (...) Согласно отчету, соответствующее законодательство в Польше есть. Но есть и проблема с его применением. Например, в 2006 г. за насилие на расовой почве в Польше было вынесено 35 приговоров. А в Германии, по последним доступным данным, в 2003 г. за преступления на почве расовой ненависти и ксенофобии были осуждены 2334 человека. Авторы отчета обращают внимание, что в Польше такие дела часто квалифицируются как «хулиганство», что затушевывает истинные мотивы преступлений”. (Катажина Висневская, «Газета wyborcza», 16 июня)

• “Салон массажа ищет тайландок, а африканский ресторан — негритянок. Есть еще вегетарианское издательство, которое редакторскую работу доверит только вегетарианцу (...) Один из сетевых магазинов одежды примет на работу исключительно свидетелей Иеговы, потому что они... считаются честными. (...) К уже принятым работникам и к кандидатам на должность следует относиться одинаково. Нельзя дискриминировать их, в особенности по возрастному, половому, расовому, религиозному и национальному признаку, по инвалидности, политическим убеждениям, членству в профсоюзах, этническому происхождению, вероисповеданию, сексуальной ориентации (...) Будет ли поиск чернокожих для работы в ресторане дискриминацией? Тут эксперты колеблются: всё зависит от причины введения такого критерия”. (Марта Гадовская, «Жечпосполита», 4-5 июля)

НЕОТВРАТИМОСТЬ

Берлин, 15 сентября 1939, 20 ч. 20 мин.

«Мы будем благодарны, если советское правительство назначит день и час, в который его войска начнут наступление, чтобы мы, со своей стороны, могли действовать соответствующе. С целью необходимой координации военных операций обеих сторон нужно также, чтобы представители обоих правительств, а равно германские и русские офицеры в зонах операций, провели встречу для принятия необходимых мер, для чего мы предлагаем собрать совещание в Белостоке...»

Москва, 17 сентября

«Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи и заявил, что Красная Армия пересечет границу в 6 часов утра на всем ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска... Советская комиссия прибудет в Белосток завтра. В будущем все военные вопросы должны выясняться напрямую с Ворошиловым генерал-лейтенантом Кёстрингом... Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже этой ночью польскому послу. Зачитанный мне проект содержал три пункта для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет...»

Именно так, по предварительному сговору и при полной координации действий с Берлином, 17 сентября 1939 г. Советский Союз вступил во Вторую Мировую войну. Беззаконным образом разорвав Договор о ненападении, заключенный 25 июля 1932 г. между СССР и Польшей, советское (сталинское) правительство нанесло удар в спину польской армии, боеспособные отряды которой в тот момент еще сражались против германского Вермахта. Огромная моторизованная армада (21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых бригад, всего 618 тыс. человек и 4733 танка) двинулась к берегам Немана, Вислы и Сана.

«Красная Армия идет, сотрясая землю грохотом танковых колонн, закрывая небо крыльями своих самолетов», — в восторге упоенья кричал со страниц газеты «Правда» пролетарский писатель граф А.Толстой. 20 сентября «Правда» подарила читателям совершенно идиллическую картинку братства по оружию:

«Берлин в эти дни принял особенно оживленный вид. На улицах около витрин и специальных щитов, где вывешены карты Польши, весь день толпятся люди. Они оживленно обсуждают успешные операции Красной Армии. Продвижение частей Красной Армии обозначается на карте красными советскими флажками».

23 сентября огромная, на всю газетную полосу, карта (правда, без флажков) была предъявлена и читателям «Правды». На карте была обозначена «демаркационная линия между германской и советской армиями». И для полной ясности, для самых «близоруких антифашистов» (формулировка товарища Молотова), которые еще пытались уговорить себя, что Красная Армия идет на запад для того, чтобы остановить продвижение Гитлера на восток, — текст совместного германо-советского коммюнике: *«Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза...»*

28 сентября 1939 г. в Москве был подписан «Договор о дружбе и границе». Он начинался следующими словами: *«Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории...»* 31 октября 1939 г., выступая с трибуны Верховного Совета, глава правительства СССР В.М.Молотов заявил: *«Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора».*

Не мог скрыть своего торжества и нарком Ворошилов. В праздничном приказе от 7 ноября 1939 г. было сказано: *«Польское государство при первом же серьезном военном столкновении разлетелось, как старая и сгнившая телега. За какие-нибудь 15 дней войны с Германией панская Польша как государство перестала существовать...»* После таких ярких выступлений военно-политического руководства страны даже в совершенно секретных, для публики отнюдь не предназначенных, документах высшего командования Красной Армии Польша называлась исключительно и только «бывшей Польшей» или (совсем уже на гитлеровский манер) «генерал-губернаторством».

Как и следовало ожидать, «дружба» оказалась непрочной и недолгой. 22 июня 1941 г. между вчерашними союзниками началась война. При первом же военном столкновении с серьезным противником огромная армия, выпестованная

маршалом Ворошиловым, стала разваливаться, «как старая и сгнившая телега». За 5–10 дней Вермахт занял польскую территорию, оккупированную в сентябре 1939 г. Красной Армией. С головокружительной быстротой Сталин выучил новые слова — ему пришлось назвать своих подданных «братьями и сестрами» и обратиться за помощью к «подлым поджигателям войны, англо-американским империалистам».

Да, Черчилль и Рузвельт были обречены поддержать Сталина, но летом 41-го они еще могли обуславливать свою поддержку некоторыми условиями. Одним из таких условий была Польша. Польские летчики защищали небо Лондона (четвертой по результативности эскадрильей Истребительного командования Королевских ВВС стала польская 303-я), польские моряки вместе с англичанами вели транспортные караваны по смертельно-опасным водам Атлантики, польские солдаты сражались вместе с англичанами в Северной Африке. В этой ситуации Черчилль не мог игнорировать мысли и чувства своих сограждан до такой степени, чтобы открыто помогать государству (СССР), лидеры которого объявили страну с тысячелетней историей «уродливым детищем Версальского договора».

Под давлением союзников Сталин вынужден был признать «бывшую Польшу» вновь существующей и вступить в переговоры с законным польским правительством Сикорского.

30 июля 1941 г. было подписано советско-польское межправительственное Соглашение. Первый его пункт гласил: *«Правительство СССР признаёт советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»*. Строго говоря, именно этим и завершился «освободительный поход» 39-го года. Послевоенная граница между СССР и ПНР была установлена по решениям Ялтинской и Потсдамской конференций и формально-юридически ничего общего с советско-германской «линией разграничения государственных интересов» образца сентября 1939 г. не имела. Отличалась она и практически — печально памятный по трагическим событиям июня 41-го «белостокский выступ» был возвращен Польше.

А потом все это приказали забыть. Вычеркнуть из всех учебников и книг. Или, по крайней мере, радикально перевернуть. Задача была выполнена «на пять с плюсом». Даже выпускники исторических факультетов советских университетов (не говоря уже о «простых людях») несказанно удивляются при любом упоминании о, например, Соглашении от 30 июля 1941 г., да и опубликованный во всех центральных газетах

многомиллионными тиражами «Договор о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. всё еще остается для многих ошеломляющей новостью. И никакого вторжения в Польшу не было. Был «освободительный поход». Протягивание руки братской помощи «единокровным братьям белорусам и украинцам» (для страны, государственным гимном которой был «Интернационал», поляки, видимо, были не столь «кровными» — не говоря уже о том, что в немецкой зоне оккупации осталось порядка миллиона этнических украинцев).

Впрочем, сегодня, в новой России, подобные выражения из моды вышли. Железная леди российских «историков-патриотов» г-жа Нарочницкая предпочитает называть события сентября 1939 г. «восстановлением исторических границ Российской Империи». Такая формулировка примечательна даже не своим дремучим историческим невежеством (оккупированная в сентябре 1939 г. Галичина ни одного дня не входила в состав Российской империи), а прямым копированием аргументов гитлеровской пропаганды, которая тоже пыталась представить территориальные захваты 1938-1939 гг. как «восстановление Германского Рейха в его естественных границах».

Найден ныне и чуть более изящный способ правки истории. Польша, оказывается, сама, своей неуступчивостью и упрямством, спровоцировала трагические события 1939 года. Тут, конечно, нельзя не вспомнить громкий скандал, который разгорелся после того, как на официальном сайте министерства обороны РФ была размещена статья полковника С.Ковалева, начальника одного из отделов вполне государственного Института военной истории, в каковой статье было сказано: *«Все, кто непредвзято изучал историю Второй Мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии... Между тем требования Германии были весьма умеренными... Трудно назвать эти требования необоснованными...»*

Подпрыгнул ли Геббельс в гробу от радости, прознав про такое «непредвзятое» толкование истории, — это для нас навсегда останется загадкой. Серьезного же обсуждения заслуживает другой сюжет, связанный с историей провала тройственных (Англия, Франция, СССР) переговоров лета 39-го года.

Как известно, переговоры военных делегаций, начавшиеся в Москве 12 августа 1939 г., зашли в тупик уже на третий день, 14 августа, после того как маршал Ворошилов ошарашил своих партнеров следующим заявлением: *«Предварительным условием наших переговоров и совместного договора между тремя*

государствами является пропуск наших войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию и через румынскую территорию. Если этого не будет, если этот вопрос не получит положительного решения, то я сомневаюсь вообще в целесообразности наших переговоров».

Стенограммы переговоров были опубликованы в СССР еще в 1981 году. Это печальное, но поучительное чтение. Представители старейших демократий Европы повели себя, как наивные дети: они начали объяснять своим «партнерам», что никто и не просит от Советского Союза прямого и непосредственного участия в боевых действиях, — но Ворошилов был непоколебим. Никаких полумер! Советский Союз готов сражаться за свободу Польши всей мощью своей армии — надо только пустить эту армию на польскую территорию!

Очарованные такой решительностью, англо-французы бросились «выкручивать руки» польскому правительству, но и Варшава была непреклонна — никаких советских войск на территории Польши! «Ворошилов хочет за столом переговоров получить то, чего он не смог добиться на поле боя в 1920 г.». В бессмысленной перебранке прошла целая неделя; согласие Польши на пресловутый «пропуск войск» так и не было получено, после чего советская делегация официально заявила 21 августа о прекращении переговоров. Через два дня после этого в Москву прилетел Риббентроп, и в ночь на 24 августа был подписан Секретный протокол к Пакту о ненападении, в соответствии с которым Гитлер и Сталин поделили Польшу по линии рек Нарев—Висла—Сан.

И хотя двойная игра советского правительства видна, что называется, «невооруженным глазом» — трудно поверить в то, что Ворошилов искренне рвался спасти от гитлеровской агрессии ту самую Польшу, которую в Москве через несколько дней цинично поделили с Гитлером на двоих, — абстрактно рассуждая, вопрос остается открытым: а что было бы, если бы польское руководство в августе 39-го согласилось на пропуск советских войск?

Ответить на этот вопрос несложно — надо лишь ввести события августа 39-го в общий контекст сталинской политики, но прежде всего хотелось бы предельно четко определиться с одним принципиальным моментом.

Польша 30-х годов (Вторая Речь Посполитая) пала жертвой двух тоталитарных диктатур. Это есть факт, но этот факт сам по себе еще не является основанием для утверждения, что сама жертва

была невинной и непорочной. Переходя от абстрактной логики к конкретной политической истории, мы вынуждены констатировать, что Вторая Речь Посполитая не стала образцом демократии. «На совести усталой много зла» — вот слова, которые вслед за пушкинским Дон Гуаном мог бы повторить любой из руководителей Польши 30-х годов. Историкам Польши есть что вспомнить: насильственную полонизацию западных областей Украины, воинствующий антисемитизм, заигрывания с гитлеровской Германией, преступное соучастие в разделе территории Чехословакии, Березу-Картузскую^[1]...

Но вины в развязывании Второй Мировой войны в этом перечне нет. И даже ошибки в выборе тактики действий роковым летом 1939 года — нет. После того, как к власти в Германии пришел Гитлер, а товарищ Сталин оценил все открывающиеся при этом возможности, судьба Польши, гибель Польши была предрешена. Никакие дипломатические маневры, никакое согласие «на пропуск войск» не могли ни изменить, ни отсрочить этот приговор.

Стратегический план Сталина был предельно прост и логичен. Известные ныне тексты, в частности опубликованный французским агентством «Гавас» 28 ноября 1939 г. так называемый «доклад Сталина от 19 августа 1939 г.»; опубликованная Т.Бушуевой запись этого «доклада», захваченного немцами в 1940 г. в поверженном Париже и сохраненного до наших дней в Москве в хранилище трофейных документов; хранящийся в архиве Госдепа США и опубликованный в 2007 г. израильским историком М.Шаули отчет группы чехословацких антифашистов о разъяснениях, полученных ими в октябре 1939 г. от руководства наркомата иностранных дел СССР, — все эти документы вполне адекватно отражают истинные намерения Сталина (хотя проблема подлинности самих текстов еще требует своего разрешения).

Наиболее достоверным представляется мне «чешский документ» (аргументация в пользу такого вывода выходит далеко за рамки данной статьи; интересующихся могу адресовать к статье М.Шаули^[2]). Документ составлен довольно сумбурно (что, к слову говоря, составляет один из аргументов в пользу его подлинности — фальшивки обычно написаны очень «гладким языком»), поэтому придется привести довольно пространные цитаты:

«...В ответ на возмущение, выраженное нами против Советско-Германского договора, нам было сказано, что это должно было произойти, т.к. если бы СССР заключил договор с Западными

Державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьётся мировая революция, к которой мы долго готовились...

...Получив базы на Балтике, мы смогли получить там экономический и военный контроль. В результате своего скудоумия Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя... С точки зрения экономики, он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции...

...Война Гитлера обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны. Мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла, т.к. если Германия попадет под контроль Запада, а Польша будет восстановлена, мы окажемся отрезаны от остальной Европы. Нынешняя война должна длиться столько, сколько мы захотим. Будьте спокойны, поскольку никогда ранее обстоятельства не были более благоприятны для нас, чем сейчас...»

Если заменить ритуальное в данном контексте слово «революция» на гораздо более адекватные замыслу слова «разруха, хаос и анархия», то план Сталина становится предельно ясен: перед нами попытка реализации древнекитайской притчи про мудрую обезьяну, наблюдающую с горы за схваткой двух тигров. «Война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей».

Роль Польши в реализации такого плана — ключевая. Лучшего «детонатора» для инициирования общеевропейского «взрыва» нельзя было и придумать.

Давний исторический противник Германии, главный враг Гитлера (именно планам борьбы против него и посвящен «Майн Кампф»), наиболее мощная (как тогда казалось многим) военная сила в Западной Европе — это Франция. Франция была связана с Польшей многовековыми узами сотрудничества — политического, военного (официальное название похода Наполеона в Россию — «2-я польская война»), культурного. Эти узы еще более окрепли в начале 20-х годов, когда Франция, Англия и другие «буржуазные страны» увидели в Польше последний барьер на пути продвижения большевистской диктатуры в Европу. После прихода Гитлера к власти традиционный союз Франции и Польши неожиданно приобрел совершенно новое содержание — появилась принципиальная возможность использовать германо-польский вооруженный конфликт для разжигания большой войны между Францией и Германией.

Сложные, многолетние, многоходовые «игры» Сталина увенчались блестящим успехом.

31 марта 1939 г. Чемберлен заявил с трибуны парламента, что в случае германской агрессии против Польши *«британское правительство придет ей на помощь всеми имеющимися в его распоряжении средствами»*. 13 апреля аналогичные гарантии были даны Румынии и Греции. В те же дни об официальных гарантиях военной помощи указанным странам заявила Франция. Бескомпромиссный борец против фашистской агрессии, неизменно миролюбивый СССР деликатно отмолчался. После этого любой следующий шаг Гитлера автоматически втягивал англо-французский блок в войну. Сталину оставалось лишь проследить за тем, чтобы берлинской параноик не струсил и не побоялся ввязаться в большую европейскую войну со своим новорожденным вермахтом в 51 кадровую дивизию.

Наконец, уничтожение Польши было нужно Сталину для того, чтобы войти в непосредственное соприкосновение с границами Германии. До тех пор, пока Польша стояла (в прямом и переносном смысле этого слова) на пути Красной Армии в Европу, нанесение сокрушительного внезапного удара по германскому вермахту было невозможно в принципе. Есть все основания предполагать, что именно так видел ситуацию Сталин — и поэтому никакие уступки, никакие «жесты доброй воли» со стороны Варшавы, Парижа и Лондона не могли уже ничего изменить. Решение было принято. Сталину была нужна война.

Существует апокрифический рассказ о том, что главе советской военной делегации на тройственных переговорах, наркому обороны Ворошилову прямо в зале заседания вручили записку от Хозяина: «Клим! Кончай балаган. Коба». Записки этой никто никогда не видел (думаю, что ее и не было), но легенда вполне адекватно отражает настроения в Кремле. *«Советское правительство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажравшимися государствами, как Англия, Америка и Франция. Чемберлен — болван, а Даладье — еще больший болван»*. В таких, отнюдь не дипломатических выражениях товарищ Сталин 28 сентября 1939 г. (во время слишком теплого ужина после подписания «Договора о дружбе и границе») отозвался о своих несостоявшихся союзниках. Ну кто бы мог тогда подумать, что Сталин перечислил почти полный перечень стран будущей антигитлеровской коалиции, в каковую коалицию он и сам — вопреки всем прежним замыслам — попал по воле судьбы...

Марк Семенович Солонин, российский историк и публицист. Родился в 1958 г. в г. Куйбышев (ныне Самара), по образованию авиаинженер. Работал конструктором в закрытом ОКБ, участник демократического движения 1987–1991 г.г. Автор четырех монографий и множества статей по истории Второй Мировой войны. Книги М.Солонина изданы в ряде стран Восточной Европы; в частности на польском языке в издательстве REBIS изданы «22 июня. Анатомия катастрофы» и «23 июня: день М».

1. Береза-Картузская — поселок в 90 км от Бреста. С июня 1934 там размещался концлагерь, в который без суда, по решению полицейских властей, бросали противников режима — от коммунистов до украинских националистов. За пять лет, до конца августа 1939, через концлагерь прошло (по различным оценкам) от 3 до 8 тыс. человек.
2. М.Шаули. Война Гитлера изнурит Европу... // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М.: Яуза-Пресс, 2008

МОСКОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Это очень сложный и большой организм: десятки политических сотрудников, торгово-экономический отдел, отдел культуры и науки, консульство, администрация, местные сотрудники, гигантское здание, Польский культурный центр, консульства в Петербурге, Калининграде, Иркутске.

Я задавал политические вопросы, просматривал списки людей, приглашаемых в посольство. В этой сфере у меня, разумеется, были свои фавориты — я проверял, бывают ли они в посольстве. Меня интересовали прежде всего те, для кого Польша была Западом в смысле культуры и цивилизации. Для кого «польский октябрь» [1956-го] был необыкновенным интеллектуальным событием, а период «Солидарности» — невероятно важным жизненным и политическим опытом. Чаще всего это были люди, принадлежащие к кругам, формирующим общественное мнение: художники, актеры и режиссеры, увлеченные польским театром, польским кинематографом. Писатели, прекрасно ориентирующиеся в польской проблематике, некоторые историки, журналисты. Короче говоря, разделение было весьма простым: те, кто был — условно говоря — «за Польшу», тот был и за демократию; тут как в банке — не ошибешься. Я хотел, чтобы они приходили в посольство; но всего важнее мне было, чтобы они воспринимали меня как своего.

Это произошло только спустя два года. Мы пригласили гостей на нашу любимую подмосковную дачу (...). В один из вечеров к нам в гости приехали Витя Ерофеев, Юрий Любимов и еще несколько российских друзей. Мы сидели, болтали, ели, пили, дурачились. Тогда я услышал самый замечательный комплимент, о каком только мог мечтать. Кто-то из гостей во время этого вечера сказал: «Послушайте, вы хоть заметили, что мы находимся на даче у посла, а проводим вечер так, как это бывало среди интеллигентов в России, даже в СССР или в Польше; давно уже не случалось с нами ничего подобного...»

В тот вечер Юрий Любимов всех буквально сразил. Ему уже за восемьдесят, в принципе ему нельзя пить, его жена строго за этим следит, но ему всегда удается как-то перехватить пару рюмок где-нибудь в уголке. На сей раз он тоже немножко выпил. По характеру он двадцатилетний юноша; и тут решил

вспомнить свою первую профессию. Он же, прежде чем стать знаменитым режиссером, сам играл на сцене.

Юрий рассказал нам о своей встрече с уже постаревшим Брежневым. Когда он начал изображать Брежнева, мы буквально умирали от смеха. Я подозреваю, что, воодушевленный нашей реакцией, он сначала представил реальную ситуацию, а дальнейшее уже придумал. Но какова фантазия...

Им было очень сложно меня разгадать. Поначалу они относились ко мне как-то настороженно: в их представлении тот, кто однозначно ассоциировался с демократической оппозицией, должен был быть по определению настроен антирусски. А я был настроен антисоветски, но, конечно, не антирусски; я неплохо знал историю России, был хорошо знаком с русской литературой — одним словом, какой-то странный тип.

Вдобавок партнерша у этого типа — полька, прошедшая через Сибирь, влюбленная в русскую культуру, бегающая по концертам и музеям... Кстати, в одной только Москве почти две сотни музеев — начиная с Третьяковской галереи и заканчивая маленькими музеями, такими как квартира Святослава Рихтера. Эва ходила всюду, ежедневно ее можно было встретить — если не на концерте, то на выставке или вернисаже. Так что нас обоих сложно было заподозрить в приверженности какому-то одному направлению. Чиновники были с нами предупредительны и вежливы, но мало что понимали из происходящего.

Впрочем, я и не пытался изображать из себя этакого старину-ветерана, но вместе с тем не видел причины скрывать свое оппозиционное прошлое. Это очень помогало в контактах с настоящими российскими интеллигентами. (...)

Когда мы приехали в Москву, то поначалу дипломатический корпус, особенно дипломаты из западных стран, относились к нам, можно сказать, никак. Прежде я был знаком лишь с двумя дипломатами: послом США Александром Вершбоу, который после работы в Москве отправился работать в Сеул. Но до работы в Москве Вершбоу был послом США при штаб-квартире НАТО в Брюсселе; там я с ним и познакомился, будучи еще в ранге замминистра. Вершбоу хорошо говорил по-русски — и не только потому, что учил язык перед тем, как отправиться в Москву. Он родился в бостонской семье еврейских эмигрантов из России. Знакомство с ним было для меня первой зацепкой. Впрочем, Ал всегда был человеком очень симпатичным, всегда

относился ко мне — как в личном плане, так и официально — как к послу государства-союзника. Потом наше знакомство стало еще более дружеским; его жена Лиза опекала американских художников и артистов, которые часто появлялись в резиденции посла. Она приглашала джазменов, скульпторов, даже ювелиров; впрочем, она и сама занималась изготовлением очень красивых ювелирных безделушек. В посольстве кипела культурная жизнь, причем в самом лучшем стиле. Другое дело, что в распоряжении американцев имелось на эти цели действительно много денег.

Вторым человеком, которого я знал, был посол Германии. Замечательный, умный, прекрасно воспитанный, безупречный Эрнст Йорг фон Студниц. Я знал его еще по Бонну, как и его преемника Ганса фон Плеца, тоже аристократа; впрочем, его семья была родом из окрестностей Вроцлава. Наши контакты с Гансом были очень тесными — до такой степени, что в момент наибольшей напряженности между Россией и Польшей он устроил великолепный прием в нашу с Эвой честь, предложив мне пригласить всех моих русских друзей. Я решил отнестись к его предложению серьезно — и подумал, что приглашу в его резиденцию самые сливки московских культурных и научных кругов. Ганс на этом банкете выступил с великолепной и очень теплой речью, содержащей похвалы в адрес Польши.

Остальная часть дипломатического корпуса отнеслась к нам поначалу с некоторым недоверием: надо же, польский посол умеет правильно завязывать галстук, даже подобрать его по цвету к костюму... Они присматривались ко мне, демонстрируя недоверие и сдержанность. (...)

Я должен также сказать о третьем близком мне человеке — это посол Литвы в Москве, очень интересный человек, в прошлом из оппозиционных кругов. Римантас Сидлаускас был человеком рассудительным, энергичным и вместе с тем непреклонным. Спустя примерно год после моего прибытия в Москву он появился у меня с визитом вежливости; я не думал, что это окажется знакомый мне человек. Я помнил некоторых литовских дипломатов того периода, когда вел переговоры насчет одного договора. Но его фамилия мне ничего не говорила. Лишь когда он вошел в наше посольство, я немедленно его узнал, и мы оба рассмеялись.

За два года до этого, уже после возвращения из Парижа, я полетел в Канаду, еще в ранге замминистра, на переговоры с моим канадским коллегой. Послом в Оттаве был мой приятель, который был младше меня и с которым мы много лет тесно сотрудничали, разумеется, тоже историк, Павел

Добровольский. Павел устроил официальный ужин в мою честь. И пригласил не только канадского замминистра, но и нескольких послов, в том числе литовского. Он предупредил меня, что общаться мы будем по-английски, в том числе и с литовцем, который наверняка не захочет говорить по-польски — даже если хорошо знает наш язык.

Римантас уходил одним из последних, но я попросил его еще немного задержаться и посидеть с нами. Я отношусь с большой симпатией к литовцам; думаю, что я очень изменился под влиянием тех переговоров (...) и стал иначе воспринимать мир. И вот мы очень мило сидим, беседуем по-английски и пьем великолепный виски. (...) Павел — прекрасный знаток этого благородного напитка; неслучайно он выбрал когда-то Эдинбург, где работал генеральным консулом...

В какой-то момент я совершенно нечаянно сказал, обернувшись к нашему литовскому гостю, что-то по-польски. Тут же опомнился, начал извиняться — а он ответил мне на чистейшем польском языке! Даже не пытался делать вид, что не понимает. Я был тронут: не было тут никаких польских корней, для него наш язык был пропуском в западную культуру, так что в свое время он читал польские книги, слушал польское радио... Об этом вечере у меня сохранились очень трогательные воспоминания; кстати, закончился вечер, кажется, ранним утром.

И вот спустя много лет судьба вновь свела нас в Москве.

(...)

В первый год пребывания в Москве, то есть в 2002 г., весной, мы начали думать о каком-нибудь, пусть хотя бы кратком, отпуске. Естественно, нам и в голову не приходило отправляться куда бы то ни было вне России. В конце концов следовало воспользоваться случаем. Мы узнали об экскурсии на теплоходе-гостинице из Петербурга в Москву. Это даже совпало с нашим желанием, ибо нам хотелось увидеть Петербург. Билеты стоили по 500 долларов, то есть не так уж и дорого за шестидневное путешествие с полным рационом.

Мы начали с Петербурга. Отправились, разумеется, поездом, в спальном вагоне. Роскошь по местным условиям, но все же роскошь по-советски. То есть чисто и опрятно, в вагоне девушка в роли проводницы и официантки одновременно. Всё сразу стало ясно; на вопрос: «Девушка, а кипяток у вас есть?» — мы услышали: «Есть, но холодный». В этом вагоне всё было именно в таком духе: кипяток — но холодный. Началось с

бутербродов, даже очень вкусных и красиво приготовленных. Когда мы уже покончили с бутербродами, вернулась девушка. Эву она просто не замечала. Разговаривала только со мной — такой уж тут обычай, — обращаясь ко мне «молодой человек». Это было очень даже мило: у человека уже седая голова, а тут такой комплимент...

Оказалось, что она не только подает бутерброды и кипяток, но и может предложить спиртное. И не самогон, а самую нормальную, даже холодную водочку. Я и воспользовался (Эва к водке не прикасается), остальная часть путешествия прошла вполне сносно. Утром мы приехали в Петербург, нас встретил консул Эугениуш Мельцарек. На ночлег мы остановились в комнате для гостей в консульстве. Видно было невооруженным глазом, что консул в Петербурге сталкивается с теми же сложностями, что и мы в Москве: в комнате грязно до ужаса, мебель — времен начала ПНР, наверное ранних 50-х; протекающий и всё заливающий душ, кровати с торчащими пружинами, запущенная кухня, весь в пятнах ковер. Такой вот пээнэровский стандарт на тринадцатом году существования Третьей Речи Посполитой. С нами хлопот не было, но я представил себе реакцию людей, не имевших отношения к МИДу, которые гостят в такой вот обстановке! Надо отдать должное Эугениушу Мельцареку: за время своего пребывания в должности консула он сделал там капитальный ремонт.

Когда мы приехали в Петербург, как раз начинались белые ночи. Это невероятный город — как сон: наполовину реальный, наполовину театральная декорация. Тут кусочек Парижа, там — Лондона, Амстердама, Берлина, Рима. Всё вместе выглядит как единое целое, но видно, что строилось по четкому плану: сегодня начертан план, а завтра — возник великий город в европейском стиле, как с иголки. Мне это не очень нравится; я предпочитаю то, что уцелело от старой Москвы, ведь там видны геологические слои, археология города. Видно, как город рос, как вот тут прокладывали улицу, а там что-то разобрали, поставили новое здание. Кроме того, историк, знакомящийся с Петербургом, не может отрешиться от знания того, что город строился на очень болотистой почве, что вбивались тысячи свай, использовался рабский труд подневольных людей. Никто не сможет подсчитать, какое количество людей погибло на строительстве этого города.

Но в этом городе-макетке есть Эрмитаж, и хотя бы поэтому сюда обязательно надо приехать. Я знаю крупнейшие музеи — французские, британские, голландские, бельгийские, нью-йоркские, но ничего подобного Эрмитажу не видел. Мы бывали

тут много раз. Это такой музей, в котором я мог бы провести всю жизнь.

Ну и белые ночи. Мы с Эвой отправились на прогулку очень поздно, около одиннадцати, чтобы убедиться в том, что уже ночь. Я был невероятно взволнован, знал, что уже не засну, разве ж это ночь? Мы шли и по пути заходили в каждый бар, заказывая по рюмочке коньячку с лимоном...

(...) Спустя три дня мы сели на свой теплоход в Петербурге, немного уставшие. Каюта наша находилась над уровнем воды, так что можно было смотреть в окно. Мы проплывали через шлюзы, построенные узниками Архипелага ГУЛАГ, в чем призналась наша экскурсоводша, которую я своими вопросами буквально вынудил это сказать. Проплывали мимо Шлиссельбургской крепости. Страшное впечатление: собственно говоря, сбежать оттуда невозможно никак, и можно охранять ее только со стороны суши.

Я вспоминал не только Валериана Лукасинского, но и Людвига Варынского. Я всё не возьму в толк, как можно плести такую чушь о Варынском, как это делают наши доблестные люстраторы. Что коммуняка, что портрет его был на банкноте в сто злотых во времена ПНР... Так разве он виноват, что коммунисты присвоили себе эту прекрасную личность? Называть Варынского «коммунякой» — это вообще-то оскорблять наши собственные традиции борьбы за независимость.

Всем люстраторам я рекомендую прочесть великолепную биографию Варынского, написанную покойным профессором Анджеем Нотковским. Может быть, это отрезвит головы излишне усердных. Вообще-то им следовало бы рекомендовать прочесть тексты Пилсудского того времени, когда он был редактором «Роботника» («Рабочего»). Что еще я могу сказать? Решительно у нас слишком много фарисеев. Но это когда-нибудь пройдет, ведь у фарисеев не бывает долгой жизни. Потом приходит кто-то другой и пишет Евангелие...

Вернусь к нашему путешествию. Время от времени нам устраивали стоянку в прибрежных городах. Нечто омерзительное — типичные, не затронутые никакими переменами советские творения, с такой архитектурой, что просто выть хочется.

Но там можно обнаружить — и осмотреть с экскурсоводом — несколько жемчужин церковно-монастырской архитектуры. Разумеется, везде вам расскажут о разрушениях, причиненных

поляками в XVII веке. Одна из наших экскурсоводов, милая студентка Академии художеств, сказала, что ее фамилия — Мальчевская. Конечно, я тут же поинтересовался ее польскими корнями. Она их подтвердила, но призналась, что никогда не слышала о Яцеке Мальчевском...

В одной из церквей, которые мы осматривали, мы слушали спевку церковного хора. Нечто невероятное! Хор на высочайшем европейском уровне, восхитительное звучание. Эва была потрясена. Мы слушали завороченно, но туристы как туристы, они мешали. Смех, разговоры... В какой-то момент один монах очень вежливо попросил аудиторию вести себя потише. Подействовало минут на десять. В конце концов регент поднял руку, дал знак хору замолчать, повернулся и с гордым выражением лица, в полном убеждении, что произошло попрание закона Божьего, сказал: «Мы больше не будем петь, вы — люди невоспитанные». И хор удалился. (...)

Я думаю, что после распада Советского Союза, когда уже появилась Россия, мы, будучи в состоянии эйфории, совершили довольно много разных политических и психологических ошибок. Я не знаю, можно ли было их избежать. Движение «Солидарности» сопровождалось, мягко говоря, неприязнью к Советскому Союзу, хотя влиявшие на формирование общественного мнения представители прежней демократической оппозиции, входившие в сменяющиеся органы власти, очень заботились о том, чтобы в СМИ появлялось как можно больше интересных материалов о России, наглядно демонстрирующих разницу между Россией и бывшим СССР. В этом благородном порыве остались незамеченными две основные вещи. Во-первых, что мы по-прежнему имеем дело с гигантом, который в ускоренном режиме приватизирует страну таким образом, чтобы те, кто теперь находится у власти, чувствовали себя хорошо и комфортабельно. Эта приватизация охватила не только ретивых деятелей из прежнего комсомола, таких как, например, Михаил Ходорковский; ею воспользовалась также, грубо говоря, часть прежних демократических кругов, которая присоединилась к власти. Деньги вызвали в России чудовищные вихреобразные движения, в чем мы, как правило, не отдаем себе отчета. Это неожиданно заставило всех понять, что Польша не в состоянии им ни в чем помочь, ибо она бедна и слаба. Они располагали такими деньгами, что могли просто-напросто сесть в самолет и полететь в Париж, Нью-Йорк или Рим, уже без всякого польского посредничества. Российская верхушка начинала верить, что может весь мир перетянуть к

себе; но, разумеется, не пренебрегала и случаем бывать на лучших курортах Европы, Азии и Америки.

Был лишь один вопрос, который предстояло решить: кто станет мостом, связующим с миром, — Западная Европа или Америка? В связи с этим появился неизвестный прежде феномен. Внимание привлекало уже не традиционное деление на славянофилов и западников, но разделение западников на два лагеря: проевропейский и проамериканский.

Наша, поляков, ошибка заключалась в том, что мы упорно придерживались убеждения, будто охлаждение в отношениях с Польшей является следствием имперской политики Кремля. Разумеется, этим фактором пренебрегать нельзя, но нельзя и не видеть простую истину: Польша перестала быть интересной тем, кто в России формирует общественное мнение. А мы упрямо не желали этого замечать. Россия же находилась в поиске новых концепций внешней политики, где Центральная Европа и Евросоюз оказались едва ли не на последнем месте в иерархии ценностей. По-настоящему важными были НАТО и отношения с американцами, китайцами...

Конечно, Польша по-прежнему существовала в подсознании кремлевских стратегов: исторически мы были той единственной страной, которая в прошлом создавала России настоящие трудности. Проблему во внешней политике России представляет собой, естественно, Германия — но это геополитическая дилемма, глобальная, а не трудности с соседом. Эти были те истины, которые я открыл для себя сразу по приезду в Москву и которые стали для меня немалым сюрпризом. Я мог лишь констатировать нарастающее в России равнодушие к нашей стране.

Более того, Россия возрождала свое национальное самосознание, в частности путем поиска точек опоры в религии, в православии. Это в свою очередь создавало особое сплетение противоположностей: оставаясь в рамках христианского мира в широком понимании, Россия одновременно оказывалась далеко за его рамками, когда брала роль мирового лидера православия. Это очевидным образом было связано с наиболее практическими вопросами, политическими. Достаточно посмотреть, с кем Россия торговала оружием во время балканского конфликта. Это, разумеется, не способствовало улучшению наших контактов.
(...)

Россия обязана быть вождем славянства, и места для сильной Польши тут не остается. Следует также вспомнить, что

происходило в далеком прошлом: мы предъявляем свои обоснованные обиды, а они считают, что поляки множество раз, во всяком случае в XIX веке, оказывались нелояльными к российским императорам, бывшим одновременно польскими королями.

Таким образом, в сфере пропаганды из нас легко было создать образ врага: католика, предателя, который не только сам вступает в НАТО, но и своих соседей уговаривает. Не надо забывать, что в советское время среднестатистический гражданин СССР был убежден, что его нищета — прямое следствие содержания дармоедов, то есть стран тогдашнего соцлагеря. А теперь эти поляки, которых на протяжении многих лет Советский Союз содержал, вместо благодарности отвечают предательством.

Парадокс, но значительно лучше, чем в Москве, можно даже сказать с восхищением, относятся к нам в Сибири. Там по-прежнему жива память о ссыльных поляках. Живы воспоминания о великих, прекрасных людях, прежде всего дворянах, которые умели бунтовать и были готовы за свои убеждения идти в рудники, но и основывали, как, например, Козелл-Поклевские, великие экономические династии: строили железные дороги, создавали банки.

Надо помнить, что Россия по-прежнему страна шизофреническая: с одной стороны, она восторгается западными шмотками, автомобилями, жратвой, музыкой и фильмами, а с другой — традиционно и неизменно остается антизападной. Это поистине гремучая смесь. В политике Кремля поэтому заметны были тенденции к тому, чтобы сохранялись добрые отношения с Америкой, нормальные — с Евросоюзом, однако с разделением стран на лучшие и худшие. Польша же определенно годилась на роль европейского *enfant terrible*, которым можно пугать простых людей.

Часть демократических кругов не купилась на подобный фокус. Они традиционно были нам верны и прекрасно понимали, в чем заключается этот пропагандистский фокус с Польшей в качестве объекта неприязни или даже ненависти. Такие люди были для меня особенно важны; если нельзя улучшить политические отношения, то наверняка следует сформировать некий круг наших единомышленников, способных влиять на формирование общественного мнения. Одним словом — инвестировать не в чиновников, а в людей творческих, в интеллигенцию. Это представлялось тем более важным, что уже стало видно невооруженным глазом, как происходит устранение из газет и с телевидения людей с определенно

демократическими взглядами, как закрываются радиостанции. В течение последнего года моего пребывания в Москве дело дошло до того, что когда я звонил главному редактору какой-нибудь газеты, то вовсе не был уверен, что услышу в трубке знакомый голос. (...)

Правители России всегда превосходно владели такими приемами социотехники. Если надо было призвать кого бы то ни было к порядку, обычно возникал вопрос кошелька. Если, скажем, кто-то, пусть и в меру независимый, входил в какую-то, пусть и в меру свободную, систему взаимосвязей с властью, то его материальный статус немедленно повышался.

Эти люди часто оказывались в драматической ситуации. Было заметно, как они пытаются сохранить относительную независимость, даже иногда о чем-то громко заявить, — но на второй чаше этих весов находилось только что полученное, зачастую довольно значительное состояние. Причем, как это у них всегда бывало, всё висело обычно на волоске. Вроде бы имели доступ к разным земным благам, надкусывали колбасу, что была нанизана на шампур, да только шампур этот был в руках у кого-то другого. Это был превосходный способ изжить демократические настроения. Надо было наблюдать это вблизи: как люди борются с собой и как они сдаются, а иногда и не сдаются.

В самом начале приходило довольно много гостей. Однако постепенно начала проявляться напряженность. Это был 2005 год, когда власти решили торжественно отметить годовщину окончания II Мировой войны, но прежде, еще зимой, — годовщину Ялты. Было принято решение о создании большого памятника в честь той конференции, для нас остающейся символом поражения, предательства Запада, которое обрекло нас на советское господство. В воздухе нарастало ощущение конфликта. Вдруг вокруг меня сделалось как-то пустовато. Вначале я искал причины в себе самом, в это время со мной случилась неприятность: я попал в больницу, — тогда я предположил, что люди не звонят, так как не хотят нарушать мой покой. Проще говоря, селекция оказалась очевидной: звонили те, кто был закален в борьбе на протяжении десятилетий, кто уже не раз сумел высказать то, что думает; а вот те, кто связался с госучреждениями, даже имея прекрасную биографию, замолчали. (...)

Это был ужасный оппортунизм нового рода. К тем, кто отказался от контактов с нами, всё же следует быть справедливым: тут уже речь шла даже не о том, что власти не слишком доброжелательно смотрели на контакты с

несколькими неподходящими посольствами. Дело обстояло хуже: несколько раз до меня доходили слухи о людях, которых — после того, как они побывали в нашем посольстве или у меня лично — вызывали на предупредительные беседы.

Перед Рождеством со мной приключился весьма поучительный случай. Один из телеканалов подготовил цикл интервью с представителями дипломатического корпуса. Нам предстояло рассказать о праздничных обычаях в своих странах.

Рассказывая о наших традициях, я не мог не коснуться вопросов религии, Церкви. У нас так уж выходит, что, даже рассказывая об обычаях на наших застольях, мы по существу говорим о Речи Посполитой. В свою очередь Эва рассказала о праздниках в Сибири.

Интервью с нами вела особа, репутация которой по всеобщему мнению была приличной. Когда я увидел по телевидению, что осталось от наших текстов, я был просто возмущен. Вырезано было всё, кроме кулинарии. Не осталось никаких следов польского духа, ни слова о традициях.

Можно было заметить и невооруженным глазом, в какую сторону всё катится. Готовились майские торжества. О моих мрачных прогнозах на ближайшие месяцы я докладывал в одном из отчетов. Действительность оказалась еще хуже. Никто не мог предвидеть, что в своей речи президент Путин пожелает поздравить итальянских и немецких антифашистов, но не вспомнит о поляках. (...)

Мало кто в Польше отдаёт себе отчет в том, какой силой убеждения обладает команда Путина. В определенном смысле легче, когда ситуация черно-белая; тогда ясно: по одну сторону злейший враг, по другую — мы. Формирующаяся новая Россия предлагает совершенно иной выбор. Неудивительно, что люди ломаются. Я всегда считал, что надо быть благодарным всем тем — а их на самом деле было немало, — кто бывал у нас, проявлял свою верность. Но имею ли я право осуждать тех, кто был менее стоек к стрессу и давлению? Я мог лишь тихо им сочувствовать. А на полях замечу: ни один посол не должен создавать своим гостям и собеседникам ситуацию такого выбора. Не говоря уже о нравственных аспектах, это просто нерационально.

ПИСАТЕЛЬ, ВЕРНЫЙ ТРАДИЦИЯМ

Юлиан Корнхаузер (1946 г.р.) — наряду со Станиславом Баранчаком, Рышардом Криницким, Адамом Загаевским один из самых видных представителей «поколения 68?го» в польской литературе. Он дебютировал сборником стихов «Наступит праздник и для лодырей», где были ощутимы влияния как сюрреализма, так и экспрессионизма — в своем программном эссе 70-х годов он даже писал, характеризуя нововозникавшие поэтические тенденции, о «третьем экспрессионизме». Однако вскоре, как и других его ровесников, поэта стали больше интересоваться не столько чисто художественные вопросы, сколько социально-этические. В написанной вместе с Загаевским литературно-критической книге «Непредставленный мир», которая была признана одним из важнейших манифестов этого поколения, он критиковал литературу своего времени за неспособность предпринять описание и анализ действительности. С одинаковой страстью нападал он как на отдаленный от реалий окружающего мира классицизм Херберта, так и на замыкание поэзии Гроховяка в кругу стилистических поисков. Говоря о поражении лирики Ружеви́ча, он страстно подчеркивал: «Неправда, что Ружеви́ч предложил нигилизм, а его стихи внутри пусты, неправда, что он сентиментальный моралист. Его стихи не предлагают и не меняют. В его поэзии отражается банальность и плоскость нашей цивилизации».

Программа Корнхаузера и Загаевского их дебютантского периода выражается в лозунге «говорить прямо», очевидным смыслом которого было стремление преодолеть цензурные ограничения, притом не только внешние, но и в первую очередь самоцензуру. Авторы клеймили «бегство от действительности» и призывали распознавать ее реалии. Следующий сборник стихов Корнхаузера был озаглавлен уже бунтовщически: «На заводах мы притворяемся печальными революционерами». В 1972 г. поэт выпустил небольшим тиражом одну из первых в Польше самиздатских книг — сборник стихотворений «Убийство», в который вошли стихи, не пропущенные цензурой. Наконец, в сборнике «Едоки картофеля» он создавал — сохраняя ироническую дистанцию — образ человека, который настолько занят трудом

выживания в сером, гнетущем мире, что отворачивается от вопросов, выходящих за горизонт экзистенциального минимума:

Зачем разглагольствовать, расписывать,
укладывать цепочки фраз, выискивать
метафоры, подбирать слова, употреблять
изысканные обороты, когда и так
известно, что правота с любой
стороны

В поисках нового языка, способного выразить его отношение к миру, Корнхаузер обратился — и, может быть, полнее, чем другие его ровесники, — к языку «рядовых людей», чтобы обнаружить в нем смирение и апатию, ознаменовавшие их жизнь. Это наблюдение оказалось столь же верным как в 70-е годы, так и сегодня, в изменившихся историко-политических условиях, о чем свидетельствуют его последние сборники. Этот подход к жизни ошибочен, но ошибки —

Правят нами, диктуют условия,
словно они не ошибки, а
разочарованный, раздражённый
бег случайностей. (...)

На горизонте маячит
бледный огонёк, слепящий
корректора.

И всё-таки эта поэзия, что нетрудно заметить при чтении последнего сборника стихов Корнхаузера «Оригами», — это поэзия противления и стремления к познанию действительности и мудрым размышлениям о ней. Этому сопутствуют заметки Корнхаузера-критика (а автор сборника «было-и-прошло» — один из самых активных литературных критиков), видящего вокруг себя «ситуацию культурного

вакуума», возникшую после 1989 года. В недавно изданной записной книжке «Постскриптум» он предостерегает:

«Тот факт, что с таким упорством рекламируют нигилистическую и, чего уж тут скрывать, неприличную литературу, что ее совершенно бездумно (а может, наоборот, обдуманно) бросают в один мешок с продуктами субкультуры, всяческой хиви-металловой чепухой или порнухой, не обещает ничего хорошего. Благодаря молодым писателям и их ловким пиарщикам культура — при пассивном молчании других художников — постепенно становится сборищем самых разнообразных социальных болезней и извращенных идей (если некоторые щекотливые темы называть идеями)».

Корнхаузера — и поэта, и критика — тревожит демонстративный отход от традиций, от литературы и искусства, накладывающих на художника гражданские обязанности, которые ныне остаются в тени чистого развлекательства. Быть может, этот диагноз слишком суров, однако поставлен на прочном основании.

Юлиан Корнхаузер

«...НО ЕСТЬ ОЧЕВИДЦЫ»

В землянке на Джусалыйском кордоне

В землянке на Джусалыйском кордоне

польские дети бегут от пурги.

Бешеный вихорь

саваном белым бьет в глаза.

Плачет над каменным жёрновом мать,

медленно вращая дрогобычское солнце.

Жаркий огонек коптилки

освещает мятую обложку «Крестоносцев».

Сибирская ночь не дает уснуть

врагам народа.

Сибирская ночь сквозь оконце

агитирует ледяным бичом

за советскую власть.

Землянка, как затерянный мак в степи,

польский распевает запах.

Это запах не теплой муки —

осужденного на изгнание языка.

Помнишь ли, доченька, львовские крендели?

Девятилетняя Ядвиня мечется в жару,

не отвечает.

Девятилетняя Ядвиня, проработав четырнадцать часов,

видит перед собой

Мачека из Богданца — стоя у доски,
чистой как масло,
он по слогам читает польские слова: У Али кот,
а у тебя, Ядвиня,
чистый хлеб.

Еврейская песенка

Черный дым из трубы восходимый
и девчонка еврейская с дымом
мать с отцом воздымляются горько
позади уже вся вошебойка
в облаках растворятся евреи
после дождичек сверху завеет

закропит на росистых полянах
слышно гетто в ветвях тополиных

чую Мотеле в мыле упругом
кудри Рут пахнут в сеннике лугом

живы живы хоть нет их не сыщешь
ты земля ты их легкими дышишь
им забитым и голодом и газом
уцеленьем Освенцим обязан

нет евреев но есть очевидцы

бьют евреев по лбу потылице

но не больно на этот раз

ибо полнит им голову газ

и вернулись хоть вылетели из трубы

чтоб им выбили газ из той головы

Силезия

Ольха да крапива,

запах пирогов да молочая,

детство течёт, растёт смоляной шарик,

бесконечное шоссе,

мельканье велосипедов, в банках дополна

грильяжных конфет, в белых мешках мука,

куды влиз, гром тя разрази,

бабушка у печки,

вьется шарф, отлетает,

пекаревы дочки за окном,

под стрехой кровать и немецкая книжка,

шлют ответ камыши над Клодницей,

спят наряды к первому причастию,

поезд спешит, веселые птенцы,

дождливое утро бранится на чем свет стоит,

падают красные черепицы,

у изголовья тишайшие сказки-легенды,

а потом, внезапно, годы спустя,

всё — и камыш, и костры,

стебли сухой кукурузы, землянки —
прячется за разрытым двором,
откуда видны разделенные стеной
могилы родителей.

Уже ничего

Уже ничего.

Дым, две диких утки,
пепел костра.

Уже ничего.

Усыплённые водоросли,
узкая стёжка.

За водой ничего,
за насыпью
ничего.

Уже ничего,
никогда ничего,
уже никогда
ни за что
в мире
ничего.

Танго в «La Boheme»

В «Богеме» танго отряхнется
от серых сумерек и уличного гула
над потными рубашками смеются зеркала
стучат подметки волосы поют

В «Богеме» нету где покрасоваться
раз кто не с нами тот против нас
твердит в берете аккордеонист
салфетки взбунтовались улетают
а танго бьет волной забвенья
стреляют вина в погребке «ура!»
не своим голосом отвечает паркет
на глупые вопросы пришлецов
если танцуешь забываешь что танцуешь
если танцуешь ты в «Богеме»
печаль которая на дне
как неожиданное ноет

Дети

они умнее нас
они всё знают
даже ничто у них цвета каштана
они видят горы где мы их не видим
плещет море когда мы не слышим
продираются сквозь их молочные зубы
слова неизвестные никому
за грязными ногтями затаился страх
и несказанное приключение
когда они бегут
их ботинки что им велики хохочут
а волосы липнут к ветру
когда они молчат

у них в глазах такая взрослая тоска
они встают на цыпочки
чтобы потрогать то что нельзя
пробуют запасы с запретами
чтобы научиться отличать от боязни шутку
иногда они тихо лежат на полу
произносят странные заветы
тогда падает стакан со стола
отворяется окно
и по белой подстилке медленно едет мелок

В ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ ВИТКАЦИЯ

70 лет назад, 18 сентября 1939 г., в деревне Езёры на Полесье покончил с собой Станислав Игнаций Виткевич (Виткаций). Он был драматургом, прозаиком, философом, художником (можно менять порядок этикеток, в зависимости от пристрастий и взглядов на искусство). Он был свидетелем событий 1917 г. в России. Боялся революции и был революционером — во всяком случае, в теоретических текстах и драмах. Выдвинув требование «Чистой Формы» в театре, он стремился опрокинуть реалистические каноны. Был столь же современен, сколь и старомоден, ибо причину того, что человечество скатывается к тотальному «оскотиниванию», видел в угасании метафизики.

До войны к нему нередко относились снисходительно, но уже во время оккупации он приобрел много сторонников, особенно среди молодых художников и поэтов. После 1945 го Виткаций «ушел в отставку», чтобы в период «оттепели» вернуться и стать классиком. Понят ли он до конца — другой вопрос. Во всяком случае, в культуре он присутствует. Выходят очередные тома его собрания сочинений под редакцией Януша Деглера (в том числе недавно — чрезвычайно интересные письма к жене); основные произведения изданы и в переводе на русский язык^[1].

Сегодня мы вспоминаем о Виткации словами замечательного эссеиста Болеслава Мицинского, Чеслава Милоша и Константы Пузыны, критика, первого издателя собрания драм Виткевича.

П.М.

Болеслав Мицинский

Виткаций принадлежит к тем авторам, которые, даже несмотря на большую популярность при жизни, неизбежно бывают забыты и вновь открыты лишь спустя много лет, поскольку популярность Виткация была связана скорее с его житейскими чудачествами и с тем, что в его творчестве наименее ценно, — а не с подлинными достижениями в области мысли и художественного творчества.

Все его знали, но среди ближайших друзей на пальцах можно пересчитать тех, кто прочитал его последнюю философскую работу. У него был какой-то трагический дар обесценивать собственные достижения (доклад на философском съезде в Кракове). Его склонность «эпатировать» отталкивала людей серьезных и доброжелательных, возбуждая плоский интерес любопытствующих полуинтеллигентов. Понадобятся долгие годы, чтобы угасла живущая еще и поныне легенда, связанная с его образом, и только тогда можно будет познать истинную ценность его наследия.

Он не умел ладить с людьми — восстанавливал против себя даже ближайших друзей, и следует почти восхищаться терпением нескольких профессоров Варшавского университета, которые в последние годы его жизни заинтересовались его философской мыслью. Эта поддержка, кажется, пришла слишком поздно — в последние годы Виткевич, очевидно, страдал психическим расстройством. Я знал его очень близко двенадцать лет, был одним из его задушевных друзей, и с грустью должен сказать, что уже не видел перед ним новых творческих перспектив. Очевидно, самоубийство, о котором он говорил мне за несколько лет до войны, было для него единственным выходом. «Единственный выход» — именно так назывался его последний, неизданный роман — он прочел лишь нескольким людям из числа ближайших друзей. Кажется, только я и сказал ему, что роман печатать не следует. Действительно, другого выхода не было.

Виткаций родился и сформировался на скрещении двух противоположных тенденций — позитивизма и модерна. Варшавский позитивизм, привитый отцом, и модерн Кракова, где прошла его юность. Психическое раздвоение, чьей трагической жертвой он был, углублялось столкновением этих двух течений. Позитивистскую жилку он сохранил как философ — модерн сказался на его художественном творчестве.

(Из планировавшейся лекции «Станислав Игнаций Виткевич», 1941–1942)

Чеслав Милош

Станислав Игнаций Виткевич предсказывал, что «этика сожрет метафизику» и грядущее человечество станет счастливым, но не будет знать трех вещей: философии, искусства и религии, которые уже сегодня переживают период упадка. Не мое дело доискиваться, откуда у Виткевича такое убеждение, я не буду ни цитировать авторов, под чьим влиянием он мог

находиться, ни заниматься истоками общеевропейского катастрофизма. Нам должно быть достаточно того, что в Польше обнаружился человек недюжинного формата: несмотря на свои странности и художественные неудачи он стоял неизмеримо выше большинства современников. Споры и полемика в межвоенной Польше кажутся довольно мелкими, если сопоставить их с тем, что занимало Виткевича. Кроме того, атмосфера двадцатилетия гораздо лучше описана в двух его фантастических романах, нежели во многих якобы-реалистических книгах ценимых романистов.

(Из эссе «Границы искусства», 1943)

Чужих не впрок не слушай песен.

У нас Виткевич интересен.

Ум хищный. Быть тут непрочтённым

Считается почти законным.

Сто лет пройдет — никто, пожалуй,

Здесь не издаст и книжки малой

Его, покуда те, кто живы,

Окажутся недостижимы.

Каков был яд в нём, самый лучший

Спец не доищется грядущий.

Хочу с отчаянием драться,

Им переполнен был Виткаций,

Когда, часть правды видя точно,

Он в свой капкан попал досрочно

И в тот сентябрь, кручины полный,

Щепотью веронала скорбной

Смерть он признал почти молитвой

И то, что начал, кончил бритвой.

(Фрагмент «Морального трактата», 1947; перевод Игоря Калугина) [2]

Ст. Игн. Виткевич

Огонь, полынь и пыль.

Вот я и предстал пред ликом неделимого.

Огонь, полынь и дикая черешня

На плоских развалинах недолговечных государств.

Ветер в последний раз поднимает тучу,

Я громко говорю о том, что вижу в последний раз

В слепящем сиянии неделимого:

Выше неба, выше крика гусей над разливом рек

Маленький паучок лезет по бриллиантовой нити,

Под ним полынь, крапива и дикая черешня

Среди сонных полей несбывшихся государств.

Вот я и побеждён,

Гибну гибелью всех живых созданий.

И всё-таки знаю: эта судьба моя и больше ничья.

Вот я и побеждён, земля меня покидает.

Хрупкая форма памяти тает, словно воск.

Скрип всех колыбелей, песни всех матерей у изголовий
младенцев,

Вздохи любовников, чьи глаза вечно кровью налиты,

Все снега оранжевых горных рассветов

Пока ещё — во мне. Один только миг —

Прежде чем кану в чёрную бездну зенита.

Побеждает человечество, упрямое и плодовитое,

Не жажда тайны, множится и продлевает себя.

Я, вопреки его воле, пытался ко дну приникнуть,

Хотя оно право — лишь так

Можно достигнуть дна.

(Из книги «Спасение», 1945; перевод Андрея Базилевского) [3]

Константы Пузына

Есть такой рисунок Бронислава Линке: хмурый, пустой пейзаж, три черных скелета засохших деревьев, на переднем плане лицо Виткевича; из-за его плеча на нас смотрит другое лицо, другой Виткаций. Портрет наверняка понравился бы самому Виткевичу: в нем есть оттенок так называемой метафизической дрожи. Но вот лиц — лиц, пожалуй, маловато, их было явно больше десятка.

Ведь всё это творчество, его стилистика, идеи и судьба, — это особая история. Очень польская, отчасти европейская и невероятно запутанная. Запутанная в нескольких смыслах. Уже само множество дисциплин, которыми занимался Виткевич, вызывает изумление: живопись, роман, драматургия, теория искусства, теория культуры, онтология. При этом всё очень индивидуально, не определимо одной фразой, поразительно в интеллектуальном отношении, всё сплетено одно с другим, нерасторжимо. К многообразию интересов Виткевича добавляется внутренняя многослойность этого творчества.

Его взрывная динамика кипит от противоположных импульсов. В их столкновении, смешении важнейшие художественные проблемы авангарда XX века соединены с большой группой политических, философских и социологических вопросов. Великолепные диагнозы и гипотезы сочетаются с наивной манией, серьезные вещи — с пародией и сознательным фантазированием. А на всю эту мешанину, и без того уже довольно интенсивно бурлящую, накладывается наша национальная ситуация, сорок бурных лет. Не слишком для Виткевича счастливых, но придающих его наследию дополнительный, особый смысл. На наших глазах смещаются акценты, саркастическая фантазия становится наблюдением, наблюдение — мифом модерна, а всё вместе обретает какую-то новую горечь — горечь опережения и опоздания одновременно. Столь адского конгломерата не было в польской литературе со времен романтиков. Тут легко забрести в никуда, если идти прямым путем по нитке от клубка: клубок слишком запутан, ниток слишком много. Остается вытянуть из клубка столько ниток, сколько удастся, в надежде, что хоть целое и не распутается, но, быть может, станет более прозрачным.

(Из эссе «Виткаций», 1961)

-
1. Ст. И. Виткевич. Сочинения. Т.1–6. М.: Вахазар, 1999–2006:
Дюбал Вахазар и другие неэвклидовы драмы. 1999;
Метафизика двуглавого телёнка и прочие комедии с
трусами. 2001; Наркотики; Единственный выход. 2003;
Ненасытимостъ. 2004; Безымянное деянье и остальные
сферические трагедии. 2005; Прощание с осенью. 2006.
 2. Ч. Милош. Так мало и другие стихотворения. М.: Вахазар,
1993. С.77–78.
 3. Там же. С.36.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В начале августа была торжественно отмечена 65-я годовщина начала Варшавского восстания. Адресатом представлений, литературных вечеров, концертов была избрана молодежь. С мыслью о молодежи был подготовлен рок-альбом на стихи Тадеуша Гайцы (1922–1944), которого считают крупнейшим, наряду с Кшиштофом Камилем Бачинским, поэтом «поколения Колумбов». Среди исполнителей 18 произведений Гайцы — Лех Янерка, Казик Сташевский, «Армия», «Дезертир», группы «Пустки», «Aggressiva'69», «Погодно». Издатель альбома — открытый пять лет назад и до сих пор активно посещаемый музей Варшавского восстания, который президент Лех Качинский считает «огромным маркетинговым успехом Польши».

— Замысел альбома принадлежит музею. Мы договаривались с музыкантами, выбирали тексты, — говорит Дорота Немчик, продюсер проекта. — Мы хотели, чтобы был сильный роковый акцент, который помог бы приблизить молодежи тему восстания и тех времен.

«Благодаря этому альбому появилась возможность оживить творчество поэта, которому в течение многих лет после войны совершенно безосновательно навешивали ярлык фашиста и антисемита, — пишет Яцек Цесляк на страницах «Жечпосполитой». — Альбом должен привлечь внимание прежде всего молодежи, так как стихи Гайцы вдохновили на участие в проекте лидеров независимой сцены.

Не забыт и Кшиштоф Камиль Бачинский (1921–1944). Мультимедийный проект «Птицы возвращаются» включает CD с 17 произведениями в исполнении Баси Радушкевич и ведущих джазовых музыкантов, DVD с двумя сюжетами в постановке Адама Смачинского и поэтический сборник с графикой Лукаша Райского. Поэтическую книгу завершает эссе Яна Стшелецкого о человеке «на краю».

— «Птицы возвращаются»... Возвращаются к нам как вечный зов любви, братства, как несогласие с равнодушием, насилием и ненавистью, — говорит Януш Липинский, автор замысла, композитор и продюсер всего проекта. — Когда-то это очень ярко выразил Ян Стшелецкий в своем эссе «Сентиментальные реминисценции», проведя нас вместе с Бачинским по

каменным тропам оккупированной Варшавы. Поэтому его эссе очень важно и «закрывает» книгу, но одновременно открывает следующий, после графики и музыки, пласт, который еще предстоит узнать и из которого вырос сам проект «Птицы возвращаются». Я мечтаю, чтобы он расшевелил молодых людей, встряхнул их.

«Мы сообщаем вам, что живы. Dubbing'44» — так называлось мультимедийное зрелище в постановке Мартина Либера, вдохновленное текстами пяти современных авторов (Дороты Масловской, Сильвии Хутник, Магдалены Френточ, Моники Повалич и Малгожаты Сикорской-Мищул), затрагивающих темы смерти, памяти и самого Варшавского восстания, а также песней Дэвида Боуи «Варшава». Спектакль состоялся 1 августа в полночь в одном из залов музея Варшавского восстания. Даже тем зрителям, которые неоднозначно восприняли зрелище, надолго запомнился текст песни Масловской:

Мы сообщаем вам, что живы,
что мы здоровы и полны сил.
Спасибо вам за пролитую кровь —
перешедшую к нам из ваших жил.

Мы сообщаем вам, что живы,
что мы, свободны и полны сил,
все время помним,
что наша кровь —
это ваша кровь.

В издательстве «Свят ксёнки» («Мир книги») вышел том «Варшавское восстание», в котором собраны все тексты Владислава Бартошевского на эту тему, созданные в течение более полувека. Они написаны с позиции не только участника боев восстания, но и историка, стремящегося взглянуть на события по-научному объективно. Книга открывается статьей «Прежде чем столица взялась за оружие. Последние минуты перед грозой» (1946), затем следует «Хроника важнейших событий Варшавского восстания», которую автор опубликовал в 1974 году.

Вторую часть, «Свидетельства участника», открывают самые старые тексты, написанные во время восстания и

опубликованные в повстанческой прессе. Публикуются и воспоминания Бартошевского о редактировании повстанческого бюллетеня, а также о боях, в которых он сам участвовал. В разделе «О восстании годы спустя» собраны тексты 1964–2005 годов, среди них юбилейные статьи, связанные с очередными годовщинами восстания, и речь на открытии музея Варшавского восстания.

Собранные под одной обложкой, тексты выразительно свидетельствуют, что Бартошевский даже в условиях коммунистической цензуры всегда оставался верен своим взглядам. В 2003 г. он сказал: «Я не меняю взгляды уже 59 лет. С 1944 года я написал о восстании много сотен страниц и сегодня не вычеркну ни одной строки».

Мультимедийное приложение к книге включает, в частности, записи передач повстанческих радиостанций и немецкую аэрофотосъемку. Редактор тома — известный историк проф. Анджей Кшиштоф Кунерт.

В ходе официальной презентации книги Владислав Бартошевский передал Варшавской городской публичной библиотеке на Кошиковой улице ряд относящихся к восстанию экспонатов, в т.ч. эмигрантские издания, листовки, объявления и повстанческие газеты. Периодические издания, касающиеся восстания, профессор передает библиотеке с 70 х годов. Благодаря этим ценным дарам библиотека на Кошиковой располагает сейчас третьим по величине в Польше собранием повстанческой периодики.

В связи с 65-й годовщиной Варшавского восстания в Королевском замке были вручены премии Столичного города Варшавы. Премии, в частности, получили: Эдмунд Барановский — солдат Армии Крайовой, автор и рецензент многих публикаций на тему восстания; Агнешка Богуцкая — директор бюро варшавского отделения объединения «Вспульнота Польска» («Польская община»); Эрнст Брыль — поэт и писатель; Бернард Ладыш — оперный певец; Веслав Михниковский — выдающийся актер театра и кино.

В государственном издательстве PIW через тридцать лет после того, как он был написан, увидел свет поэтический псевдодневник Мирона Бялошевского с июня 1975 по июнь 1976 г. — «Хамово». «Стоило ждать, — пишет на страницах «Дзенника» Цезарий Поляк. — Это захватывающий рассказ об опыте отчуждения, освоения города и одна из самых интересных книг о феномене спального района».

Пережив инфаркт, проведя долгое время в больницах и санаториях, поэт перебрался из своей старой квартиры на площади Домбровского в новый «муравейник», в огромный дом на окраине Саской Кемпы, которую жители района когда-то презрительно называли «Хамово». С девятого этажа многоэтажки Бялошевский начинает присматриваться к жизни соседей; он бродит по правобережной Варшаве, разговаривает с людьми, ездит в пустых автобусах, прогуливается по пригородным полям. Слушает, наблюдает, записывает. «Сам Бялошевский кажется чем-то прозрачным, — написал в «Газете выборчей» Тадеуш Соболевский. — Как ни странно, но после 13 лет знакомства я, в общем-то, не помню, каким он был. Он исчез в своих текстах. Каждый, кто его читает, смотрит на мир его глазами. Когда он описывает зарю над Варшавой, он растворяется в этой картине, словно бы описывая мир без себя. Это литература чистая, бескорыстная, но несущая печать необходимости своего существования, — она столь глубоко вникает в самое себя, что пробивается на другую сторону, отрывается от себя, исчезает, растворяется в пейзаже Хамово».

Нынешним летом Польшу посетили звезды поп-музыки, собрав толпы поклонников. 70 тысяч зрителей пришли 6 августа на концерт группы U2 на Силезском стадионе в Хожуве. «Вы исключительные! Европе нужно больше таких стран, как Польша!» — выкрикнул Боно, лидер группы, теша чувства польских поклонников. На сцене он поднял знамя с надписью «Солидарность». А зал с момента, когда зазвучали первые такты «New Year's Day», превратился в гигантский колеблющийся бело-красный флаг.

80 тысяч зрителей пришли 15 августа на концерт Мадонны в Варшаве. Ранее второстепенный католический политик, депутат Мазовецкого сейма Мариан Брудзинский сочтя, что организация концерта 15 августа, в день религиозного праздника, — это провокация, заявил: «Мадонна не должна петь в день Успения Пресвятой Богородицы» — и объявил крестовый поход против иконы мировой поп-культуры: «Поднимем моральное Варшавское восстание».

В протестный комитет должны были войти епархиальные деятели и «Католическое действие». Но Брудзинский не получил поддержки. Концерт состоялся на варшавском аэродроме Бемово, обошлось без демонстраций. По достоверным сообщениям очевидцев, это было захватывающее дух мультимедийное шоу. Один из рецензентов написал даже с нотой сожаления: «Не доставало только одного, к чему

Мадонна нас в последние годы старательно приучала, — скандала. Она, шокировавшая в предыдущем концертном турне песней “Live To Tell”, которую пела в терновом венце распятой на кресте, в этот раз поставила просто на шоу и на хорошее развлечение. Когда в ходе одного из номеров на расставленных вокруг сцены многочисленных экранах неожиданно появились различные религиозные символы, в этом не было ничего провокационного. Напротив, намеренная, хотя, наверное, и наивная, визуализация служила понятным призывом к единству всех вероисповеданий и прекращению религиозных конфликтов. Вопреки тому, что утверждали противники концерта на Бемово, выискивавшие заговор в связи с совпадением дат, Мадонна приехала в Варшаву не оскорблять, а объединять своей музыкой». Польские поклонники пропели звезде, которой на завтра исполнялся 51 год, здравицу «Сто лет!».

Во второй половине августа в Варшаве прошел V Международный музыкальный фестиваль «Шопен и его Европа». Выступило свыше 300 исполнителей, среди которых были такие мэтры мирового фортепьянного искусства, как Гарик Ольсон, Януш Олейничак, а также мастер «исторического фортепьяно» Андреас Штайер, участие которого дало фестивалю девиз «От Штайера до Штайера». Выступили также молодые лидеры русской фортепьянной школы, уже известные в мире: Сергей Каспров, Эльдар Небольсин и Алексей Зуев.

14 августа исполнилось пять лет со дня смерти Чеслава Милоша. «Газета выборча» напечатала в связи с этим пять ранее не публиковавшихся писем поэта Ежи Гедройцу: четыре — ровно сорокалетней давности, одно — 1973 года. Письма показывают, сколь живо интересовался автор «Поэтического трактата» русской проблематикой. В одном из писем идет речь о Солженицыне, которого Милош поначалу недооценивал: “Должен тебе сказать, что я ошибался, когда плохо отозвался о Солженицыне. «В круге первом» я не мог читать, считая, что у Вата это более интересно. Но у меня был английский перевод, а сейчас я прочел «Раковый корпус» по-русски — и совершенно другое впечатление: язык оживает, и говорящие люди оживают. Это для поляков урок солидной прозы, причем не фанфар и не сатиры, а книга с глубокими христианскими традициями (...). Солженицын через свою любовь к людям, к своим героям, укоряет и словно бичует весь так называемый Запад. Так что прими уверения в моем почтении за то, что ты его стараешься издать по-польски, хотя (а может, тем более потому что) не знаю, для кого. В польских книгах нет любви к людям”.

В другом письме, посланном из Беркли в Мезон-Лаффит, поэт сомневается, что русским пришло время познакомиться с Гомбровичем: «В своих записках Ват говорит, в частности, о Солженицыне, Пастернаке и о своих отношениях с молодыми русскими в Париже. О том, что нужно молодым в Советском Союзе. Что нужна литература фундаментальная, деполитизированная и христианская (как Солженицын) (...). Я бы с этим согласился. Гомбрович еще и для Запада авангарден, поэтому в России будет совершенно непонятен, ибо там нет связующих звеньев. Так что лично я совсем не торопился бы с переводом его на русский».

А в письме, написанном летом 1973 г., Милош сообщает редактору «Культуры»: «В июле я отлично поработал. Мы никуда не собираемся. Мой аспирант (специализирующийся по истории В[еликого] Княжества [Литовского]) вернулся из поездки в Польшу, Вильно и Львов. Показывал фотографии Вильно. В июле был здесь [Зигмунт] Бауман. Оч[ень] милый. Я дал ему Вата. Он был потрясен. Сказал, что ничего подобного раньше не читал, что это как соединение «Доктора Живаго» с Надеждой Мандельштам.

Вышли две толстых тетради «Tri-Quarterly», посвященные русской эмигрантской литературе 1922–1972 гг. Не только литературе, впрочем, но и музыке (Стравинский), и балету, и философии. Всё будет издано еще и книгой. Авторы — в основном американцы, хотя и русского происхождения. Я один представляю «других» — там мое эссе о Шестове».

Краков намерен почтить память нобелевского лауреата намеченным на октябрь Литературным фестивалем имени Чеслава Милоша. О своем участии в фестивале сообщили, в частности, Вислава Шимборская, Адам Загаевский, Дерек Валькот, Шеймус Хини, Дубравка Угрешич и Ханс Магнус Энценсбергер. Авторские вечера и тематические дискуссии будут проходить в стенах краковских храмов, синагог, театров и Ягеллонского университета. Девиз фестиваля — «Порабощенный ум» — должен стать, как можно прочесть на странице www.literatura.polska.pl, исходной точкой для раздумий над современными формами угнетения, понимаемого не только в политическом, социальном и религиозном контексте, но и как порабощение массовой культурой, масс-медиа и рекламой. Следующий фестиваль намечен на 2011 год; его девиз — «Семейная Европа».

Прощания

14 июля на 76 м году жизни в Варшаве скончался Збигнев Запасевич, один из крупнейших послевоенных польских артистов кино и театра, режиссер и педагог. В последние годы он был связан со столичным Театром повшехным [всеобщим]. Сыграл также очень много ролей в Телевизионном театре. Увлеченный творчеством Збигнева Херберта, он поставил спектакли «Господин Когито» (1981) и «Возвращение господин Когито» (1992). Он был выдающимся исполнителем поэзии Херберта. Мы помним выдающиеся роли Запасевича в кино — например, в «Земле обетованной», «Истории греха», «Защитных цветах», «Императиве», «Коротком фильме об убийстве», «Псах», «Огнем и мечом» или в «Жизни как смертельной болезни, передающейся половым путем».

“Выраженная интеллигентность или даже интеллектуализм — это черта, объединявшая Запасевича-актера с образами, которые он создавал. Это всегда отмечали режиссеры, с которыми он работал. Занусси или Вайда (знаменитая и важная для Вайды роль Запасевича в фильме «Без наркоза») вспоминают, что актер не жаловал стихийную игру; он глубоко интеллектуально прорабатывал и тщательно готовил каждую роль”, — написал в «Двutyгоднике» Анджей Вернер. А Даниэль Ольбрыхский так отозвался о своем первом профессоре в театральной школе: «Если можно в актерской профессии уметь всё, то Запасевич умел всё. Возможно, в этом заключалась его харизма. Он был артистом высочайшей пробы».

17 июля в Великобритании, в Оксфорде, умер философ с мировым именем, эссеист и прозаик Лешек Колаковский. Ему было 82 года (статьи и воспоминания о нем см. на стр.3).

В самом конце июля в продаже появилось последнее, подготовленное еще самим Колаковским собрание его текстов под знаменательным названием — «Счастлив ли Бог и другие вопросы», вышедшее в краковском издательстве «Знак».

Книга, насчитывающая более 300 страниц, включает философские эссе, а также статьи и фельетоны, ранее публиковавшиеся, например, в «Газете выборчей», «Жечпосполитой» и «Тыгоднике повшехном». Это тексты 1984–2008 гг. В кратком авторском предисловии говорится: “Как почти во всём, что я писал за последние несколько десятков лет, я не умею в самых важных вопросах прийти к окончательным решениям и все время сталкиваюсь с проблемами, которые приходится преодолевать неловким и в чем-то капитулянтским «с одной стороны..., но с другой стороны...». Быть может, это недуг или, скорее, изъян моего

разума, но, может быть (уж польщу себе), недуг бытия. Поэтому заканчиваю”.

8 августа в Варшаве умер Ян Тарасин — живописец, фотограф, график, член легендарной «Второй краковской группы», автор философских эссе об искусстве. Ему было 83 года. Живописи и графике он учился в Кракове, а с конца 1960-х был связан с Варшавой. Тарасин вел здесь мастерскую живописи, был профессором, а в 1987—1990 гг. — ректором Академии художеств. Его считают классиком современной польской живописи. Хотя в своих картинах он склонялся к абстракции, однако никогда не переставал заниматься фигуративным искусством.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Октавио Пас в эссе «Взгляд на старый мир» написал о молодежных волнениях, которые в конце 60-х годов потрясли западное общество: «В 70-х бунт стих — и критика замолкла. Исключение составляет феминизм. Это движение началось, однако, намного раньше и будет продолжаться еще много десятков лет. Этому процессу суждена жизнь куда более долгая, хотя его интенсивность в последние годы несколько ослабла. Здесь явление, назначение которого — длиться и изменять историю».

Я вспомнил эти слова, когда читал комментарии в прессе, посвященные Конгрессу женщин, который прошел в Зале конгрессов варшавского Дворца культуры 20-21 июня. Со вступительным докладом, названным «Солидарность — великая общая обязанность женщин», выступила профессор Мария Янион, одна из самых ярких представительниц польских гуманитарных наук. Текст этого выступления был опубликован на страницах «Газеты wyborчей» (2009, №149). Янион, в частности, сказала:

„Многие годы я встречалась с выраженным разделением дел на важные и неважные: в условиях угнетения важно бороться за независимость, а неважное дело — это борьба за права женщин. Деятели движения за независимость подвергаются политическим преследованиям, а репрессии и насилие в отношении женщин — это их частное дело. Я верила, что сначала будет завоевана свобода для всего общества, а затем мы все вместе, спокойно займемся улучшением положения женщин. К моему удивлению, оказалось, что в свободной Польше женщина должна быть «семейным существом», которое занимается не политикой, а домом. Мне понадобилось время, чтобы понять: демократия в Польше — мужского рода. (...) Многие женщины поняли тогда, что первые шаги новой власти основываются на возвращении к социальной и религиозной иерархии полов. Вскоре оказалось, что новая власть — это не мы. Ни организационно, ни политически женщины не были готовы к тому, чтобы себя защитить. Возникло несколько небольших организаций, мы узнали несколько замечательных личностей (...). Пробуждение влечет

за собой многие последствия. Оно очерчивает будущее, но и заставляет по-иному взглянуть на прошлое. Лично я никогда не питала иллюзий в отношении «равных возможностей». Я считаю, что мои карьерные достижения стоили мне гораздо больше, чем стоили бы мужчине. Здесь нет никакого заговора. Это происходит, в частности, потому, что так называемый универсальный образец был создан с мыслью о мужском роде. Поэтому мужчины легче вписываются в стандарты, действующие в академическом мире. Женщина должна быть во много раз лучше, чтобы ее оценили”.

И далее, поднимая тему феминизма: „Феминизм, как я его вижу, — это попытка понять механизмы, которые поддерживают существующее неравенство. Это также путь к истокам творчества женщин. Речь идет не о том, чтобы отмежеваться от наследия общечеловеческой культуры, но о том, чтобы найти язык для женского опыта и вернуть его смысл общей культуре. Я сама во всё большей мере осознаю женские оттенки того, что я делаю; я поняла, насколько для меня всегда была важна цепь поколений женщин, добывающих знание. Я заинтересовалась философией разницы полов. В поиске новой, открытой и универсальной дефиниции субъектности нельзя отрицать значения пола. Наоборот. Уже 30 лет общественные и в целом гуманитарные науки занимаются исследованием культурно дефинированной идентичности пола. В Польше, однако, этот поиск идентичности встречается с трудностями; всё время приходится бороться с обвинениями, что это «мода» и «идеология». (...) Но ситуация трудна и сама по себе. Феминистическому взгляду особо заметен исключительно мужской характер нашей культуры. В ее картине на первый план выдвигаются общественные связи между мужчинами, узы братства и дружбы. (...) Уже несколько лет создается образ связи поколений, передающих друг другу идеал борющейся мужской общности — вплоть до современной «Солидарности». (...) Нельзя не оценить значения форм мужской общности для формирования современного понятия «нация», основы которого часто определяют как беззаветное братство. Современное понятие «нация» и вырастающий из него национализм соединяются со стереотипом «мужественности», мифологии мужской общности. В этой национальной драме единственная предусмотренная женская роль — это роль матери. Для всех такого рода мужских общностей отношение к матери типологично. Происходит ее тотальная сакрализация. (...) В доминирующем польском «публичном высказывании» патронессой польского народа предстает самая идеальная мать — Мать Божия. С помощью культурного возвеличивания матери и материнства

маскулинная польская культура обеспечивает себе патриотический консенсус. (...) Если осознать всеобъемлющий характер мужских общественных стандартов и «страдательный» характер женского образца, можно понять, что женщины в Польше никогда не окажут влияния на становление права, формирование символов и в целом на общественную сферу, если не начнут создавать собственных общностных связей. В этом смысле женская солидарность, все еще осмеиваемая и разоблачаемая как фикция, является, безусловно, нашей общей, коллективной обязанностью. (...) Сегодня необходимо создавать новые, светские общности, в числе которых самой многочисленной, хотя, разумеется, не однородной, должна быть общность женщин, способная превозмочь воздействие религии на право, систему здравоохранения, науку и образование. Необходимо пересмотреть существующую общностную символику, необходимы интеллектуальные усилия, чтобы глубже понять польскую идентичность. Трансформация общественного строя, которая, с одной стороны, наша гордость, а с другой — иногда словно кость в горле, не может в полной мере осуществиться без эмансипации исключенных идентичностей и без действительной плюрализации политической сцены. Безусловно, нам необходима современная политика равноправия полов и паритетность как ее механизм. Но дополнением трансформации строя должна быть также трансформация символов. Нам предстоит для этого значительное культурное усилие”.

Мария Янион называет ряд авторов, у которых находит особенно интересные попытки переосмысления польской идентичности. Среди таких авторов — прозаик и эссеист Кинга Дунина, которая на страницах «Европы» (2009, №27/), еженедельного приложения к «Дзеннику», опубликовала очерк «Война двух национализмов». Польша, пишет Кинга Дунин, «в 2009 г. остается на этапе раннего нового времени, который европейские страны переживали в XIX веке. Это этап утверждения формирующимися нациями (которые еще не способны включиться в глобальные процессы) своей субъектности. Единственная в этом контексте перемена, которая происходит в Польше двадцать лет и приближает нас к новейшему миру, — это уход в прошлое явного национализма, характеризующегося идущим из романтической мифологии анахронизмом, и укрепление национализма, скрывающегося за фасадом капиталистической модернизации. (...) Мы не глобалисты, поскольку польский национализм не имел современного характера. Он был преимущественно традиционным — опирающимся на символы и эмоции. Армия

и завод не были структурами, в рамках которых мы консолидировались в нацию. Нацией мы становились и всё ещё становимся в костеле, на коленях. Это национализм слабых».

Что-то в этом есть, хотя, возможно, стоило бы при случае вспомнить, что «сильной» нацией, то есть политической нацией, реально выступающей на международной сцене, мы никогда не могли стать, подобно тому, как не могли стать «сильными» остальные нации на пространстве между Балтикой и Адриатикой («сильной» была Россия, и «сильными», хотя по-иному, формируя структуры гражданского общества, были нации Запада). По простой причине: в период, когда формировались структуры современных наций, люди в странах «народной демократии», как и поляки, были лишены политического бытия.

Пытаясь ответить на вопрос, почему в Польше нет гражданского общества, Кинга Дунин пишет: «Ситуация после 1989 г. не была результатом общественного диалога. Нам повезло, мы получили свободу. Одновременно и преобразования вновь оказались для общества чем-то навязанным сверху, к чему следовало просто приспособиться. Позиция верхов была позицией просвещенных модернизаторов, которые лучше общества знают, что для него хорошо. А поэтому и движение за включение широких общественных слоев в какие-либо проекты, не имеющие символически-национального характера оказалось довольно слабым».

И, наконец, в заключение читаем: „Отказ от польского национализма иногда трактуют как нечто подобное отказу от польской национальной идентичности. Но национальная самобытность — это только конкретное наше случайное состояние: мы родились в таком-то месте, говорим на определенном языке, привязаны к определенной местности и людям. Мы здесь имеем дело со случайностью, которая не подлежит аксиологизации. Раз потребленчески-капиталистическая перспектива не кажется привлекательной, то и такую «самобытность», наверное, следует беречь. Но если мы начинаем из нашей идентичности строить нечто, мешающее сотрудничать с другими народами, нечто, что делает нас жертвой, склоняет к завышенной самооценке и требованию каких-то привилегий, потому что мы были обижены историей, — это уже опасно. Мы всё еще тип общности, которая пробуждается только при исключительных событиях. Мы становимся поляками в моменты, которые имеют исключительно ритуальный и символический характер.

Так случается, когда мы вспоминаем и оплакиваем Иоанна Павла II или когда впадаем в национальную истерию по поводу футбола, разрисовывая себе физиономии цветами национального флага перед очередным проигранным матчем. И это способы интеграции, которые на минуту что-то дают, но на практике не создают ничего прочного. В нашей повседневности мы никакая не общность”.

Поиск нового языка, способного к переоценке традиционной модели польской идентичности («идентичность» — по-прежнему основная точка отсчета для большинства политиков, в особенности же идеологов «Права и справедливости»), — это один из наиболее интересных интеллектуальных вызовов, с которыми столкнулась Польша после 1989 г., то есть после обретения политической суверенности. Можно ли ответить на этот вызов? Позитивный ответ пытается дать Славомир Сераковский, главный редактор ежеквартального журнала «Критика политична» и один из самых активных вдохновителей движения, которое можно было бы назвать «новыми левыми». Отвечая на критику, которой с феминистических позиций подвергся Конгресс женщин, он пишет в статье «К радикально беспомощным» на страницах «Газеты wyborчей» (№ 155/2009):

„Нефеминистические взгляды части организаторов могут вообще не волновать [критиков Конгресса], но это общественный факт, а политический факт — это то, что эти женщины, как и феминистки, решились на компромисс. В результате Зал конгрессов, заполненный пестрой толпой женщин, стал совершенно другим местом, чем если бы был заполнен мужчинами в строгих костюмах. И каждый непредвзятый наблюдатель мог понять, насколько не хватает женского представительства в общественной и политической жизни. А прежде всего это стало понятно собравшимся женщинам. (...) Независимо от того, выступали ли феминистки или кто-то другой, определенные темы вызвали особенно живую реакцию собравшихся: паритет, право планирования семьи, *in vitro*, ограничение влияния Церкви. (...) Оказалось, что язык, на котором говорят польские феминистки, — это язык волнующий и понятный. И пусть повторяют, что всё это не для простых женщин, но этот язык, избегающий штампов, даже самых удачных, оказался содержательным. И пусть его было немного, но именно этот язык главенствовал на Конгрессе и определил его атмосферу. В выступлении Марии Янион были показаны глубокие структурно-культурные причины женского неравенства. (...) О них нельзя забывать, борясь за права женщин, потому что культурная дискриминация переносится

и в экономическую сферу. (...) Многое указывает, что Конгресс женщин продолжит свою деятельность, и я от имени «Критики политической» обещаю полную поддержку борьбы за паритетность и установление эффективной системы поддержания равноправия полов. Эти требования в польских условиях очень амбициозны, но их следует поддержать, и они могут мобилизовать на общие эффективные действия. (...) Прежде всего должны быть обеспечены основные условия равного участия женщин в принятии решений, а равенство полов должно стать элементом политики государства. Иначе любое другое феминистическое требование будет иметь значительно меньше шансов на выполнение».

Дело в том, что Конгресс женщин не стал платформой для какой-либо политической силы. Вместе с феминистками в нем приняли участие представительницы всех партий — от левых до правых. Понятно, что при таком составе Конгресса компромиссы были неизбежны. И Сераковский прав, когда пишет во вступлении к своей статье:

«Этическое измерение политического действия основывается на неустранимом риске в определении границы между действием, соответствующим идеалам, и отступлением от идеала для достижения реальных результатов. Не рискуют только те, кто не вступает в игру. А при взгляде на ее результаты иногда немного отделяет противников от принципиальных союзников».

Так было и в данном случае. Возможно, хорошим дополнением к этим замечаниям будут размышления Марии Янион:

«В 1981 г. во время Конгресса польской культуры, прерванного введением военного положения, я выступила с докладом о культуре первой „Солидарности”. Свой вывод я сформулировала так: „Огромный эмоциональный подъем должен быть сейчас преобразен в интеллектуальный”. И, что удивительно, именно это, последнее предложение — уж не знаю почему — не было напечатано в подпольном издании материалов Конгресса. Этот постулат с тех времен не изменился, хотя эмоции утратили свой благородный подъем. Возвышенное единение давно завершилось, а интеллектуальный подъем все никак не может начаться».

Так и хочется призвать: «Поляки (и польки), еще одно усилие!»